

АНДРЕЙ
СТАРОСТИН

БОЛЬШОЙ
футбол

БОЛЬШОЙ
футбол

АНДРЕЙ
СТАРОСТИН

АНДРЕЙ
СТАРОСТИН

Полюшко
ФУТБОЛ

Издательство
ЦК ВЛКСМ
"Молодая
гвардия"
1957

Старостин Андрей Петрович

БОЛЬШОЙ ФУТБОЛ

Редактор *А. Владимиров*
Оформление *Н. Коробейникова*
Худож. редактор *К. Аркуша*
Техн. редактор *А. Ковалев*

*

А09160 Подп. к печати 29/X 1957 г.

Бумага $84 \times 108 \frac{1}{2}$ — 4 бум. л. =

13,12 печ. л.—8 вклеек. 12,8 уч. изд. л.

Зак. 1419 Тираж 50 000 экз.

Цена 5 р. 75 к.

*

Типография «Красное знамя»
изд-ва «Молодая гвардия».
Москва, А-55, Сушевская, 21.

I. ПЕРЕД НАЧАЛОМ МАТЧА

**Большой день. — За кулисами стадиона. — Бутса Сальникова. —
Денисовский удар.**

Сплошной поток автомобилей, поезда метро, троллейбусы, трамваи, вереницы пешеходов — все это движется в одном направлении, к стадиону. К стадиону! Центральному стадиону имени В. И. Ленина!

Вокруг его огромной чаши задолго до начала матча — толпы людей. На километры растягиваются стоянки автомобилей.

Никто не идет нормальным шагом — все почти бегут!

А со стадиона расходятся медленно, игра сыграна, спешить некуда.

Ни одно зрелище не собирает так много зрителей, как футбол.

Из автобуса, в котором я еду вместе с командой «Спартак» на очередной футбольный матч, видна эта многоликая толпа.

Переполненный стадион. О, это всегда действует на настроение игроков!

Наш автобус пробивается к Западной трибуне.

Тысячи глаз узнают футболистов. Их громко приветствуют, долго провожают десятками восторженных взглядов. Неотразимое обаяние славы!

Вот уж воистину народный вид спорта!

Дело не только в том, что на футбольный матч приходят многие десятки тысяч зрителей. Гораздо важнее, что в футбол играют свыше одного миллиона юношей нашей страны.

Играют в Москве и Комсомольске-на-Амуре, в Киеве и на острове Диксон, в городах и в селах, в рабочих поселках и целинных совхозах.

Играют организованно и неорганизованно, по календарю и без календаря. В заполярном Норильске на футбольном матче присутствуют не сто тысяч, а три тысячи зрителей. Но страсти там кипят так же, как и в Москве. Радуются победам, огорчаются поражениям...

Кто подсчитает количество сыгранных в сезоне матчей? Кто определит количество зрителей? Кто скажет, сколько будущих, но пока еще неизвестных звезд футбола бегают с мячом, чтобы через несколько лет ярко засиять на столичном футбольном небосклоне? Сколько забитых голов! Сколько отбитых атак! Какая большая школа спорта и жизни! Какой большой футбол у нас!

Вот уже все ряды четырех трибун заполнены до отказа.

Широко обсуждаются составы команд.

Вадим Синявский и Николай Озеров занимают свои места в застекленной кабине.

Скоро стрелка часов на Северной трибуне подойдет к заветному часу, появятся из тоннеля судьи и раздадутся знакомые звуки футбольного марша, написанного старинным поклонником футбола композитором Матвеем Блантером.

Две команды выбегут на зеленое футбольное поле.

В каждом деле есть моменты наивысшего волнения. У артиста — перед поднятием занавеса, у металлурга — перед выпуском плавки, у солдата — перед атакой. У спортсмена — перед стартом.

Сейчас команды обменяются приветствиями, представятся судье. Прозвучит свисток, начнется очередная футбольная встреча.

Напряжение борющихся на поле сторон ощущается трибунами. А страстные переживания болельщиков на трибунах передаются футболистам.

Незримая связь зрителя и участников — одна из замечательных особенностей футбола.

Кто играл, тот знает силу психологического воздействия трибун на игроков.

А кто сидит на трибунах, тот, наверное, нередко ловит себя на произвольном движении ногой или корпусом, на движении, «помогающем» какой-то команде. Правда, чаще это замечают соседи, а не сам увлеченный переживаниями болельщик.

Но пока стрелка не подошла к заветной минуте и нет на поле судьи, давайте пройдем в прохладные, прекрасно оборудованные подтрибунные помещения. Как здесь тихо и спокойно! Даже не верится, что в нескольких метрах отсюда хлопочет и бурлит один из самых сильнодействующих вулканов.

В раздевалке Сергей Сальников шнурует бутсу.

Я с любопытством разглядываю эту прямо-таки удивившую меня бутсу.

Боже мой! Как же не похожа она на своих прародителей! Мне ясно представляется первая бутса, которую довелось держать в руках лет сорок тому назад.

То была бутса знаменитой в свое время фабричной марки «Скрум».

Из плотной кожи, с запяточными длинными ремнями, перекрещивающимися на подъеме, с поперечными шипами, с подковками из кожи на каблуках и носке, с защитными круглыми подушками с боков, на медных гвоздях — такие бутсы были могучими боевыми доспехами.

Носок бутсы как железный. На обутую ногу можно обрушить удар молотком — носок «держал», пальцы боли не чувствовали.

Бутсы скрумовской фирмы были в почете.

«У него скрумовские» звучало солидно.

Да, совсем не похожи бутсы Сальникова на знаменитую когда-то футбольную обувь.

Легкие, с обрезанными ниже щиколотки берцами, из тонкого хрома, на легкой прошивной подошве, легко гнущиеся, они выглядят как специализированные тапочки. Носок совершенно мягкий. Если поставить рядом бутсы современного и дореволюционного футбола, впечатление будет разительное. Самосвал и новый «Москвич».

Сергей Сальников, один из популярных сегодня футболистов, — сторонник всемерного облегчения бутсы.

Ему подражают и другие футболисты. Играть в бутсах с жестким носком из плотной кожи считается отсталостью.

Известный обувщик киевлянин Орлов, обшивший не одно поколение выдающихся футболистов, недавно рассказывал:

— Вы знаете, Андрей Петрович, ну прямо хоть из шевро бутсы шей. Кому ни сошью — все тяжелы и тяжелы. У Сальникова, говорят, бутсы — пух!

Не меньше, чем бутсы, за прошедшие сорок лет изменился и сам футбол.

Интересно, что он изменился даже на слух.

Закройте, сидя на трибунах, глаза, и вы подолгу не будете слышать игры.

Сорок лет назад за сотни метров от стадиона вы слышали бы характерные звуки ударов по мячу: бум! бум! бум! Это были отстрельные удары защитных линий, «пушечные» удары форвардов.

Многоходовые комбинации, короткие и средние передачи пришли на смену пушечному ударному футболу.

Надобность в увесистых доспехах — в скрумовских бутсах — отпала.

В то время как я размышляю по этому поводу, держа бутсы Сальникова в руке, начальник команды Николай Старостин в шутливом тоне спрашивает:

— А как ты думаешь, годится такая тапочка для денисовского удара?

Да, знаменитый денисовский удар помнят все ветераны московского футбола.

В 1918 году Михаил Денисов, игравший за сборную Москвы против сборной Петрограда, выстрелил по воротам противника с сорока метров. Многие даже утверждали, что он бил из центрального круга.

Вратарь в броске пытался отбить мяч, но кожаный снаряд со страшной силой влетел в нижний угол ворот.

Неповторимый удар! Он вызвал бурю ликования на трибунах. Вскружил москвичей, ошеломил петроградцев. Матч закончился со счетом 9 : 1 в пользу Москвы!

А ведь Петроград тогда считался гегемоном русского футбола!

Николай, вспоминая денисовский удар, явно подзадоривает Сергея Сальникова. В тон брату я отвечаю:

— Любой бутсой можно сделать сильный удар, но сейчас нападающие не очень часто бьют по воротам с дальних позиций.

— Плотно держат, Андрей Петрович, трудно найти момент для удара, — возражает Сальников.

— Дерзай! — шутливо-грозно кричит Николай, провожая на поле Сальникова.

В этот раз Сергей больше обычного бил по воротам и действительно с дальней дистанции забил прекрасным ударом гол.

После матча он, посмеиваясь, сказал нам:

— А тапочки-то бьют!

Я был доволен: пример далекого прошлого иногда полезно вспомнить.

Полезно вспомнить... Да если бы я и захотел, не мог бы не помнить того, что стало неотъемлемой частью моей жизни. Я говорю о спорте, о футболе, о большом футболе. Может быть, и вам, мои дорогие друзья, спортсмены и болельщики, интересно будет послушать меня. Тогда давайте вместе отправимся в прошлое...

II. ДОМИК НА КАМЕР-КОЛЛЕЖСКОМ ВАЛУ

Братья Старостины-старшие и братья Старостины-младшие. — Охота пуще неволи. — «Осрамили, голоштанники!» — «Спортивная Цусима». — Патриаршие пруды. — Гибель Королева. — «Дикие». — Литой мяч. — Искусство требует жертв.

Маленький домик на пресненском Камер-Коллежском валу в Грузинах был построен Московским обществом охоты для своих служащих — егерей-окладчиков братьев Дмитрия Ивановича и Петра Ивановича Старостиных.

У Дмитрия Ивановича семья из трех ртов: сам, жена Аграфена Никифоровна и сын Иван.

У Петра Ивановича целая «облава»: жена Александра Степановна и шестеро детей — Николай, Александр, Андрей, Петр, Клавдия и Вера. Петр Иванович — мой отец. Дядя Митя и отец занимают дом пополам: по две комнаты отдельно, а столовая вместе.

Дядя Митя консерватор. Он с гордостью сообщает, что работает в Московском обществе охоты имени императора Александра II.

Отец либерал: он громит царизм за процесс Бейлиса, за Ленские расстрелы, за бездарных министров и пьяного жулика Распутина.

Но ни дядя Митя, ни отец не политики. Поговорят, поспорят, поругаются, да тем дело и кончится. Правда, дядя Митя, не любивший Керенского, в период Временного правительства сочинял на «главковерха» даже сатирические стихи.

Главной темой разговоров в нашем доме была охота. Дядя и отец были изумительными рассказчиками. В особенности дядя Митя. Он вел рассказ в лицах, подражая людям, зверям, рисуя пейзажи русской природы, захватывая слушателей картинами борьбы, погони... Здесь было все: схватка с бешеным волком и замерзающие от лютого мороза люди, удар топором по разъяренному медведю и блуждание в Брянских и Тамбовских лесах, стоверстное преследование на лыжах стаи волков... Летом темы рассказов менялись. Пойнтеры кофейно-пегие, черно-

пегие, сеттеры-ирландцы, гордоны, лавераки были предметами горячих обсуждений. Натаска собак проводилась в деревне. Отец снимал дом художника Кардовского в деревне Вашутино или останавливался у тестя в соседней деревне Погост.

Иногда он брал кого-нибудь из нас с собой на болото. Но проходить за ним весь день было невозможно. И он и дядя Митя были исключительно выносливые люди. Рослые здоровяки, совершенно не употреблявшие алкогольных напитков, они даже среди охотников отличались своей выносливостью.

Двадцать-тридцать километров в день по лесам или болотам отмахать для них было обычным делом. Они никогда не говорили «устали, как собаки». Они говорили: «Собаки устали, пошли домой!»

Всероссийские испытания охотничьих собак были генеральным смотром работы егерей за летний период.

Волнений в эти дни в доме было не меньше, чем в более поздние времена, когда нам, четверем братьям, предстояло выступать в каком-либо особо ответственном матче. Дядя Митя и отец были неоднократно победителями на испытаниях.

— Буду знаменитым охотником. Перебью всех волков и медведей, заберу все золотые медали! — мечтал я в детстве.

Но судьба сложилась иначе. За всю жизнь я не убил даже зайца. Однако дух борьбы и соревнования, по-видимому, все же передался нам, братьям, от отца и дяди.

Когда проходили Олимпийские игры 1912 года, я еще и понятия не имел, что такое футбол.

Дядя Митя, презрительно относившийся к спорту вообще, по поводу неудач русских высказался категорически: «Осрамили Россию, голоштанники!» Действительно, русские спортсмены, впервые выступившие за рубежом, проиграли по всем видам спорта. Плохо выступали и футболисты. Финляндия, как княжество входившая в состав царской империи, добилась разрешения участвовать в играх самостоя-

тельно. Ирония судьбы! Жребий свел Россию с Финляндией в первой встрече. И маленькая Финляндия победила национальную русскую сборную команду. Какой конфуз для императорского спорта! Но на этом дело не кончилось.

Олимпийские правила гласят, что проигравший из борьбы за первенство выбывает. Но для определения последующих мест проигравшим командам дается право сыграть между собой так называемые «утешительные» матчи. Немцы тоже проиграли свою первую игру. И вот предстоит встреча России с Германией. Увы, результат этого матча был 16:0 в пользу Германии.

Вспоминая столь печальный дебют русских футболистов за рубежом, нетрудно найти причины неудачи: русский футбол был еще очень молод. Игроки, выступавшие в сборной команде России, были первым футбольным поколением в стране. Победительница Олимпийских игр в Стокгольме, сборная команда Англии, имела футбольную культуру пятидесятилетней давности.

И все же, как ни горько было поражение, оно несло и определенную пользу. Обнаружились слабости, выявились качества отдельных игроков.

Василий Житарев, выдающийся игрок своего времени, был единственным русским футболистом, забившим гол в этих соревнованиях.

Мне довелось увидеть Житарева на поле в конце его футбольной карьеры, уже в двадцатых годах. Стремительный бег с каким-то прямо-таки калейдоскопическим движением ног резко выделял его в команде Замоскворецкого клуба спорта. Не снижая скорости, он врвался на штрафную площадку противника и в темпе, как тогда говорили, «шютовал», то есть бил по воротам. Гол, забитый им на поле Замоскворецкого клуба спорта, я всегда вспоминаю, когда обращаюсь к прошлому футбола. Мяч, сильно пущенный им с полного хода, ударился в перекладину ворот, затем пошел в землю, от земли снова в перекладину, вновь в землю и только потом ударился о верх железной сетки ворот. В этом нет ничего уди-

вительного. Раньше штанги имели квадратное сечение и часто после попадания в перекладину мяч перпендикулярно ей шел к земле.

Вернувшихся с олимпиады футболистов подбадривали:

— Ничего, ребята, первый блин и то бывает комом. А это не блин, это мяч — он круглый.

Трудно, конечно, рассчитывать на успех, выступая впервые в ответственном международном турнире.

«Спортивная Цусима» — так характеризовала пресса 1912 года поражение русских спортсменов в Стокгольме. Россия разделила двенадцатое-тринадцатое места с Австрией, и это рассматривалось как «национальный позор».

Вот тогда впервые я услышал это загадочное слово — футбол.

Сейчас, просматривая старые журналы, видишь, что класс нашего футбола тогда был, мягко говоря, не высок. Незадолго перед олимпийским турниром Россия принимала финских футболистов. Замоскворецкий клуб спорта — ЗКС, одна из сильнейших команд Москвы, потерпела от финнов жестокое поражение — 8 : 1. Сборная России проиграла со счетом 0 : 4. И только сборная Москвы сумела свести игру к ничейному результату — 1 : 1. Предпосылки неутешительные. Учитывая это, журнал «Русский спорт» так высказывался по поводу предстоящего турнира в Стокгольме: «Русские футболисты не могут иметь больших надежд на успех. Прежде всего русские вообще еще не сильны в футболе, затем ослаблены всевозможными внутренними неурядицами. Команда, в которую вошли и москвичи, не может быть сильной ввиду незнакомства игроков друг с другом. Кандидатами на первое место, безусловно, должны считаться англичане. Ближайшими их соперниками явятся, вероятно, датчане».

«Русский спорт» не ошибся. В финальном матче англичане действительно встретились с датчанами и сыграли со счетом 4 : 2. На третье место в турнире вышла команда Голландии.

Встречались русские футболисты и с венграми в том же 1912 году. Результат и здесь был плачевный. Со счетом 9:0 гости разгромили сборную Москвы. А через два дня команда, именуемая «Вся Россия», выступила против венгерских футболистов. Громкое название не спасло. Матч закончился со счетом 12:0 в пользу венгров.

Спортивный обозреватель писал, что во втором тайме «голы посыпались, как из рога изобилия». В самом деле, во второй половине игры венгры забили девять голов!

Осенью того же года германские футболисты, приехавшие в Москву, выиграли у «морозовцев» — команды клуба спорта Орехово-Зуевской мануфактуры — со счетом 6:0. А «морозовцы» были в то время сильнейшей командой Московской футбольной лиги. Дважды гости нанесли поражение сборной Москвы со счетом 10:1 и 3:0.

Пожалуй, не беспочвенны были разговоры и о «спортивной Цусиме» и о «национальном позоре».

И все же неверно сравнивать спортивную игру с войной. Спорт — состязание силы, ловкости, ума. Спорт не война, не битва. Спорт — удовольствие, радость, счастье! Мне всегда претят азартные дельцы, стремящиеся превратить спорт — школу мужества — в потасовку с членовредительством, позором побежденных, несмываемыми обидами. Сегодня ты побежден, завтра ты победитель. Только стремись к этому, люби не почести и славу — люби спорт.

Но... поражения горьки, победы радостны. Приятно, что наш футбол из отсталого, заброшенного стал передовым! Победы над Германией, Англией, боевые ничьи с Венгрией... И, наконец, триумф в Мельбурне!

Но пока вернемся на Пресню, на Камер-Коллежский вал.

Двоюродный брат Иван Старостин вдруг сделался настоящим спортсменом-конькобежцем. Сначала просто Вáнюшка-новичок, потом конькобежец тре-

тьего разряда, затем второразрядник Иван Дмитриевич, он стал приносить домой жетоны победителя. В доме постоянно упоминаются имена знаменитых русских скороходов: Струнников, братья Ипполитовы, Найденов, Седов, Мельников. Иван сделался героем семьи. Шутка сказать, член Русского гимнастического общества «Сокол-1», имеющий несколько жетонов, вхож в членскую комнату, где разговаривает с живыми чемпионами Европы и мира! И началась страда конькобежная.

Перепутались мои планы.

Я решил, что не буду знаменитым охотником. Бегать за медведями и волками, возиться с собаками, чистить ружья... Нет! Буду чемпионом мира по конькам. Всего-навсего!

Семилетним мальчишкой я ходил на каток Патриарших прудов в дни «бегов», как тогда назывались конькобежные соревнования, и простаивал на снегу за забором долгие часы. А затем веревками я прикрутил к валенкам «снегурочки»...

«Побью все рекорды! — решил бесповоротно. — Все!» С меньшим мириться я не хотел.

Даже гибель известного конькобежца Королева не охладила моего пыла. А гибель Королева поистине была трагической. Он бежал в паре с Платоном Ипполитовым. Беговая дорожка от внутреннего круга тогда отделялась деревянным барьером. Навалившиеся на барьер из круга зрители отломили одну доску, которая острым концом отошла от стойки навстречу бегущим спортсменам. Бежавший по маленькой дорожке Королев на полном ходу врезался в доску грудью. Доска пронзила его буквально насквозь, и он замертво упал на дорожку.

По тротуарам и заснеженным местам я носился на своих «снегурках», воображая себя то Ипполитовым, то Мельниковым.

— Все ли готовы? — подавал я сам себе стартовую команду. — Внимание! Марш!

В дальнейшем мы с Платоном Афанасьевичем Ипполитовым стали хорошими друзьями. Когда

я ему рассказывал о моей детской влюбленности в него, Платон Афанасьевич очень искренне говорил, что нет ничего приятнее для спортсмена, чем знать, что он является примером для детей.

Конькобежца из меня не получилось. Ни одного рекорда я не установил. Но думаю, что эти «бега» во многом способствовали моему общему физическому развитию и довольно быстрому прогрессу в хоккее. Впервые взяв клюшку в руки в 1924 году, я в 1926 году уже был включен в состав сборной команды Москвы.

Любовь к конькобежным соревнованиям как к великолепному спортивному зрелищу не пропала и по сие время. Но уже тогда, в самый горячий период увлечения коньками, магическое слово «футболист» заполняло мои помыслы. И не только мои: мы, все четверо братьев, увлекались все больше этим спортом.

Футбол обладает необыкновенным свойством. Ни возрастные, ни сословные различия для него не существуют. Он проникает быстро и всюду. Проник, конечно, он и в Грузины, на Пресненский вал. Проник и втянул в себя все молодое поколение, школьное и внешкольное. То была пора несметного количества «диких» команд. И Рогожско-Симоновская застава, и Благуша, и Замоскворечье имели свои пустыри-полянки, на которых базировались так называемые «дикие», то есть не входящие в официальные организации, команды.

Пресня тяготела к Ходынке. К той самой Ходынке, где во время коронации Николая II произошла известная в истории трагедия.

Там, на Ходынке, с утра до вечера в поисках партнеров ходили «дикие».

Разговор капитанов был лаконичным и выразительным.

- Состязнемся?
- Состязнемся!
- Сколько на сколько?
- Сколько наберется.

- Мяч есть?
- Есть.
- Судья наш?
- По жребию.
- Согласны.

Соревнования возникали мгновенно, неожиданно. Дело зависело от наличия мяча. Играли в сапогах, в ботинках, босиком, кто во что горазд. Нередко матчи кончались потасовкой. Дисквалификации не боялись.

Николай и Александр старше меня. Николай на четыре года, Александр — на три. Они постоянные участники ходынских сражений: играют хоть и в заплатанный сто раз, но все же в настоящий футбольный мяч, с камерой и крышкой.

Я пока игрок «заворотный». Что мимо ворот, то мое. Впрочем, заворотных, таких огольцов, как я, на поле много. Каждый наш мяч надо добывать с бою. Зато какая радость, когда мяч в твоих руках! Но таких моментов, увы, так мало. А энергии много! И вот заворотные огольцы достают тряпичный или литой резиновый мяч и начинают свое состязание. Этот резиновый мяч был ужасен. Мы играли на немощенной части Пресненского вала, прямо возле домов.

Черный, тяжелый, диаметром сантиметров пятнадцать, на вид, ну, прямо чугунное ядро, мяч, как огнем, обжигал босую ногу во время удара.

— Пойди, мерзавец, вымой ноги, — сказал мне отец, когда я после первого знакомства с этим мячом явился домой.

Пошел на кухню мыться. Да не тут-то было: ноги не отмывались. Наконец из-под смытой пыли обнаружили багровые с синевой подтеки.

— Если хочешь быть красивым — поступай в гусары. А искусство требует жертв, — сказал мне, смеясь, старший брат. — Надо терпеть.

Я терпел!

III. ГОРЮЧКА

Фан Захарыч. — Футбол теснит «стенку». — Горючка и Широковка. — «Играю на пиджак». — Первый матч и дохлый конь. — Михеев. — Опасные болельщики. — Монтекки и Сахаровы. — Рынок — ключ к скорости. — Пять рублей семьдесят копеек. — Покровитель спорта Битков. — Приключения детektivов.

Отец большую часть времени в отъезде. Ученье нам всем шестерым давалось легко. Все были в числе первых учеников в своих классах. Уроки готовили быстро. Поэтому времени свободного оставалось много, и проводили мы его главным образом на улице. А какие развлечения в старое время были на улице — известно. Кулачные бои, или «стенка», как называлась у нас драка улицы на улице.

В Грузинах первым бойцом был Фан Захарыч. Рыжий биндюжник, краснощекий, лупоглазый, с оловянными глазами, с распахнутой грудью, покрытой огненными волосами, он был заправский стеночник. Собственно говоря, он был Иван Захарыч. Но из-за отсутствия передних зубов у него, когда он представлялся, выходило вместо Иван — Фан. Так его и звала вся Пресня — Фан Захарыч. Кулачищи у него как двухпудовые гири. Всегда полупьяный, он появлялся на «стенке» в критический для его партии момент и зычно возвещал, расправляя широкие плечи:

— А ну, кто с Фан Захарычем?

Обычно, когда появлялся Фан Захарыч, наших били. Единственный, кто всегда выстаивал против него, был Костя Ульянов.

Полная противоположность Фан Захарычу, Ульянов был тонок в кости, смугловат и имел небольшой, почти женский по величине, кулак. Его сила была в хладнокровии. Он владел собой в совершенстве. Как боец «стенки», Костя стяжал себе куда большую славу, чем как футболист. Так же как и нас, футбол отвлек его от «стенки» к зеленому полю.

Николай и Александр также дрались хорошо и вступали в бой, когда мы, огольцы, обычно начинавшие «стенку», уступали место подросткам.

Футбол настойчиво, упорно вытеснял «стенку». В Грузинах возник первый кружок футболистов.

В Большом Тишинском переулке был пустырь под названием Горючка.

Сколько ни застраивался этот пустырь, здания неизменно сгорали. Упорно арендаторы земли вновь возводили постройку, но с тем же упорством огонь все уничтожал. Наконец, убедившись, что «сила соломѹ ломит», хозяева плюнули на пустырь и от дальнейших попыток застройки отказались. Сила, сжигавшая пустырь, была расположена напротив — на другом углу Тишинского переулка и Малой Грузинской улицы. Это была знаменитая Широковка — штаб-квартира воров-рецидивистов и жуликов, добывших Грузинам темную славу самого опасного района Москвы.

Горючка издавна была летней базой уголовно-преступного и деклассированного элемента. Здесь были свои знаменитости, со своими кличками и прозвищами: Колдун, Старик, Торгаш, Мѣха, да всех и не перечесть!

Горючка зажата с трех сторон задними стенами домов. Здесь есть проходной двор на Пресненский вал, как раз недалеко от нашего дома. А со стороны Большого Тишинского переулка Горючка огорожена деревянным забором, в котором как раз напротив Широковки небольшая калитка. Сидят «деловые» на траве кучками: пьют самогон, политуру, ханжу, играют в карты. Много этих кучек, окруженных стоящими сзади охотниками полюбоваться азартной игрой. Вдруг резкий свист на весь пустырь. Стоящий «на стрѣме» тревожно кричит: «Зекс!» Облава. Полицейские свистки. Быстро появляются городовые. Но, как стая воробьев, стремительно вспорхнули «деловые», махнули через забор — и след простыл. На Горючке ни одного человека — пустырь как пустырь.

Кровавые дела бывали на этом пустыре. Кажется, играют в карты приятели, связанные общими интересами: Старик, Торгаш и Сдобный. Мы знали их в лицо хорошо. Каждый день на Горючке в углу

у каменной стены мы гоняли свой литой мяч. Мечут приятели «коротенькую» — штосс.

Старик, совсем недавно эстрадный актер Раздольский, выигрывает. Торгаш уже без денег. В долги игры нет.

— Играю на пиджак! — предлагает Торгаш.

— Нет, не пойдет!

Торгаш вспыхивает. Перебранка. Ссора. Торгаш выхватывает нож. Старик в страхе спасается бегством через забор. Но Торгаш расторопный парень. Напрасно Сдобный хочет удержать его за ногу.

Торгаш отталкивает Сдобного и прыгает через забор. Он быстро догоняет Старика и одним ударом ножа кончает ссору. Старик лежит бездыханный...

Многое видела Горючка на своем веку, трудно было удивить ее чем-нибудь. Но и она все же удивилась, когда вдруг группа футболистов-любителей во главе с Владимиром Воробьевым, братьями Федором и Григорием Шелягиными, Михаилом Голубевым и Сергеем Столяровым решила использовать Горючку как спортплощадку для организованного ими кружка.

Иронически воспринял «деловой» народ эту затею. Но препятствий не чинил. Кто думал тогда, что эта самая Горючка будет началом пути одного из замечательных футбольных коллективов!

Случилось так, что Николай Старостин благодаря увлечению коньками соприкасался с членами Русского гимнастического общества. У РГО была своя футбольная команда, но не было поля.

— Арендуйте Горючку, — предложил Николай секретарю РГО.

Горючку осмотрели, и она была признана приемлемой для аренды.

Кто соприкасался с футболом, тот знает «половодье чувств», охватывающее футболистов с наступлением весны. Стучали молотки, забивались гвозди, врезались в землю лопаты и прочесывали грунт грабли. На Горючке сооружены футбольные ворота. Штанги квадратного сечения сантиметров в тридцать толщиной и гигантская балка-перекладина.

Сто лет можно бить ежедневно по таким штангам — простоят! Павильон для игроков хоть из некрашенных досок и без окон, скорее напоминающий сарай для инструмента, но все же павильон. Есть где раздеться игрокам. Накануне первого матча с командой «Наздар» Горючка была готова к приему гостей. Поле размечено, на воротах железная сетка. Ах, какой она издает приятный звук, когда об нее ударяется мяч! Когда впоследствии перешли на веревочные сетки в воротах, долго как-то не хватало этого шумового эффекта.

В день игры с утра — неожиданность. На самом центре поля лежитдохлая лошадь Фан Захарыча. Как она сюда попала? И куда ее девать? Задачу решили просто. Прямо на поле вырыли яму и тут же зарыли коня. Потный, раскрасневшийся, в котелке и лаковых ботинках, руководил работой энтузиаст-спортсмен, секретарь РГО Николай Тимофеевич Михеев. Как ни старались уложить кобылу в подрытую яму, подтягивая труп за хвост, все же бугор от вздувшегося живота уравнивать не удалось. Посреди поля возвышался небольшой холм, и во время матча на глазах у изумленных зрителей вдруг обнажались лошадиные ребра.

Осложнения первого матча на этом не кончились. К началу игры пожаловали все обитатели Широковки. Уголовники быстро взгромоздились на футбольные ворота и, свесив ноги, уселись на верхней штанге.

— Да чем мы мешаем? — недоумевали они. Администратор и судьи умоляли их слезть с ворот.

— Это противоречит всем правилам! Пока вы не слезете, мы не начнем матч!

Наконец уголовников уговорили слезть с ворот, матч начался, и, к радости Горючки, хозяева поля выиграли.

С этого дня футбол приобрел на Горючке самых пылких болельщиков. Особый восторг у них вызывал Николай Тимофеевич Михеев, неизменно являвшийся на матч в котелке и лаковых ботинках. Михеев не брезгал никакой черновой работой, был разносто-

ронным спортсменом и с неподдельным энтузиазмом играл в футбол. Но не сама игра Михеева прельщала болельщиков, класс его игры был невысок — левая нога у него была «чужая». Бить ею он совсем не умел. Не бил, а как-то тащил мяч. У спартаковцев его «движок» левой принял до сих пор бытующее нарицательное определение. «Михеевский удар» — говорят по поводу не умеющих бить с левой ноги. Но зато он был напорист и поэтому очень результативен. Каждый успех своей команды Михеев отмечал своеобразным аттракционом. После забитого гола он от ворот противника шел колесом, то есть катился через голову на спину вверх ногами, и опять через голову, и так до самого центра поля. Болельщики захлебывались от восторга.

Но не всегда выигрывали хозяева поля. Бывало и наоборот. И вот тогда футболистам приходилось туго. Болельщики Горючки выражали недовольство простейшим способом. Они били гостей-победителей.

— Бей их! — кричал какой-нибудь широковец, и хозяевам поля приходилось занимать круговую оборону, чтобы обезопасить гостей от зуботычин.

Невоздержанность горючкинских болельщиков быстро снискала себе неблагоприятную известность. В московских спортивных журналах появились статьи, требующие закрытия этой «опасной», как писали журналы, площадки. Но футбол таит в себе организующее начало. Болельщики Горючки пристрастились к игре, и страх потерять увлекательное зрелище дисциплинировал даже их. Постепенно горючкинцы научились провожать гостей-победителей только уничтожающими взглядами и презрительными репликами.

В отличие от современных болельщиков горючкинцы своих не ругали. Считали, что во всем виноват противник.

Горючка стала поглощать все наше свободное время.

Николай играл за вторую команду. Он отличался в команде тем, что совершенно не умел бегать. Бегал длинным шагом, еле-еле передвигая ноги. Как

говорят егеря, бег у него был «улогий». Возможно, это был результат повреждения сустава в бедре. В детстве, гоняя тряпичный мяч, он упал бедром на кирпич и пролежал после этого несколько месяцев в софийской больнице. Так и начал он свою карьеру тихоходным футболистом. Кто видел Николая Старостина на правом краю сборной Москвы в 1922 году, никогда бы не поверил, что несколько лет тому назад это был плохо бегающий футболист. В чем разгадка этой перемены?

Отец нас воспитывал в суровом духе. «Упорство, — говорил он, — побеждает любые трудности. Смелость и упорство те качества, без которых все остальные мужские достоинства неполноценны». Он никогда не обращал внимания, если кто-нибудь из нас являлся к нему с жалобой на обидчика. Мы это знали и защищали наши мальчишеские интересы сами.

Напротив нас жили два брата Сахаровы, одногодки Николая и Александра. В течение ряда лет при встрече, где бы она ни происходила, две пары братьев молча клали ранцы и начинали бой. Как Монтекки и Капулетти.

Драки эти начали Сахаровы. Старостины не отказались. И так день за днем. И вдруг однажды Сахаровы уклонились от боя. Может быть, и даже наверное так, они стали повзрослее и поняли бессмысленность этой вражды, повода для которой не было, ну, буквально никакого. Но тем не менее чувство удовлетворения от победы испытывал даже я. А Николай в свои четырнадцать лет говорил нам поучительно: «Вот видите, сдаваться никогда нельзя!»

Да уж чего-чего, а упорства у Николая хватало. Хватило его, чтобы победить и в борьбе за скорость. Чувствуя, что с тихим бегом добиться успеха в футболе нельзя, он объявил для себя штурм скорости. Штурм сводился к нехитрому, но требующему чрезвычайного упорства делу. Рывки! — вот ключ к скорости. Сто рывков в день при любых обстоятельствах.

На Тверской улице иной раз можно было видеть юношу, вдруг среди толпы стремительно срывающегося с места. Несколько метров предельно быстрого бега и дальше опять нормальный шаг. На лицах прохожих недоумение: «Хулиган? Или сумасшедший?»

Впоследствии, когда Николай Старостин сделался одним из быстрейших футболистов Советского Союза, он все же продолжал быть «одержимым», как его обозвала однажды напуганная очередным рывком старушка.

— Андрей, вообрази, — обращается ко мне жена Николая Антонина Андреевна. — Идем с Николаем вчера из театра. Народу полно. Вдруг как кинется от меня со всех ног. Я перепугалась и спрашиваю: «Что с тобой?» — «Рывок, — отвечает. — Сто метров — двенадцать секунд. Медленнее нельзя».

Николай и Александр были старше и, как говорится, шли на темп впереди меня. Но страсть к футболу сжигала нас всех четверых. Что греха таить, нам с Петром часто приходилось завидовать старшим братьям. Так было и с покупкой бутсов. Отчаявшись сделать из нас егерей, отец определил нам путь в коммерсанты. Николай и Александр уже учились в старших классах училища иностранных торговых корреспондентов, получали ежедневно по гривеннику на завтрак в школе. Подсчет не хитрый. Если скрумовские бутсы стоят пять рублей пара, то за сто учебных дней на завтрак приходится как раз две пары бутсов. А если брать один завтрак на двоих, то за двести дней можно накопить на покупку как раз двух пар бутсов.

Ребята заметно худели. Отец в дни приезда спрашивал мать, не болеют ли. Но мать отвечала: растут ребята, вот и худеют. Да еще каждый день на катке.

И вот, наконец, десять рублей в кармане. Торжественный день покупки наступил. Но для Николая он кончился печально. Шурке бутсы купили первому. Белые, скрумовские, как раз те, о которых я говорил в начале книги. Как чудесно пахло кожей! Но бутсы оказались дороже, чем предполагали братья.

Цена их была пять рублей семьдесят копеек. Когда же начали искать бутсы для Николая, то на оставшиеся деньги ничего подобрать не смогли. Ребята обошли всю Москву, но бутсов так и не купили. Николай крепился. Шурка был рад и вместе с тем смущен, сознавая что его радость выросла на несчастье Николая.

На другой день поиски продолжались. А когда надежда уже была потеряна, вдруг на Большой Никитской в магазине Биткова нашли пару подходящих по размеру прекрасных бутсов.

— Ну, хороши? — спросил хозяин.

— Прекрасны! — сиял Николай.

— Плати в кассу пять рублей семьдесят копеек — и айда на поле!

Тут Николай не выдержал. Напряжение двух дней оказалось не под силу даже проповеднику заповеди «никогда не сдавайся». Слезы ручьем полились по щекам. Слезы, по-видимому, были настолько горячие, что разжалобили хозяина. Тем более что и Шурка в порядке братской солидарности ревел не тише, чем Николай.

— Да сколько у вас денег-то? — мрачно спросил хозяин.

— Че-че-четыре... три-три-тридцать...

Хозяин почесал в затылке.

— Ну, забирай бутсы! — вдруг с азартом крикнул он. — Может, из вас не только футболисты, а и люди выйдут!

— Мы постараемся, мы постараемся... — взволнованно благодарил Николай.

Сорок лет прошло с тех пор. Но первые эти бутсы стоят перед моими глазами и даже количество медных блочек на них мною не забыто. Завидно было ужасно.

Но скорс был обрадован и я. Отец купил мне «видоновские» ботинки. Бульдожий нос придавал им особо внушительный вид. Из черного хрома, на крючках, они привели меня в восторг.

— Ну, теперь я настоящий Шерлок Холмс! — прошептал я, не отрывая глаз от новых ботинок.

Путь мой был прямо на Горючку.

Возвращался я домой менее радостный. Ботинки были изранены и истерзаны.

— Ах ты, сукин ты сын! — в гневе закричал на меня отец, увидев ободранные, разбитые вдребезги ботинки.

«Шерлок Холмс» был тут же нещадно выпорот арапником.

— Доведут они тебя до разорения с этим футболом, — посочувствовал отцу дядя Митя.

Шерлоком Холмсом я себе представился не случайно. В то время мы зачитывались бульварными выпусками приключений знаменитых детективов — Шерлока Холмса, Ника Картера и Ната Пинкертона: «Том Браун — черный дьявол», «Борьба на висячем мосту», «Инес Наварро — прекрасный демон», «Как Джек-потрошитель пойман был»... От этих названий холодело под ложечкой.

Любимой игрой у нас была игра в детективы. Мы мечтали освободить Пресню от уголовников Широковки. Только случай спас меня однажды от трагической развязки в опасной игре. Взрослые ушли в гости. В доме бабушка да я с Александром. Забравшись в письменный стол Вáнюшки, Александр обнаружил в ящике револьвер.

— Скрывайся! — скомандовал он. Обычно так предлагалось начинать игру в сыщики.

С револьвером в руках брат выглядел весьма убедительно.

Все комнаты нашей квартиры соединялись между собой. Шурка быстро отыскал меня в Вáнюшкиной комнате.

— Руки вверх!

Я и ахнуть не успел, как грохнул выстрел. Пуля, каким-то чудом минуя мою голову, ударилась о подоконник и рикошетом пробила окно. Комната полна дыму, а Шурка пытается уверить перепуганную насмерть бабушку, что стреляют где-то на соседнем дворе. Скрыть происшествие не представлялось возможным, и мы со страхом ждали возвращения взрослых. Но чрезвычайность происшествия так напугала

родителей, что нас даже не выпороли. Виноватым признали Вáнюшку, оставившего в доме заряженный револьвер. А мы, ребята, были чрезвычайно довольны, услышав замечание отца:

— Пусть уж лучше играют в футбол, чем читают уголовщину.

Приключения детективов на этом закончились.

IV. ВОСПИТАНИЕ ЧУВСТВ

Зарождение будущего «Спартака». — Бразиль. — Неистовый каталонец. — Антверпен, 1937. — Ноги Канунникова. — ЗКС — Новогиреево. — О самовоспитании. — Воля спортсмена. — Полуфинал кубка. — Решающая минута.

Горючка процветала.

Ребята, недавно гонявшие мяч как попало и чем попало, начали появляться в трусах, а кое-кто и в новых бутсах. Русское гимнастическое общество внесло определенный порядок в организацию футбольного дела на Горючке. Появились любимцы-фавориты — игроки первой команды.

В недалеком будущем они сделаются ведущими игроками нового клуба на Пресне. Этому клубу суждено будет создать ядро коллектива, из которого вырастет команда «Спартак».

Константин Квашнин, Владимир Хайдин, Дмитрий Маслов стали фаворитами Горючки. По «мастерам» равняются и младшие команды. Братьям Гудовым подражает их младший братишка Сергей. Он мой одноклассник. Нам нет места в команде взрослых. А детских команд еще не существует.

По фигуре Сергей совсем не похож на старших братьев. Да и сами они не похожи один на другого. Филька усадист, с иксообразными ногами. Колька длинен и тонок, как шест: ноги ни дать ни взять — штатив, прямые и тонкие.

Зависть Сергея касалась главным образом трусов. Конечно, старшим без трусов нельзя: они в составе команды. У Сергея трусов пока нет. Мы с ним из-за ворот мячи подаем. Сергей, как зверь в зоопар-

ке, ходит за металлической решеткой ворот и уныло бубнит:

— Подумаешь, надели трусы и воображают...

Футбол тех времен значительно отличался от современного. Другой была система расстановки игроков на поле. Раньше, чтобы не попасть в положение «вне игры», нужно было иметь перед собой не менее трех противников, а не двух, как разрешают новые правила. Из этого и исходили команды, организуя линию обороны. Считалось выгодным играть не левого и правого защитника, а переднего и заднего. Таким образом, передний защитник являлся границей, за которую форвард без мяча проникнуть не мог. Отсюда и выгода отстрельного длинного удара, как правило, применявшегося задним защитником. Стрельнул подальше, и нападающие противника вынуждены отступать за линию защиты.

В такой обстановке от форвардов требовалось умение индивидуально прорываться через оборону противника. Напористость была необходимым качеством форвардов. Она придавала футболу яркое атлетическое выражение.

В Замоскворецком клубе спорта на месте центрального нападающего играл обрусевший англичанин Бразиль. Его напористость особенно была выразительна. Он шел по прямой, совершенно не обращая внимания на стоящего перед ним противника. По сложению мощный атлет, он просто подавлял защитников противника. Причем здесь не было никакой грубости. Нет, он просто рвался вперед, пренебрегая столкновениями, падениями, синяками и ссадинами. Мощный таран с неиссякаемой энергией, он держал в предельном напряжении защиту противника в течение всего матча.

В 1937 году в Антверпене мы играли в полуфинале олимпийского турнира. Противником нашим были каталонские футболисты (Испания). Они жаждали дать нам реванш за басков, которых мы только что обыграли в Москве. И вот здесь мне вспомнился Бразиль. Заставил меня вспомнить о нем каталонский центрфорвард. К тому времени тактика игры

ушла далеко вперед. Мы уже знали практикуемую и сейчас систему игры с тремя защитниками. Вместе с тем мы знали, что матч — это не только поединок коллектива с коллективом, что внутри этого поединка происходит еще одиннадцать дуэлей. Каждый игрок против другого игрока.

Я был центральным защитником. Моим противником был центрфорвард каталонцев. По привычке я приглядывался к нему на разминке. Среднего роста, довольно быстрый, худощавый. Центр как центр, лишь с одной особенностью, которую я разглядел. У него с левой стороны головы были выжжены волосы, и образовавшаяся в силу этого залысина как-то необычайно увеличивала лоб. Так и запомнился мне этот центрфорвард: черноволосый, с белой залысиной и горящим взглядом.

Игра только началась. На меня идет мяч. Я в свободной позиции отбиваю головой. Мяч отбит, но после небольшой паузы я вдруг чувствую, что на меня что-то рухнуло. Это центрфорвард налетел на меня всей своей массой с полного хода. Поднимаясь с земли вместе с ним, я довольно выразительно взглянул на него. Каталонец и бровью не повел.

Через несколько минут он таранил Малинина. Костя Малинин и неистовый каталонец поднимались, растирая бока и ощупывая ноги. Вскоре Анатолий Акимов лежал в бесчувственном состоянии и рядом с ним, раскинув крестом руки, распластался рухнувший вместе с вратарем после борьбы за верхний мяч обожженный испанец. Мы долго приводили в чувство Акимова. Игра принимала для нас драматический характер. У нас ослабленный состав. Захромал Степанов. Повредил ногу Шиловский. Больным вышел на поле Петр Старостин. В предыдущей игре был выбит Александр Старостин. А счет всего лишь 1 : 0 в нашу пользу.

Каталонцы, чувствуя нашу слабость в линии нападения, теснят всей командой, а центрфорвард таранит нашу линию обороны, не обращая внимания на жестокое сопротивление. Николай Старостин,

видя с трибуны назревающую угрозу поражения, бежит к воротам и возмущенно кричит мне:

— Вы что?! Пятеро с одним справиться не можете?!

Я и так в состоянии крайнего напряжения. «Неистовый» идет на любое физическое обострение. В защите нет игрока, с которым он не лежал бы на земле после своего таранящего налета. На нем самом нет, наверное, живого места. Вон он сейчас лежит на спине после очередного столкновения и сам себе делает искусственное дыхание. Вот поднялся. Идет занимать исходную позицию для нового вторжения в наши ряды. А каталонцы, имея такой таран, поступают просто: навешивают и навешивают мячи на нашу штрафную площадку. Обстановка такая, что если дать противнику забить гол — игра проиграна. Нечем будет отыгрываться. Поэтому я раздраженно кричу Николаю:

— Я могу с ним справиться! Но кто будет отвечать за пенальти?

А через минуту я вместе с неистовым каталонцем поднимаюсь с земли. Зрители, заполнившие трибуны антверпенского стадиона, гудят. Каталонцам симпатизировали. Они приехали с командой, составленной из фронтовиков, сражавшихся за демократическую Испанию против Франко.

И когда, казалось, атака достигала предельного напряжения, именно в этот момент сказался стратегический талант Григория Федотова. Он правильно оценил обстановку на поле и, получив мяч вблизи своей штрафной площадки, обошел первую линию защиты противника, делая вид, что сейчас отдаст мяч бежавшему не遠далеке Петру Старостину. Так, маневрируя и обманывая на ходу контратакующих его защитников, как бы собираясь передать мяч другому, Федотов довел мяч до штрафной площадки противника. Обыграв финтом последнего защитника, он успел протолкнуть мяч в ворота мимо выбежавшего на него вратаря. Гол! Спасительный гол в самый тяжелый, а значит, и в самый нужный момент матча. Но даже этот гол не охладил пыл и не лишил энергии Бланко

(так, кажется, звали центрфорварда каталонцев). Он продолжал таранить нашу защиту. И когда оставалось играть секунды, каталонцы обрушили на нас все свои силы и в страшной сутолоке, тесноте и неразберихе возле самых ворот буквально затащили мяч в наши ворота.

И последнее касание, от которого мяч пошел в ворота, сделал все же неистовый каталонец. Он сильно «потрепал» нас за время игры и морально и физически. Но замечательно то, что когда кончился матч и мы обменивались рукопожатиями, каждый из нас с удовольствием жал руку этому худощавому рыцарю сегодняшнего матча. А он беззлобно сопровождал рукопожатие единственным знакомым ему русским словом: «Хорошо! Хорошо!»

Мы выиграли этот матч. Но ценой каких физических усилий досталась нам победа!

Мне кажется, что лучшие центрфорварды современного футбола — Эдуард Стрельцов, Никита Симонян, Аликпер Мамедов и другие — пренебрегают преимуществом силовой борьбы при атаке ворот противника. В рамках, ну конечно же дозволенных правилами, силовые толчки, блокировки в борьбе за мяч должны иметь большее применение, чем мы видим в матчах последних лет.

Однако вернемся назад. Вернемся к детским переживаниям и мечтам.

...Канунников! Первый раз я услышал эту фамилию от Николая. Он пришел с какого-то очередного состязания.

— Я видел Канунникова! Ты знаешь, — обращается он к Шурке, — у него ноги вот в этом месте, — показывает на бедро, — вот такие! — Николай разводит руки сантиметров на пятьдесят, стараясь показать диаметр бедра Канунникова. — Вот как грудь у Джиннала, — уточняет он.

Джиннал — растянувшийся у крыльца пойнтер. Грудь у него действительно внушительная.

«Вот так нога! — думаю я. — Что же это за игрок такой, Канунников? Вот бьет-то, наверное!»

Обычно говорят: дурная голова ногам покоя не

дает. У меня наоборот: ноги не давали покоя голове. Ноги — мое слабое место. Считалось, если футболист — значит могучие ноги. Мощностъ же определялась просто — толщиной.

У меня были удивительно тонкие ноги, похожие на две жерди. Ребята меня донимали этим. В особенности Петр, у которого ноги были еще тоньше моих. Он презрительно звал меня «тонконогий» или просто «нога». Я тайком ежедневно измерял окружность бедра и печалился ужасно. Веребочка после измерения действительно показывала весьма узкий кружок. Размер ноги Канунникова меня ошеломил. Я тут же принял решение немедленно заняться приседаниями. Я уже «накачивал» себе ноги ежедневно по утрам, приседая по двадцать пять раз. Но, видимо, дозировка упражнений недостаточна. Я увеличил количество приседаний вдвое. Много прошло времени, прежде чем ноги мои перестали быть жердями. Кто подсчитает количество приседаний, сделанных для этой цели? Только разве с количеством рывков Николая можно сравнить количество моих приседаний. Но у Николая был смысл — выработка скорости. А я приседал из ложной стыдливости — не быть тонконогим. Уж больно я завидовал ногам Канунникова.

Однако старался я не напрасно. Веребочный кружочек после обмера ног неизменно увеличивался. Мышцы ног у меня заметно окрепли, и, безусловно, это пошло на пользу.

В дальнейшем спортивная судьба надолго свяжет меня с Канунниковым, этим выдающимся мастером футбола. Но сейчас это герой, кумир, на которого хоть бы издали поглядеть!

Мне довелось увидеть Канунникова, когда он был еще молодым игроком. Был матч ЗКС — Новогиреево. Игра происходила на поле ЗКС, на Большой Калужской. Сейчас от этого стадиона и помину нет. Тогда это был один из центральных стадионов Москвы. На нем проводились международные матчи. За Новогиреево выступала в то время знаменитая тройка нападающих: Канунников, Цыпленков, Троицкий. Я, конечно, болел за Новогиреево: ведь там Канунников!

Волнение ужасное. Впервые я на настоящем стадионе с настоящими трибунами. Сейчас увижу Канунникова! Какой-то студент рядом со мной сомневается в участии Цыпленкова в сегодняшнем матче. Вот выбегают на поле команды. Действительно, Цыпленкова нет. Вместо него молодой центрфорвард. Студент обеспокоен: сила новогиреевской тройки в сыгранности, а главного связующего эту тройку звена — Цыпленкова — нет.

Меня мало беспокоит состав тройки. Главное, Канунников — он здесь! Вот он выбегает на поле.

Фигура у Канунникова в самом деле футбольная. Узкий в плечах, со слабо развитым корпусом, он действительно обладает феноменальными по объему бедер ногами.

— Лучшие ноги страны! — восторгаюсь я.

И вот они, эти ноги, уже бьют по воротам, разминаясь перед игрой. Сразу бросается в глаза стремительный бросок с места: словно развернувшаяся пружина кидает игрока к катящемуся мячу. Изящно отделанный удар с полулёта — и мяч в воротах.

Разминка окончена. Начинается матч.

Да что же это происходит? Мне казалось, Канунников сейчас один обыграет ЗКС. Сколько захочет, столько и забьет голов. А вместо этого первый гол влетает в ворота Новогиреева.

Туда же следует второй.

Канунников играет хорошо. Пытается прорваться. Хитро перепасовывает мяч партнерам. Но гола в ворота ЗКС нет и нет. Наоборот! В ворота Новогиреева забивается третий, за ним четвертый, а за ним и пятый голы!

Пять—ноль в пользу ЗКС! Я совершенно обескуражен. До игры у меня сомнений в победе Новогиреева не было. Фамилия Канунникова казалась мне железной гарантией победы. Недоумение не покидало меня.

Где же «зарыта собака»?

Много лет понадобилось мне, чтобы понять всю сложность футбольного механизма.

Даже одиннадцать самых лучших игроков не всегда самая сильная команда.

Несмотря на горечь, испытанную мной при поражении команды, за которую играл Канунников, я остался его горячим поклонником.

«Упорство, упорство и еще раз упорство, — говорил я себе, — и я буду Канунниковым». Упорство, воспитание характера, смелости — без этих качеств хорошим футболистом не будешь. Да и вообще никем не будешь. Когда заходит разговор о самовоспитании, я всегда вспоминаю Георгия Глазкова, ныне заслуженного мастера спорта.

Он пришел к нам в «Спартак» совсем мальчиком, быстро показал хорошие качества разностороннего игрока.

С форвардами у нас одно время было неблагополучно. И за полтора года Глазкову пришлось сыграть все пять амплуа в линии нападения.

Наконец он закрепился на правом краю, где в паре с Владимиром Степановым образовал очень сильное крыло.

Пытливый, всегда ищущий, Глазков одно время увлекался постановкой резаного удара, отработкой обманного движения на ходу. Словом, как говорится, работал над собой. Выработанные на тренировке приемы всегда пытался применить в матче. Это не сразу удается. Он смазал раз, другой... Кто-то из болельщиков на трибуне свистнул. Но Жоржа не легко было заставить отказаться от задуманного. Он повторил попытку пройти защитника один на один. Опять не удалось. Трибуны неодобрительно зашумели. Снова защитник вышел победителем. Здесь, может быть, уже сказалось и влияние трибун. Психологическое равновесие у игрока нарушилось. Трибуны свистели и кричали. Особенно после матча Глазкову здорово свистели.

В следующей игре болельщики снова свистом встретили неудачную попытку Глазкова сыграть индивидуально.

Обстановка для игрока сложилась весьма неблагоприятная. Каждая его ошибка вызывала возмущенный отклик на трибунах. А удачные действия оставались незамеченными. Когда же Глазков совершенно правильно по моменту решал сыграть индивидуально,

В. Житарев, левый инсайд сборной России на Олимпийских играх в Стокгольме в 1912 году.

Заслуженный мастер спорта СССР С. Сальников. Жонглирование мячом.

Матч Швеция — Москва в 1913 году на поле Сокольнического клуба спорта. Результат 4:1 в пользу шведов.

Команда Замоскворецкого клуба спорта — чемпион Москвы 1918 года.

но технически ошибался (кстати, самое трудное в футболе сыграть удачно один на один), этого не прощали.

Разлад игрока с публикой зашел настолько далеко, что мы уже думали, целесообразно ли ставить его на очередную игру.

В отличие от многих других у нас в «Спартаке» тогда при команде действовал тренерский совет.

В него входили ветераны спартаковского футбола: Петр Ефимович Исаков, Станислав Викентьевич Леута, Иван Михайлович Филиппов, Александр и Николай Старостины.

Для всех было ясно, что Глазков переживает кризис. Как помочь игроку? Как быть с командой? Ставить или не ставить Глазкова?

Глазков облегчил решение. С присущей ему прямо-той он заявил тренерскому совету:

— Прошу меня поставить.

Появление Глазкова в составе команды на очередной игре сопровождалось свистом и криком трибун.

— Не обращай внимания, Жоржик! — пытались ободрить его товарищи.

— Я и не обращаю, — спокойно отвечал он.

Но я-то видел, чего ему стоили эти «приветствия».

Во время игры обструкция продолжается. Глазков переносит стоически все, ни разу не прекращает борьбу за мяч.

И опять малейшая ошибка, которая бы для каждого из нас прошла незамеченной, вызывала в адрес Глазкова свистки и крики.

— Молодчина Жорж, — говорю я играющему рядом со мной Сергею Артемьеву, — духом не падает.

— Кремень! — подтверждает на бегу Артемьев.

Через неделю мы едем играть в Ленинград. Полуфинал Кубка СССР 1938 года.

Каждый футбольный матч — это новая пьеса. Со своими неповторимыми коллизиями, столкновениями, переживаниями, страстями.

Сыграли вы хорошо — до следующего матча вы именинник. Следующий матч сыграли плохо — забыты

ваши именины. Нужен новый успех. Так с игроками, так и с командами.

Футбольная команда в первых пяти играх на первенство набрала девять очков из десяти возможных. Лаврами усеян путь лидера.

Но вот первое поражение и вторая ничья. От лавров и следа нет. Ах, лавры, такой непрочный и быстро увядающий материал!

Но в первенстве СССР, где дистанция соревнования длинная, еще есть возможность поправить дела.

А вот в игре на кубок, где «дуэль на смерть», где проигравший выбывает из состязания, — тут драматизм достигает предельного напряжения.

И вот полуфинал кубка. Играют «Спартак» с ленинградским «Динамо».

Судьба второго полуфинального матча уже решена. Выиграла ленинградская команда «Электрик».

Таким образом, в случае нашего проигрыша в финал выходят две ленинградские команды.

Было из-за чего поволноваться московским и ленинградским болельщикам.

С нами приехало в Ленинград на этот матч много москвичей. Все они сегодня болеют за «Спартак».

Привычное состояние охватывает меня в день матча. Внешне стараюсь казаться совершенно спокойным. Но внутри — разгул сомнений. Вдруг ни с того ни с сего захватывает сердце — ну точь-в-точь как на хорошо раскаченных качелях.

Но такое состояние не страшит. Знаю, это только до начального свистка. Это значит, что ты сосредоточен на игре. Важно только, чтобы это нервное напряжение в матче переработалось в мышечную энергию.

Хуже, когда ты эту энергию перед игрой израсходуешь на что-то другое. Вот тогда хорошего не жди. Со мной бывало и так. Но об этом расскажу позже.

Думаю о моей повышенной ответственности как капитана команды.

Ведь в случае неудачи, виноват я в ней или не виноват, начальник команды спросит меня раздраженно: «А ты где был?»

Скольким болельщикам придется объяснять пора-

жение, когда зачастую даже и не знаешь, как его объяснить!

Сколько наслушаешься всяких оскорблений! Я уже знаю: как только мы проиграем — ночью, и на рас свете, и все утро непрерывные телефонные звонки в гостиницу и упреки, упреки без конца.

Да, о многом подумаешь до начала матча. И о состоянии команды и о безжалостности болельщиков... За примером ходить далеко незначем — вот Глазков. Попробуй поиграй под такой аккомпанемент!

Наконец наступает время. Мы выходим на разминку. Дирекция стадиона хорошо подготовилась к игре. Выбитые места у штрафной площадки задернованы. Дерн не везде уложен ровно, отдельные квадратики чуть возвышаются. Судит А. Щелчков — судья строгий и принципиальный. Этот, не задумываясь, удалит с поля — надо учесть. Я знаю свою слабость — разговорчивость во время игры.

Словом, это была одна из напряженнейших схваток за всю мою футбольную жизнь.

Как все кубковые решающие встречи, игра не была интересной по внешнему рисунку. Борьба шла за каждый мяч упорная. Защитные линии обеих команд наглухо прикрыли нападающих и вели отбойную игру. В таких условиях форвардам трудно разыграть многоходовую комбинацию. Атаки захлебываются на подступах к штрафным площадкам.

На трибунах не слышно обычного оживления. Зрители молчат — высшая степень волнения.

Игра уже подходила к концу, а счет все еще 0 : 0. Было ясно: кто забьет, тот выиграет.

Оставалось играть пять минут. Напряжение предельное.

Надо быть очень внимательным! Мяч у капитана ленинградцев хавбека Валентина Федорова. Он быстро продвигается с ним и входит на нашу половину поля. Его преследует наш полусредний, неугомонный и яростный Владимир Степанов, явно вынуждая передать мяч. Федоров ищет свободного партнера. Сейчас очень важно угадать направление паса. Зорко слежу за Аркадием Аловым, он делает рывок, чтобы обеспе-

чить себе открытую позицию для приема передачи, но я вовремя перемещаюсь.

Положение стопроцентно выигрышное, и я совершенно спокойно готовлюсь остановить катящийся на меня мяч подошвой бутсы. Угрозы проиграть мяч никакой. Алов быстро надвигается на меня, но у него позиция безнадежная, бежит он явно на всякий случай.

И такой случай происходит. Редчайший. Я задеваю задними шипами за приподнятый квадратик дерна, моя нога «врет» от неожиданной задержки. Стадион ахнул... Мяч проскочил мимо меня, и Алов стремительно выскакивает вперед. Вот он уже один на один с вратарем.

Только вратарь Владислав Жмельков остается на пути Алова. Сильный удар в ворота. Жмельков молниеносно бросается навстречу Алову и в семи метрах от ворот падает ему в ноги.

Еще раз ахнул стадион, еще раз, когда мяч попал в грудь упавшему Жмелькову. Но мяч от груди Жмелькова катится вдоль пустых ворот, и на него неудержимо бежит крайний нападающий ленинградцев.

Неотвратимый гол. Форварду никто не мешает, и ворота открыты. Он бьет, но... задевает шипами бутсов за квадратик дерна. За тот же проклятый квадратик дерна! И мяч от неверного удара режется мимо боковой штанги, под разочарованный стон ленинградцев.

Как вскинулись наши ребята! Как будто новой энергии в них добавилось.

Вон Владимир Степанов, крепкий, коренастый, неутомимый штурмовик уже орудует на подступах к штрафной площадке ленинградцев. С мячом он расстается неохотно, любит сыграть индивидуально, но окруженный тремя противниками, вынужден отдать мяч Глазкову. Тонкий пас Глазкова — и следует сильнейший удар по голу. Это бьет стремительно вторгшийся уже в штрафную площадь Степанов.

«Удар! Еще удар!» — закричал бы сейчас радиокомментатор Синявский. Отскочивший от вратаря мяч сначала добивает Виктор Семенов, но когда Лихвинцев в отчаянном броске парирует удар, то отскочивший мет-

ров на шестнадцать от ворот мяч в третий раз посылает в ворота левый край «Спартак» Николай Гуляев.

Мяч неумолимо летит в верхний угол ворот, в «девятку». И когда казалось, что победа достигнута, вдруг вытягиваются вверх руки и отбрасывают мяч за линию ворот.

Это были руки защитника ленинградцев Виктора Федорова, пошедшего в безвыходном положении на крайнюю меру. Это нарушение, влекущее за собой высшую меру игрового наказания, — одиннадцатиметровый удар. Пенальти.

Судья Щелчков проверяет шагами отметку для удара. А время игры истекло. Истекло! Девяносто минут окончились.

По правилам оставалось только произвести этот удар. Таким образом, игра, только что чуть не кончившаяся из-за моей ошибки обидным поражением, теперь сводится только к одному удару.

На стадионе не было человека, который не ощущал бы эту редкую по напряжению и драматизму футбольную минуту.

Я иду от своих ворот медленно, не торопясь. Мне, как капитану, надо сейчас решить, кому бить пенальти.

Степанов? Но он устал после бурной, только что закончившейся атаки. Семенов? У него сильнейший удар, но нет гарантии за точность, тем более что мяч, отбитый вратарем, в данном случае, когда время истекло, не добивается. Значит, надо бить предельно точно. Сам? Нет, после только что случившегося промаха мне не одолеть такого испытания. Подумать только: чуть не проиграл игру, а теперь упустить победу!

На мгновение мелькает мысль — малодушие? Нет, здравый смысл. Я бью только штрафные удары, а пенальти не бил уже несколько лет.

Да, но надо принимать решение. Глазков? Не сломился ли у него характер в психологической борьбе с болельщиками?

Ребята на мяч не глядят. Значит, желающих бить нет. И вот все процедуры исполнены, мяч установлен на отметке, игроки вышли за пределы штрафного

поля, зрители на трибунах приготовились к последнему испытанию этого тяжелейшего матча. На стадионе мертвая тишина. Мне уже надо кому-то сказать: «Бьешь ты!» Кому? В этот момент, строго смотря мне в глаза, совершенно спокойно Жорж Глазков говорит:

— Андрей Петрович, я забью.

— Бей! А не забьешь — неважно! (После мы много смеялись над этим «неважно».)

У Глазкова еще хватило выдержки попросить у судьи разрешения поправить мяч. И только установив мяч по обыкновению на шнуровку, он неторопливо отошел на нужную для разбега дистанцию.

На стадионе в этот момент лети муха — было бы слышно. И вот он состоялся, этот замечательный глазковский одиннадцатиметровый удар!

Мяч направлен в намеченный угол, входит в ворота ровно настолько от штанги, чтобы не попасть в нее, но и быть на максимальном расстоянии от вратаря. Полуфинал наш.

Кубок в финальном матче против «Электрика» мы выиграли. Кризис Глазкова миновал. Болельщики в дальнейшем шумным одобрением встречали удачные его финты и резаные удары, и он много лет был одним из популярных игроков Советского Союза. Вот они, сила сопротивления, умение владеть собой, выдержка!

V. МОСКВА МОЯ...

Февраль. — «Керенскому крышка!» — Отъедаться в деревню! — Возвращение. — Голубой пиджак и кремовые штаны. — Увлечение театром. — Артисты и спортсмены. — Московский клуб спорта. — Медведь помог. — Иван Артемьев. — Победа над болью. — Легендарный Канунников. — Клуб у Западной трибуны. — Опасный спутник.

Отец восторженно воспринял Февральскую революцию. На лацкане пиджака у него красный бант. Дядя Митя «монархист».

— Ваше императорское величество! Да что же это такое делается? Распорядитесь! — обращался он в спальне к портрету Николая II.

Но мы знаем, что это дядя Митя наигрывает.

В начале войны он рядился в юдофоба, в процессе Бейлиса был на стороне Шмакова. Но когда начались еврейские погромы, не задумываясь, спрятал в своей спальне братьев Михаила и Роберта Лифшиц и проклинал погромщиков.

А пока воззвания дяди Мити к портрету его императорского величества с просьбой вмешаться и распорядиться оставались без ответа. Вернее, ответ был, но шел он отнюдь не от императорского величества. Ненавидимое народом Временное правительство рухнуло.

Каждое утро из года в год мимо наших окон по протяжному гудку Брестских мастерских вереницей тянулись на изнурительный двенадцатичасовой труд в черных, рваных, лоснящихся от масла спецовках монтеры, слесари, кузнецы...

По этому гудку вставали и мы. Сегодня гудка не было. Октябрьский пасмурный денек, полно людей на улицах, мертвые трамваи...

В Училище иностранных торговых корреспондентов, помещавшееся на Большой Никитской улице, Александр, Клавдия и я потащились пешком.

Но на пороге училища стоял всегда любезный и жизнерадостный директор Евгений Августович Полевой-Мансфельд. Впоследствии, когда училище закрылось, он ушел на эстраду и стал известным конферансье.

— Увы, мои дорогие будущие иностранные торговые корреспонденты! — приветствовал он нас в парадном. — Сегодня занятий в школе не будет.

— Евгений Августович, а когда же являться в школу? — вопрошали его ученики.

— На этот довольно сложный вопрос вам ответит уже другая власть. — Евгений Августович развел руками и незаметно поправил красный бант на груди. — Моя власть над вами кончилась. Начинается власть рабочих и крестьян.

Мне, одиннадцатилетнему будущему иностранному торговому корреспонденту, было довольно трудно разобратся в том, что происходит. На заборах висели

возвращения различных партий, на улицах перестрелка. Вокруг только и было слышно: большевики, меньшевики, эсеры, кадеты, трудовики... И я никак не мог понять, почему слово «большевики» неизменно связывали со словами «власть рабочих и крестьян».

А вот сегодня чаще обычного слышится: «Юнкера! Юнкера!»

Какая-то опасливость, настороженность и неприязнь сопутствуют этому слову, произносимому к тому же вполголоса.

— Юнкера засели в большом доме на Никитском бульваре и стреляют оттуда по рабочим демонстрациям, — сообщил вернувшийся из города Вáнюшка.

Нас, детей, из квартиры больше не выпускали. Мать и дядя Митя беспокоились за отца. Он ушел с каким-то рабочим пикетом на Пресню.

— Ну да, без него там нельзя обойтись! Некому порядок навести! — возмущался, поглядывая на часы, дядя Митя.

Поздно ночью вернулся отец. Усталый, возбужденный...

— Большевики выступили с оружием! Керенскому крышка! Вся власть Советам!

За окном, как бы в подтверждение его слов, были слышны выстрелы, доносившиеся откуда-то с Пресни.

А вскоре я уже хорошо знал, какая существует связь между словами «большевики» и «власть рабочих и крестьян».

...Наступили времена, полные радостных перемен и в то же время невзгод и лишений.

Не хватало хлеба. Нам, ребятам, все время хотелось есть. Мать распределяла хлеб между нами по пайкам, но что это были за пайки? Раз, два откусил — и нет. А аппетиты у нас волчьи: мы все свободное время на улице.

— Съест тебя «облава», — говорил про нас дядя Митя отцу. — Вези их в деревню!

Отец так и решил. Забрал мать да троих младших — меня, Петра и Веру — и отвез к тестю в деревню Погост.

Поначалу скучали по Москве. Я было пустился на-

саждать футбол. Ничего не вышло. Тогда, чтобы хоть чем-нибудь доказать свои спортивные качества, я попытался увлечь деревенских ребят легкой атлетикой.

— Вот от мостка до мостка у нас будет дистанция. А вот здесь финиш, — бахвалился я перед ребятами спортивной терминологией.

— Все ли готовы? Внимание! Марш!

Я бегу, как мне кажется, «стильно», но ничего это не стоит.

— Митрофан! — вдруг кричит Мишка Капитонов и, как заяц, дает стрекача. За ним остальные быстроногие ребята, а я со своим «стилем» остаюсь самым последним и попадаю в руки сторожа Митрофана.

В дальнейшем бегство от Митрофана, сторожившего гороховые поля, в лучшем виде способствовало приобретению мной скорости. А футбол и легкая атлетика в Погосте так и не привились.

В 1920 году умер отец. Восемнадцатилетний Николай решил забрать меня из деревни в Москву.

Летом 1920 года я с оказией вернулся из Погоста на Пресненский вал.

Подходя к дому, я увидел толпу ребят, гоняющих мяч. Футбол! Полтора года я не трогал мяч. Сердце застучало от волнения.

Вихрастый, взволнованный, но степенный по-деревенски, вошел я в столовую.

За столом пьют чай Николай, Александр, Клавдия. Городские. Одеты совсем не похоже на меня.

Я в отцовском френче. На ногах охотничьи отцовские сапоги с обрезанными голенищами. Так как они велики, то, чтобы не садились голенища, на икрах накручены из портянок «искусственные мускулы», как говорил, иронизируя по этому поводу, Петр.

— Доброго здоровьица, — окая по-владимирски, говорю я, протягивая руку дощечкой братьям и сестре.

— Доброго здоровьица, — смеются они мне в ответ. Мой деревенский выговор рассмешил их.

Я чувствую себя смущенно.

Но смущение забыто, едва только я услышал такие знакомые и волнующие слова, как «тренировка», «удар», «бутсы».

Узнаю, что Николай уже играет за первую команду РГО на правом краю. Шурка тоже прогрессирует. — Гнется (то есть играет) хорошо,—поощрительно говорит Николай.

Горючки уже нет. Заборы все разломаны на дрова. Через пустырь ходят, а широковские обитатели разбежались кто куда.

РГО теперь арендует поле на Девичке, у Общества физического воспитания.

Николай говорит, что теперь футбол не то что было. Все стадионы наши! Это значит, что любой может приходить на стадион, записываться в члены общества — и играй себе сколько хочешь.

Не то что раньше. Тогда, чтобы только попасть в члены общества, надо было рекомендации доставать да пять рублей золотом вступительные взносы уплатить.

Сейчас при обществах будут организовываться детские команды. А пока привыкай к Москве.

И я начал осваивать столицу. Не так-то просто это давалось. Культурное шефство надо мной взяла Клавдия. Пошли с ней в театр. В драматическом театре на Большой Дмитровке, где сейчас театр имени Станиславского и Немировича-Данченко, давали «Каширскую старину».

Первое действие длинное. Во френче у меня недокурная козья ножка из махорки. Меня стал мучить вопрос: курят в зрительном зале или нет? Логика подсказывала, что не курят, не видно было курящих.

Но вдруг впереди сидевшие два солидных гражданина достали папиросы. «Значит, курят, — решил я. Только у них, наверное, спичек нет.

Вот сейчас я зажгу спичку — и им услужу и сам закурю».

Не успела Клавдия понять, что я делаю, как козья ножка оказалась у меня в зубах, спичка вспыхнула, и я окутал рядом сидящих зрителей едким густым облаком погостовского самосада.

Возгласы негодования совпали с закрытием занавеса. В зале зажегся свет, и на меня накинулись со всех сторон.

Появился администратор. Я перепугался ужасно. Но, видно, мой растерянный вид, градом катившийся пот, вихры, френч вызвали сочувствие ко мне, и администратор ограничился выговором. Но прибавил при этом, что, по-видимому, из-за такого же мерзавца, как я, недавно в Малом театре произошел пожар.

Когда все уладилось, Клавдия зловеще прошептала:

— Идиот!

В очередное воскресенье Николай обещал меня взять на футбол. Играли команды класса «А».

За нами зашел Василий Захарович Рудь. Правый инсайд команды РГО, имевший два известных качества: стремительный рывок в футболе и ослепительно модную одежду в быту.

Голубой пиджак был узок в талии и фалдами распускался внизу. Кремовые штаны короткие — выше щиколотки, широкие сверху и узкие-узкие внизу. Круглая шляпа с маленькими полями и лаковые остроносые туфли. Все было шикарно.

Длинноволосая прическа на пробор с подбитыми у висков буклями.

Я был потрясен.

Матч проводился на поле ЗКС. Мы шли пешком и были уже у Кудринской площади, направляясь вниз к Смоленской, когда нас обогнал трамвай.

Трамваи тогда ходили нерегулярно и не по маршруту и часто с грузовыми платформами.

— Берем! — сказал Николай, когда от Кудринской показался вагон с платформой.

Мы стали в нескольких метрах друг от друга, чтобы не мешать вскакивать на ходу. Николай набрал скорость и, когда трамвай поравнялся с нами, легко вспрыгнул на платформу. То же повторил Шурка.

Но я не сделал этого предварительного разгона и, когда трамвай, все набиравший скорость под горку, проходил мимо меня, попытался с места прыгнуть на подножку. Едва схватился руками за стойку, как меня сразу дернуло вперед и потащило в полулежачем положении. Ноги мои пришлось как раз под колеса и волоклись по линии. Я онемел от ужаса и судорожно

держался руками за стойку. Оторвись руки — и мои ноги неизбежно под колесами вагона.

Вот где показал свой знаменитый рывок Василий Захарович Рудь. Как пуля, сорвался он за мной вдогонку. Ухватил меня за куртку и кричит:

— Отпускай руки!

Но меня сковал ужас: я не разжимаю рук.

Тогда он на полном ходу с силой рвет меня в сторону, и мы оба кубарем летим на мостовую.

День был дождливый — что я наделал с шикарным костюмом Василия Захаровича, трудно описать. Куски грязи на голубом пиджаке и вырванный клочок кремовых штанов.

Но самое страшное впереди. Подходит Николай и резко мне приказывает:

— Немедленно домой, болван!

У меня обрывается сердце! Столько предвкушений, ожиданий увидеть классный футбол — и вдруг домой!

Нет, это выше моих сил. И я, отставая от старших, бреду следом за ними грязный, поруганный, но полный непреодолимого желания попасть на стадион. Не было такой силы, которая остановила бы меня.

На матч я все-таки попал. Николай под давлением Василия Захаровича и Шурки сменил гнев на милость.

Так неудачно началось у меня освоение столицы после деревенской жизни.

Но обе эти неудачи не только не охладили, а как бы еще больше прирастили меня к футболу и к театру.

Сложилось так, что, начав работать вместе с Николаем в Центральных ремонтных мастерских, я обрел возможность посещать зрелища; билеты во все театры распределялись через рабочком, и я, как подручный слесаря, получал их легко.

Мне посчастливилось: я видел на сцене величайших русских артистов старого поколения: Шаляпина, Ермолову, Никулину, Собинова, Нежданову, Станиславского.

Позднее я сделался завзятым театралом, и много

артистов, любителей футбола, и по сие время, вместе со мной сидя на трибунах стадиона, переживают успехи или неудачи любимой команды так же, как спортсмены радуются или огорчаются по поводу удачного или неудачного спектакля в зрительном зале театра. Биографии больших мастеров сцены привлекали меня. Я находил в них примеры, помогающие организовывать себя на упорное достижение цели, помогающие легче переживать горечь неудач и поражений, всегда сопутствующих любому творческому делу.

В 1922 году произошло большое событие в спорте.

Активисты-спортсмены, большинство которых жило в районах, прилегающих к Пресне, решили организовать новый клуб под названием Московский клуб спорта.

Базой нового клуба стала небольшая спортплощадка возле завода «Лакокраска» у Пресненской заставы.

Это была пора великого энтузиазма. Все стадионы и площадки были предоставлены в распоряжение советской молодежи. Рабочие фабрик и заводов молодой Советской республики хлынули на эти стадионы.

Не только Пресня, но и Сокольники, и Замоскворечье, и Рогожско-Симоновская, и Хамовники, и Благуща, и все другие рабочие окраины переживали эту весеннюю пору советского футбола.

Денег было гораздо меньше, чем энтузиазма. Вернее сказать, их совсем не было.

А футбол, как известно, начинается с футбольных ворот. Их надо поставить. Для стадиона нужны раздевалки, скамьи, ограда. Их надо построить.

Где же взять средства? Хотя бы для приобретения материалов. Труд оплачиваться не будет. Трудиться будут сами спортсмены, начиная от Павла Канунникова и кончая членами детской команды. Как раньше на Горючке.

Правда, тогда РГО располагало крупными средствами. Достаточно сказать, что главным меценатом и почетным членом общества был миллионер Шустов — коньячный заводчик; фирменная марка «Ко-

локол» конкурировала с лучшими европейскими винами. Но что такое Шустов, миллионер и меценат, по сравнению с нами, ободранными, полуголодными счастливыми мальчишками Красной Пресни? Бедняк! Нищий! А мы богачи. Еще бы! С нами братья, отцы, вся Трехгорная мануфактура, огромный рабочий район столицы.

Как всегда во всех благородных начинаниях советской молодежи, сердцем ее был комсомол. Краснопресненский райком комсомола на Георгиевской площади кипел и бурлил. Сюда прибегали комсомольские вожакИ с заводов и клубов, требовали, рассказывали, делились опытом, звонили отсюда в профсоюз, в дирекцию... Здесь рождались идеи о субботниках и воскресниках по строительству своими силами стадионов, спортплощадок, скверов, парков. Здесь строго судили за проявления барства, тунеядства, мещанства, рвачества. Здесь воспитывали новых людей — беззаветных энтузиастов, строителей новой жизни, честных, волевых, самостоятельных.

Спорт способствовал воспитанию этих качеств. Почин построить стадион на Пресне нашел горячий отклик у всей комсомольской братии.

Райком комсомола помог организовать комсомольско-молодежные субботники, на которых с энтузиазмом, засучив рукава работали и руководители пресненских комсомольцев — Арвид Шмюльцберг, Владимир Кириллов, Эдуард Пиртин — и совсем юные ребята докомсомольского возраста.

Но, кроме энтузиазма, нужны еще и деньги. А с этим куда труднее. Денег нет. Их нужно добывать.

И вот неповторимый энтузиаст футбола Иван Тимофеевич Артемьев, старшина прославленной футбольной семьи, уже разъезжает на лошади по улицам Пресни.

Лошадь запряжена в повозку. В повозке рядом с Иваном Тимофеевичем медведь. На груди у медведя рекламные плакаты, возвещающие о благотворительном концерте с участием известных спортсменов.

В программе особое место занимает номер Константина Павловича Квашнина «Битье кирпичей на голове», дуэт «Не искушай» исполняет И. Т. Артемьев

и Э. В. Леута. Весь сбор поступит на строительство стадиона МКС.

Народу на концерте полно. Медведь свое дело сделал...

Концерт прошел с успехом. Было и битье кирпичей на голове Квашнина. Правда, не так, как представлялось. Думалось, вот голова Квашнина, по ней хватить кирпичом: кирпич вдребезги, а Квашнину хоть бы что! Техника номера была другая. На голове у Квашнина лежал кирпич, плотно прижимавшийся руками исполнителя. Об этот амортизатор и разбивался другой кирпич — не очень эффектно, но номер идет на «ура».

Бурю аплодисментов вызывает появление на сцене Ивана Тимофеевича Артемьева.

Во имя футбола он готов на любое испытание. Он любит эту игру до самозабвения. Мастер-обувщик, игравший в знаменитой команде Новогиреева и за сборную Москвы, он мог играть в футбол «один на один» с четырнадцатилетним подростком.

— Ну обведи, обведи меня, — подзадоривал он «противника» и с неподдельным увлечением боролся с ним за мяч.

Играть он любил страстно. Силу команды расценивал только с одной точки зрения: есть боевой дух в команде или нет.

Он вкладывал в это понятие не только желание играть, но и сплоченность команды, товарищеские отношения среди игроков, любовь к своему обществу и, как результат всего этого, трудолюбие в игре.

Как-то перед игрой у Ивана Тимофеевича на пятке вскочил огромный фурункул. Нечего и думать надеть бутсу: прикосновение задника вызывало нестерпимую боль. Тогда Ваня (так звала его вся футбольная Москва) ножом вырезал задник у бутсы и вышел на игру с незащищенной больной пяткой.

В 1929 году перед матчем с «Динамо» у меня появился крупный фурункул на подъеме правой ноги. Я отказывался выходить на поле.

— А как же Ваня играл, помнишь?! — обличая слабость моего духа, сказал капитан команды Николай.

Я надел правую бутсу, не шнуруя самый подъем, и вышел на поле с уговором не бить по мячу правой ногой.

Но разве можно в матче с «Динамо» сражаться одной ногой? Правую тоже пришлось пустить в ход. После первого удара у меня искры посыпались из глаз. А после матча наш врач сразу увез меня в госпиталь. Но назавтра я был здоров, от фурункула и следа не осталось.

Нечто подобное рассказывал мне Григорий Федотов о Владимире Алякринском, игроке «Металлурга», защищавшем подъем больной ноги выгнутой металлической пластинкой.

Воспитание боевого духа и закалка в спорте вообще и в футболе в частности имеет огромное значение.

Мне не раз приходилось убеждаться в этом и вспоминать Ивана Артемьева с его первой заповедью: боевой дух команды — залог победы.

И вот пока Ваня стоял первый раз в жизни на эстраде и пел дуэт с профессиональной певицей Эмилией Леутой, сестрой будущего знаменитого полузащитника сборной СССР, организаторы подсчитывали выручку. На постройку ворот и ограды хватит!

Балы в помещении бывшей Гоголевской гимназии с той же благотворительной целью пополняли кассу нового клуба. Однако Ване Артемьеву пришлось сделать еще один решительный шаг. Не хватало денег для оплаты работ по строительству павильона.

Артель плотников отказывалась дальше работать. Тогда Ваня продал собственную корову и внес деньги в кассу общества.

— Артемьев-то корову на мячик променял, — язвительно говорили соседки, когда корову повели со двора.

Но главным образом выручали субботники. На них работали все. Таскали бревна. Рыли ямы для забора. Выкапывали грунт площадки. И это нисколько не мешало тренировкам. Только что, казалось, смертельно усталые, таскавшие тяжелые бревна, Павел Канунников и Иван Артемьев окатят друг друга водой из ведра — и уже выбегают на тренировку с мячом.

Однажды после тренировки мне выпала незабываемая удача: Павел Канунников дает мне отнести свой чемодан домой!

Я бегу с чемоданом в руках. Кажется, что шагом выполнять поручение Канунникова — кощунство...

До сих пор передают из уст в уста легенды о выступлениях этого футболиста.

У Западной трибуны московского стадиона «Динамо» в предматчевые дни собираются завзятые любители футбола. Это летний «Клуб болельщиков». Иногда, проходя на стадион, я останавливаюсь и слушаю, о чем говорят.

Нередко там вспоминают и Канунникова. Вспоминают и других игроков, завоевавших международную славу. Селин, Бутусов, Ильин, Павлов, Федотов упоминаются в жестких спорах членов «клуба».

Там же можно услышать разного рода небылицы, связанные с прошлым, а иногда и с настоящим футбола.

Совсем недавно меня спросил один юный болельщик:

— А верно, Андрей Петрович, что были такие игроки, которым запрещали бить пенальти?

— Почему?

— Сверхмощные удары имели. Как ударит — штанга пополам. Защитников — наповал.

В Ярославле ко мне подошел подросток и с самым серьезным видом спросил:

— А верно, что у Канунникова на левой коленке написано: «Убью — не отвечаю!»?

Десятки раз я слышал о красной повязке у Бутусова или у Денисова на левой или правой ноге, свидетельствующей о том, что этой ногой им бить запрещено из-за смертоносной силы удара.

— Да знаете ли вы, сколько он рук переломал вратарям, пока ему не запретили бить одиннадцатиметровый удар! — кричит какой-нибудь «знаток» футбола, наивно веря в свои слова.

Мои молодые друзья! Даю вам честное слово, что никогда и ни в какие времена никому не запрещалось бить по мячу той или иной ногой, наносить любой

удар, будь то одиннадцатиметровый штрафной или двухметровый с игры.

Никаких обломков рук и штанг на футбольных полях после игр никогда не находили.

Были, правда, случаи, когда ворота во время игры ломались. Так произошло в 1936 году в матче «Спартак» — ЦДКА. Но сломались они не потому, что в них попал какой-то чудовищной силы удар. Совсем нет! Сломались они потому, что нерадивый завхоз вовремя их не починил. Они через день, может быть, сами бы рухнули.

И не было такого смертоносного удара, который был бы опасен для жизни вратаря или какого-нибудь игрока.

Как правило, все эти легенды распространяют люди, мало знающие футбол. Случайные посетители стадиона, они ошеломлены колоссальным размахом этой игры. Все необычно здесь для новичка.

Необычным ему представляется и сам футбол и вся обстановка. И первое, к чему такой новичок отнесется с полным доверием, — это небылицы, романтически окрашивающие историю футбола. Но есть и просто любители присочинить, как говорится, для красного словца.

VI. ЮНОСТЬ ФУТБОЛИСТА

Перед зеркалом. — Оказывается, только дисциплины мало. — «Лентяй». — Трудлюбие. — И этого мало. — Тактика. — И этого мало. — Лирическое отступление. — Как? И боевой дух — это мало?! — Непокладистый футбол. — Спортивное самолюбие. — На месте центрального полузащитника.

Итак, вернемся к Павлу Канунникову, к моим четырнадцатилетним сверстникам, к первой детской команде МКС.

Я поставлен на место правого инсайда. Место левого полусреднего занимает младший брат Павла Канунникова, Николай.

Мой старший брат Николай введен в состав сборной Москвы на место правого крайнего форварда.

Поэтому для меня как-то особенно внушительно

звучит, что в составе первой детской команды МКС на левом инсайте Канунников, на правом инсайте Старостин. Правда, не те знаменитые, а всего-навсего их младшие братья.

В день отборочного пробного матча я с утра надел свой футбольный наряд. Сто раз осматривал себя в зеркало. Принимал разные позы, как для фотографии. Перед началом игры я встану на центре поля, скрестив руки на груди, широко расставив ноги и вывернув носки внутрь. Вот так! Действительно, все было сделано именно так. Но почему-то принятая мною могучая поза никого не напугала и положения дела не спасла.

Мне-то казалось, что все идет великолепно. Один раз я дал удачный пас Канунникову. Раз предпринял попытку прорваться сам, но это, увы, не удалось. Странная вещь. Играя в футбол во дворе или на мостовой, я как-то чувствовал себя все время в игре, около мяча. Здесь же вдруг оказывался временами прямо-таки на каких-то пустынных островах. Меня ошеломили размеры настоящего поля. Строго соблюдая дисциплину места, я мало участвовал в игре и редко получал мяч. Я даже не видел его.

Вечером Николай, не видевший игры, спрашивает у Шурки:

— Ну, как наш дебютант?

Я затаил дыхание.

Шурка отвечает лаконически:

— Лентяй!

Все в мире потемнело. Первый удар по спортивному самолюбию.

На всю жизнь у меня осталось ощущение горечи от этого первого поражения.

Самое главное, что где-то в душе я чувствовал — Шурка прав. Я на поле стоял, размышляя по поводу размеров поля, соблюдал дисциплину места, а надо было бегать, действовать.

В дальнейшем я старался выработать в себе это чувство непрерывного действия. Но однажды опять был поставлен в тупик.

В 1926 году в команде мастеров я играл централь-

ного полузащитника против знаменитой команды «Трехгорки». Наш коллектив тогда уже перебазировался с Пресни на стадион общества «Пищевик» (ныне стадион Юных пионеров).

После матча ко мне в раздевалке подошел левый край нашей второй команды Яков Колодный и одобрительно сказал:

— Ну и отработал ты сегодня! Какая же у тебя, однако, выносливость! Трудолюбивый, черт!

Мне это было очень приятно слышать: Шуркиного «лентяя» я никогда не забывал.

А позднее все же пришлось сделать поправку к понятию трудолюбия в спорте.

В те времена футболисты нередко встречались в кафе Филиппова или в баре «Ку-ку». Привлекали нас туда замечательные цыганские хоры.

Старинные романсы, таборные, полевые песни московских цыган в исполнении Христофоровой, Ланской, Бауровой доставляли огромное наслаждение. Дирижировал хором маститый Егор Поляков.

Одна из песен поляковского хора, «Матушка, грустно мне», часто исполнялась футболистами в пути или в чужом городе.

— Резва ноженька болит... — с надрывом пели футболисты. Чему же болеть у футболиста, как не резвой ноженьке!

В кафе между выступлениями хора спорили о футболе. Сидели однажды в «Ку-ку» за столом с самим Федором Ильичом Селиным. Высокий, жизнерадостный, с раскатистым смехом, этот виртуоз советского футбола невольно приковывал к себе все взоры. Такой же яркой, как его внешность, была и его игра. Акробатические прыжки, шпагаты, безукоризненная игра головой, этой золотисто-рыжей головой, возвышавшейся над другими игроками, все это придавало игре Селина несколько эксцентричный характер. Даже четверостишие про него сочинили:

Мир футбола чист и зелен,
Зелен луг и зелен лес,
Только очень рыжий Селин
В эту зелень как-то влез...

Разговор за столиком шел на этот раз об игре центрхавбека. Федор Селин на этом месте играет за сборную СССР.

И когда заговорили о выносливости и трудолюбии в игре, Федор показал на меня:

— Вон Андрей вынослив и трудолюбив, да что толку? Бегаёт за мячом везде. А играть везде — это значит не играть нигде! Одного трудолюбия и выносливости мало.

Весь мой дальнейший футбольный опыт подтвердил правильность слов Федора Селина.

Выносливость и трудолюбие приносят результат только тогда, когда они подчинены определенной тактической цели.

Для того чтобы это было понятнее, перенесемся в 1956 год.

В чем секрет результативности центрального нападающего «Спартак» Николая Паршина? В течение последних сезонов он регулярно забивал один, два, а то и три мяча почти в каждом матче.

Многим было интересно, как это ему удавалось. Отвечать общими фразами о «завершающем ударе», об «одном касании», о «понимании замысла партнеров» не хотелось.

Я решил поинтересоваться игрой Паршина «персонально», то есть вне зависимости от места нахождения мяча. На очередном матче я, сидя на трибуне, выключил мяч из поля зрения и сосредоточился только на действиях Паршина.

«Секрет» Паршина мне быстро удалось понять. Он заключался в трудолюбии, подчиненном определенной цели. Вот мяч у Татушина. Паршин стремительно идет вперед. Мяч у Ильина. Паршин в темпе движется на ворота противника. Двадцать раз сорвалась атака «Спартак». Двадцать раз Паршин без мяча на предельной скорости шел к воротам, обеспечивая себе позицию на случай паса в центр.

Из этих двадцати раз он ни разу мяча не получил. Но без тени упрека в адрес партнера он отходил на исходные позиции и продолжал в темпе очередной атаки делать стремительные броски на ворота. В два-

дцать первый, в тридцатый раз... И в этой игре он все-таки забил два мяча. Достойная награда за трудолюбие. Причем один гол был забит из такого невероятного положения, что было бы трудно объяснить, как Паршин успел это сделать, если не следить за ним «персонально».

Сейчас-то все это для меня понятно, но в те годы, пока я постиг, что бегать по полю за каждым мячом бессмысленно, настрадался ужасно.

Шуркино определение «лентяй» повергло меня в уныние. Поставят или не поставят меня на игру против детской команды «Сушевской площадки»?

Меня поставили. И я даже отличился. Забил гол. До малейшей черточки я помню пережитые волнения этого первого «официального» забитого мною гола.

Мяч залетел в верхний угол ворот, срезавшись от моей ноги, которую я как-то неожиданно для самого себя успел вовремя подставить.

Удар получился несильный, крученный, и мяч «навесился» в верхний угол.

От радости я готов был по-михеевски катиться колесом от ворот противника к центру поля. Но вспомнил позы у зеркала и неторопливо потрясся «мощным» футбольным шагом, вывернув для убедительности ступни носками внутрь.

Потом в школе своему другу Сергею Ламакину я расписывал этот матч, не жалея красок. Оказывалось, что гол был забит мной пушечным ударом в самую крестовину, такой гол, что они «всей командой вытаскивали».

Наш новый Московский клуб спорта с весны 1922 года был включен в календарь московского первенства по классу «Б».

Первая команда располагала сильным составом игроков, большинство которых ранее уже выступало в клубах класса «А».

Вратарь — Мизгер Stanisлав, защитники: Хайдин Владимир, Тикстон Павел, полузащитники: Канунников Анатолий, Артемьев Иван, Мошаров Иван. Нападающие: Старостин Николай, Прокофьев Виктор, Маслов Дмитрий, Канунников Павел и Артемьев Петр.

Имена с фамилиями надо было указывать обязательно. В футбол играли семьями. В клубе было пять братьев Артемьевых, четверо Канунниковых, четверо Мошаровых, четверо Старостиних, братья Прокофьевы, Хайдины, Петуховы, Виноградовы. Поди-ка не укажи тут имени!

Были и в других клубах братья-футболисты, имевшие широкую популярность: Чесноковы, Поляковы, Аркадьевы, Романовы. Но Пресня была особенно богата футбольными семействами.

Еще жизнь в стране не налажена после разрухи. Еще были затруднения с продовольствием. Трамваи ходили редко.

А футбол, невзирая ни на какие трудности, буйно расцветал.

Через всю Москву, от Пресненской заставы до Благущи или Рогожско-Симоновской слободы, пешком, а в некоторых случаях бегом с чемоданами в руках носились на календарные матчи знаменитые и никому не известные футболисты.

В первый год своего существования наш клуб добился крупных успехов в футболе. Все четыре команды МКС получили право играть в финале весеннего первенства Москвы.

Это было большое торжество любителей футбола на Пресне.

Всеми четырьмя командами в финал вышли!

Торжественный день наступил. Финал в Замоскворечье.

На Пресне с утра суета. Отец Павла Канунникова Александр Иванович руководит заготовкой и доставкой провизии. Всем выступающим в финале игрокам будет выдано по французской булке с колбасой, полбутылки сидра и по стакану сладкого чая.

Возбужденные, движутся к Калужской болельщики-пресненцы. Все верят в успех наших футболистов.

Ну и что же, что клуб ОЛЛС (общество любителей лыжного спорта) давно играет по классу «А». Неважно, что там известные игроки — кандидаты в сборную команду.

Вратарь — Франц Шимкунас, левый край — Кон-

стантин Жибоедов, защитник — Михаил Исаев, центр-хавбек — Владимир Ратов — игроки, имена которых хорошо знают на Пресне.

Наши сильнее!

Особенно силен новый краек Петр Артемьев: уже вся Москва его знает по кличке «Велосипед». Зовут его так за быстроту бега. А Маслов, наш центрфорвард? Он еще на Горючке восхищал болельщиков своим «кинжальным» ударом по воротам.

Правое крыло — Виктор Прокофьев и Николай Старостин. Это два ярких представителя футбола с девизом «Буря и натиск».

Мы идем с Алексеем Голубевым (дядя Виталия Голубева, теперешнего полузащитника киевского «Динамо») и продолжаем похваливать непобедимую силу нашей команды.

— Нет, не по зубам олелесовским форвардам наша защита!

Правда, Мизгер маловат ростом. Зато у него реакция прекрасная. Тикстон и Хайдин — защитники-звери! Полузащита — Мошаров и Канунников по краям и Ваня Артемьев в центре. Плевать, что Канунников с левой ноги не бьет, а Мошаров еще не играл в классе «А»! Главное, боевой дух коллектива!

Я свято верую, что этого боевого духа в команде у нас предостаточно.

Да и в самом деле, ни тени раздора в команде нет.

Прекрасные товарищеские отношения между игроками. Защита и нападение живут дружно. И в игре и в быту.

Но мы забываем, что и ОЛЛС, и ЗКС, и другие команды такие же энтузиасты футбола. Везде есть свои традиции. Мы наивно считаем, что сильнее и сплоченнее нашего коллектива нет во всем мире.

Успехи младших команд укрепляют наше мнение. Четвертая команда выиграла. Втсрая тоже добилась трудной, но все же победы. Лишь третья команда не сумела победить. Но ее противником была третья команда ЗКС, ей не стыдно и проиграть. Там играют самые талантливые и опытные ребята Замоскворечья.

И вот, наконец, выходят первые команды.

В синих рубашках и белых трусах — ОЛЛС.
В красных майках и белых трусах — МКС.

Перед самым началом игры гроза. Ливень. Поле все в лужах. Игру чуть не отменили.

Это было бы досадно! Победа, можно сказать, обеспечена, а тут жди еще целую неделю.

Свисток, и игра началась. Меня бьет дрожь. От мокрой рубашки после дождя, что ли? Потом, гораздо позже, уже перестав играть в футбол, я пойму, что такая дрожь никакого отношения к дождю не имеет.

Это та самая болельщицкая дрожь, которая хуже малярии колотит зрителя, если он не свободен от чрезмерной симпатии к одной из играющих команд.

Игра продолжается. Вон юркий, острый, как игла, Костя Тюльпанов выскочил на «нашу» половину поля и сильно пасует в разрез на правый инсайд. Он хитрый, этот Костя: знает, что в грязь нужно играть сильным ударом и в длинный пас.

Мяч, казалось бы уходящий, вдруг падает в большую лужу на штрафной площадке да там и застревает. Ни секунды растерянности не проявил правый инсайд ОЛЛС Савостьянов. Этот низкорослый плотный здоровяк ринулся со всего хода прямо в лужу и, не раздумывая, нанес сильнейший удар по мячу. Вместе с водой, с грязью мяч влетел в железную сетку наших ворот.

Не успел я еще оправиться от первой неудачи, как и второй мяч побывал в наших воротах.

Дело принимало нехороший оборот. Все же вера в непобедимость нашей команды у меня еще не угасла. Наоборот! Она вновь вспыхнула, когда в ворота противника был забит ответный гол.

Второй тайм меня совершенно изнурил. Я просто не понимал, что же это происходит.

Где же «буря и натиск» с нашей правой стороны? Куда же делся Велосипед? Почему он никак не может убежать от своего хавбека. Где кинжальные удары Маслова? Где же, наконец, гроза защиты — Павел?

Они все на поле. Они и не они.

А счет уже был 3:1, потом 4:1, и только под

конец игры Маслову удалось забить еще один ответный гол. Мы проиграли первенство.

Победители вызывали во мне прямо-таки ненависть. Я не мог простить им крушения моих надежд.

И когда после финального свистка судьи поражение сделалось явью, я заплакал. Ничего не мог с собой сделать — заплакал, и все!

Тогда я еще не понимал, что нет таких команд, которые бы не проигрывали. Не понимал и того, что, помимо таких важных факторов, как боевой дух и техническое мастерство, есть и еще кое-что другое.

Опыт соревнований в высшей группе, умение играть ответственные матчи, традиции коллектива, правильная оценка противника — все это мне было совершенно незнакомо. Воздушный замок, построенный самоуверенностью молодости, распался, и со стен этого замка я полетел вверх тормашками, пребольно ударившись о землю.

Футбол оказался непокладистым: он наносил чувствительные удары. И наносил как раз в тот момент, когда меньше всего ожидаешь.

Вскоре я в этом убедился еще раз.

Перед каждой календарной игрой в нашем клубе заседала футбольная секция, наши признанные авторитеты. Секция намечала составы команд на очередную игру. Мы, ребята, затаив дыхание подслушивали из-за дверей мнения авторитетов о нас.

Перевод из второй в третью или из третьей в четвертую команду воспринимался болезненно. Было неловко, стыдно, досадно.

Несколько мальчиков из детской команды были кандидатами в пятую взрослую команду. Я тоже рассчитывал, что попаду, потому что товарищескую игру за пятую команду уже играл.

— Не может Андрей быть правым инсайдом, — вдруг слышу из-за двери голос председателя секции Михаила Ивановича Петухова.

У меня сердце оборвалось.

— Да, слабоват, пожалуй, — соглашается Кануников.

И меня переводят в запасные.

Вывешиваются списки с составами команд. У стен толпа игроков и болельщиков. А мне все кажется, что у всех только и на уме, что я из пятой команды переведен в запасные.

Но самое ужасное испытание впереди: надо в школе объяснить ребятам, почему я не поставлен.

Вся школа знает, что у меня брат играет за первую сборную, а я начинаю играть по календарю на первенство Москвы. Неважно, что за пятую команду, важно, что участник лиговых матчей.

А теперь вдруг меня «прокатили». Как сказать ребятам, что я в запасе? При одной мысли об этом краска заливает лицо.

— Ну что, играешь завтра? — задает мне вопрос Сергей Ламакин.

Рядом с ним стоят Надя Воротникова, Сима Шустрая и Оля Полонская, одноклассницы, при которых мне легче умереть, чем сознаться в своем провале.

Узнав об этом, Сима Шустрая громко засмеется и скажет что-нибудь всреде: «Ну и чемпион!»

Надя Воротникова ограничится надменной гримасой. А Оля Полонская соболезнующе покачает головой.

Нет! Я не могу сознаться! Уклончиво говорю:

— Играем, играем... — надеясь за множественным числом скрыть правду.

— О! Мы завтра поедем смотреть, — вдруг говорит Сима, и я чувствую всю мерзость моего малодушия.

Но отступать уже некуда.

— Конечно, пожалуйста! Обязательно приезжайте!

Я провел мучительную ночь. И когда утром шагал в Сокольники, то в тысячах вариантов придумывал наиболее правдивое объяснение девочкам, почему я не играю.

В Сокольниках я сразу залез в раздевалку и не показывался. Сидел и ждал. Ведь бывают же чудеса. Вдруг кто-нибудь не придет из основного состава. И тогда посмотрит на меня капитан и крикнет:

— Андрей Старостин! Выходи на поле!

Но чудеса случаются так редко... Скоро матч.

Появление в раздевалке каждого нового игрока я воспринимал как неумолимый шаг наступающего моего позора.

Но вдруг!.. Нет, чудеса случаются не так уж редко. Не явился правый хавбек Задышкин. И Прокофий Николаевич Соколов, дежурный член секции, вратарь и капитан пятой команды, закричал:

— Андрей! Одевайся! Сыграешь правого хавбека.

Нет, я не заставил команду ждать себя.

По отзыву присутствовавших сыграл я эту игру вполне прилично. Но девчат, как оказалось, на матче не было. Ни Нади, ни Симы, ни Оли...

Да и бог с ними! Не в этом дело! Жалко, конечно, что они не видели игры. Но все равно чувство удовлетворения у меня осталось громадное. После «миллиона терзаний» хороший результат особенно радует. Значит, отметил я в дневнике, спортивное самолюбие у меня все же, наверное, есть.

Я вспомнил резкие слова Николая по поводу одного игрока:

— Да у него спортивного самолюбия нет! Его в состав не поставили, а он и ухом не повел — усмехнулся только.

Думается, что это правильно. Футболист, не обладающий спортивным самолюбием, никогда не достигнет высот. Не нужно только самолюбие путать с себялюбием. Или — что еще хуже — с самомнением. Если ты считаешь, что к тебе отнеслись неправильно, несправедливо — дождись своей минуты и делом докажи, кто ты есть. Делом! Игрой! Вот это будет спортивное самолюбие.

Примерно так я рассуждал тогда и был очень горд. На другой день по пути в школу я заранее предвкушал удовольствие от рассказа о вчерашнем матче. Как бы вскользь, я скажу друзьям, что у меня теперь новое амплуа в команде — я полузащитник. Между прочим, да, да, полузащитник! Будьте любезны!

Действительно, после этой игры я уже в линии нападения больше никогда не играл. В очередном матче меня поставили центральным полузащитником, на месте которого я прочно и обосновался.

VII. РУБЕЖ

18-я Трудовая. — Алексей Эдуардович и Валентин Николаевич. — Рождение «Динамо». — Игра в «факторы». — В поисках идеала. — Прогнозы в футболе. — Крестный Грибов. — Безотцовщина. — Звездный пробег. — Прощай, школа!

Последний номер журнала «Известия спорта» переходил из рук в руки. Там была напечатана заметка о спорткружке 18-й Трудовой школы Краснопресненского района, в которой я в то время учился.

Собственно говоря, ничего особенного в этой заметке не было. Несколько слов о работе кружка, успешных состязаниях с нашим постоянным противником — бывшим Вторым реальным училищем, снимок команды и под ним фамилии. Упомянуто было, что председателем кружка является Ламакин Сергей, а секретарем Старостин Андрей. Вот и все. Но заметка взволновала умы. Не то что ученики, даже преподаватели возгордились.

Алексей Эдуардович Готвальд, директор школы и одновременно преподаватель математики, справедливый педагог, приводивший нас в трепет своим пронизывающим взглядом, даже он, этот грозный «Готя», как его втихомолку звали ученики, поощрительно хмыкнул, прочитав заметку в журнале.

Хотя до этого он не очень жаловал нас за возню и шум в зале, когда во время перемены мы гоняли комки бумаги, пуговицы или спичечные коробки — все, что отдаленно напоминало футбольный мяч.

— Старостин, вы чем занимаетесь?! — возмущенно воскликнул однажды Алексей Эдуардович, когда я, перекидываясь с Ламакиным старой картонкой, чуть не сшиб с ног появившегося в зале директора. Предостерегающий крик товарищей я услышал лишь в тот момент, когда уже ткнулся головой в живот не успевшего увернуться Алексея Эдуардовича.

Строгий взгляд из-под седых, недоуменно поднятых бровей, вздернувшаяся вверх седенькая борода клинышком, высокий с трещинкой голос, при звуке ко-

торого все в школе трепетали, сразу охладил мой пыл. Я как вкопанный остановился перед директором.

Взлохмаченный, задыхающийся от только что происходившей футбольной схватки, я едва выдавил очень глупое:

— Ничем не занимаюсь.

— Так вот, чтобы вы хоть чем-нибудь занимались, потрудитесь пригласить ваших родителей ко мне в школу. Поняли?

— Понял.

Инцидент этот совпал с появлением заметки в журнале. Я «забыл» пригласить в школу мать. Алексей Эдуардович больше об этом не напоминал.

Ярым защитником футболистов был учитель истории Валентин Николаевич Покровский. Он организовал легкоатлетическую и баскетбольную секции и сам с нами играл в футбол. На матч он приходил с двумя дочками-близнецами пяти лет. Валентин Николаевич был близорук и носил пенсне. Близорукость крайне затрудняла его игру. В трусах и в пенсне он изображал в нашей команде левый край нападения.

Однажды девочки заигрались и выбежали на поле как раз в тот момент, когда Валентин Николаевич прорывался по краю. В неукротимом желании забить гол он чуть не затоптал своих детей. К счастью, он сам был сшиблен защитником и растянулся на земле рядом с перепуганными дочками.

Валентин Николаевич не блистал игровыми качествами. Был грузноват, его толстые бесформенные ноги почти не сгибались в коленках. Но играть он любил до самозабвения, и его присутствие самым лучшим образом сказывалось на игре всей команды, дисциплинировало нас. Вообще в команде всегда хорошо иметь рядом с молодежью старших, опытных, авторитетных футболистов.

Теперь, через много лет, я с благодарностью вспоминаю этих прекрасных людей, учителей 18-й Трудовой школы, трогательно относившихся к своим воспитанникам, любивших спорт. Не в пример некоторым педагогам, считавшим тогда спорт «балов-

ством», они прививали нам уважение к физической культуре.

К моменту появления заметки я уже был постоянным участником календарных матчей. Правда, был игроком всего-навсего младшей команды клуба «Красная Пресня», так теперь назывался бывший МКС.

Первая команда нашего клуба пополнилась игроками Замоскворецкого клуба спорта. В нее вошли Петр Исаков, Константин Блинков, Петр Попов, Борис Баклашев и Яков Евстигнеев.

А в это время организовалось пролетарское спортивное общество «Динамо». Это было важным спортивным событием. Туда перешли некоторые старые «пресненцы»: братья Хайдины, Дмитрий Маслов, Станислав Мизгер. Их привлекли большие перспективы нового общества. «Пресня» в результате длительных и сложных эволюций превратится в «Спартак». Эти два общества, «Динамо» и «Спартак», станут главными претендентами на первенство почти по всем ведущим видам спорта.

Но в то время, о котором идет речь, оба этих коллектива находились еще в начале пути к своей футбольной славе. Правда, «Пресня» уже добилась первого успеха. Весной этого года она выиграла первенство Москвы, пройдя весь календарь без поражений.

Осень была менее удачна. Был введен новый зачет в розыгрыше. Одних выигрышей на поле было недостаточно. Важную роль играли так называемые «факторы». К ним относились удаления игроков с поля, замечания игрокам во время игры, опоздания, дисквалификация и различные проявления недисциплинированности.

Эти «факторы» настолько серьезно влияли на общий результат, что был случай, когда команда, имевшая по результатам матчей первое место, из-за них отодвинулась на четвертое.

«Факторы» просуществовали недолго.

— Во что мы играем, в футбол или в факторы? — возмущались игроки.

В конце концов «факторы» были отменены.

В ту пору я, переменив место инсайда на центрального полузащитника, задумывался, с кого мне брать пример, у кого учиться. Три центральных полузащитника увлекали меня: Федор Селин, Павел Батырев и Константин Блинков. Кто лучше? Кому подражать? У кого учиться? У каждого из них своя яркая, присущая только ему манера. И всех их роднит высокотехнический класс игры.

Федор Селин — высокий, несколько сухощавый атлет. Он очень колоритен на поле со своей золотой шевелюрой и акробатической, очень темпераментной игрой. Прыжок Селина на верхний мяч неповторим. Он легко вскидывал ногу и отбивал мяч, летящий выше головы игрока среднего роста. Селин был грозен и в атаке. Не случайно в отдельных матчах его ставили центральным нападающим.

Совсем другого склада была игра ленинградца Павла Батырева. Комбинационно-технический игрок, выше среднего роста, с мощным торсом, Батырев являлся поборником многоходовых комбинаций. Короткий и средний точный пас. Игра с соседом, основанная на постепенном завоевании пространства. Рассудочность и хладнокровие подкупающе действовали на зрителей, и Батырев пользовался широкой популярностью у ленинградских и московских болельщиков.

Константин Блинков считался самым техничным футболистом. Высокого роста, пропорционально сложенный, он легко и непринужденно работал с мячом, позволяя себе иногда в труднейшей ситуации сыграть, как говорится, на острие ножа, то есть рискованно обыграть противника за счет какого-нибудь трудноисполняемого технического приема.

В какой-то мере игру Блинкова напоминает мне игра Ивана Кочеткова. Преемником Батырева является сегодня киевлянин Виталий Голубев. А глядя на динамовца Константина Крижевского, вспоминаешь игру Федора Селина.

Я колебался, выбирая себе идеал для подражания. Это уже не было детским увлечением, когда я хотел даже ногами походить на Канунникова. Нет, здесь

Команда МКС. Слева: Михеев, Маслов, Прокофьев, П. Канунников, Квашин, А. Канунников, Тикстон, П. и И. Артемьевы, Н. Старостин, Хайдин, Козлов, Романов.

На заре отечественного футбола.

Футбольное поле ЗКС 1924 года, самый большой в то время стадион Москвы.

мне хотелось выбрать путь для совершенствования своих чисто футбольных качеств.

Как каждому подростку, мне казалось, что я понимаю в футболе все. Я безапелляционно выносил характеристики отдельным игрокам, даже не задумываясь над тем, что могу ошибаться. Сколько раз футбол жестоко мстил мне за эту самоуверенность! Мяч не очень-то считался с моим мнением...

— Ну как, Старостин, что говорит ваш старший брат по поводу завтрашнего матча? — спрашивает меня Валентин Николаевич.

Я, не задумываясь, отвечаю:

— От них, Валентин Николаевич, завтра полетят куда куски, куда милостыньки.

А на другой день «Пресня» проигрывает МСФК. Я не знаю куда глаза девать.

Трудное это дело, спортивные прогнозы. В футболе в особенности. Велика амплитуда колебаний: без ошибки не обойдешься. Примеров много. Вот в сезоне 1956 года «Торпедо» выиграло у московского «Спартак» со счетом 2:0. «Буревестник» выиграл у «Торпедо» — 4:2. Если бы футбол подчинялся математическим исчислениям, то школьник первого класса легко мог бы решить задачу с вопросом: как сыграют между собой «Спартак» и «Буревестник»? Он рассуждал бы просто: «Торпедо» лучше «Спартак» на два гола, «Буревестник» лучше «Торпедо» на два гола, — значит, разница между «Буревестником» и «Спартак» — четыре гола в пользу «Буревестника». А на поверку оказывается, что «Спартак» в этом матче был на семь голов лучше «Буревестника».

Вот тебе и математика: разница в одиннадцать голов! Занимайся тут прогнозами. Мальчишке, мне было невдомек, каким колебаниям может подвергнуться уровень игры футболистов и команд...

Школьный драмкружок играл «Женитьбу» Гоголя. На сцене Агафья Тихоновна рассуждала:

— Уж как трудно решиться, так просто рассказать нельзя, как трудно. Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазара

Балтазарыча, да пожалуй, прибавить к этому еще до-
родности Ивана Павловича, я бы тогда тотчас же ре-
шилась...

Я сидел в зрительном зале и думал о своем:

«Да, да! Надо соединить темперамент Селина, рассудочность Батырева и технику Блинкова. Это, ко-
нечно, потребует всестороннего физического разви-
тия — значит, надо заниматься различными видами
спорта».

Гантели, двухпудовичок и резиновая растяжка дав-
но уже были у нас неотъемлемыми атрибутами утрен-
ней зарядки.

Мы с Александром спали в передней. Поэтому
наши упражнения со снарядами происходили у всех
на виду.

Дядя Митя только плевался, когда видел меня
тщившимся выжать непосильный вес или с мучениче-
ским лицом растягивавшим резину обязательно до
нового рекорда.

— Дров бы лучше пошел наколол! — презритель-
но говорил он, проходя через переднюю и сердито
хлопая дверью.

Я шарахался из одной секции в другую — бокс,
борьба, лыжи, коньки... Потом быстро остывал, на-
чинал заниматься легкой атлетикой. Потом бросал...

Увлечение мое боксом охладил Борис Сычев, мой
одноклассник. Он регулярно занимался в секции об-
щества «Динамо». На школьном спортивном вечере
я скрестил с ним перчатки. Удар в солнечное спле-
тение перебил дыхание. Я судорожно открыл рот, пы-
таясь заглотнуть воздух. Но воздух никак не проходил
в дыхательные пути. Пока я пытался вздохнуть, Бо-
рис продолжал атаку. Он нанес мне удар в челюсть,
потом в глаз...

Это было бесславное выступление.

— Сначала ты был как рыба на песке, когда гло-
тал воздух, а потом превратился в плохо набитый
тюфяк, — описывал мне бой Сергей Ламакин.

Домой я пришел с громадным синяком.

— Ну что, Грибов, догулялся? — спросил, глядя
на меня, дядя Митя.

Грибов — крестный отец, известный московский мануфактурист, глава фирмы «Грибовская мануфактура».

Миллионер-кум, по барской прихоти крестивший у служащего сына, ограничился покупкой новорожденному золотого крестика.

На этом кумовство, собственно, и кончилось, если не считать, что крестный, будучи сильно пьяным, чуть не уронил меня с высоты своего богатырского роста на каменные церковные плиты, когда принимал от священника из купели.

Дядя Митя, человек строгих взглядов, не любил моего крестного и звал меня Грибовым, когда был за что-то мной недоволен, явно преувеличивая масштабы моих возможностей и склонностей.

— Грибов появился! — говорил он громко, когда я позднее обычного приходил домой.

Синяк под глазом возмутил дядю Митю.

— Дядя Митя, да ведь это же бокс! — оправдывался я.

— Снять бы с тебя штаны да выпороть — вот был бы бокс, — заключает дядя Митя и, безнадежно махнув рукой, добавляет: — Безотцовщина!

С легкой атлетикой я тоже вскоре покончил. Случай с Сергеем Ламакиным отвратил меня от нее окончательно.

Сергей тоже искал путей к футбольному совершенству. Он считал, что бег на средние дистанции в лучшем виде способствует футболу. Кроме того, он втайне мечтал быть чемпионом по бегу. Денно и ночью тренировался он на дорожке, пытаясь постичь все премудрости техники и стиля.

На одном из соревнований наш школьный спортивный актив был представлен особенно многолюдно. Председатель кружка Сергей усиленно пропагандировал это соревнование. Были приглашены и Сима Шустрая, и Оля Полонская, и Надя Воротникова. Сергей был уверен в своих силах. Он выглядел очень эффектно на дорожке. Голубые шелковые трусы и белая как снег майка с эмблемой нашего спортивного кружка на груди. Легкоатлетические туфли и платочек за

поясом. Набриолинивший свои черные волосы, бронзово-загорелый, Сергей был очень наряден и, конечно, казался нам непобедимым.

Когда участники бега на тысячу метров были уже на старте, сидевший с нами на трибуне правый краек нашей футбольной команды вдруг быстро скинул с себя брюки, рубашку и ботинки, в одних мятых трусах, босиком появился на дорожке и занял место среди стартующих рядом с Сергеем.

Какой-то замухрышка рядом с нашим ослепительным чемпионом!

Бег повел Сергей, восхитивший зрителей плавностью движений. Но... у полукруга наш краек обогнал лидера, и с каждым шагом просвет стал увеличиваться. Стилем он не блистал, но скоростью и выносливостью подавил нашего чемпиона. Напрасно Сергей «тянул» шаг, «выкидывал» бедро и отчаянно стильно работал руками: он безнадежно отставал.

Наша школа была посрамлена. Краек учился в другой школе. Впоследствии он стал замечательным спортсменом. Чемпион и рекордсмен СССР в беге на восемьсот метров Николай Баранов — это был он — начал свою карьеру на беговой дорожке, в пух и в прах разбив нашего школьного чемпиона.

Так постепенно, через огорчения и неудачи, мы постигали простую истину: нельзя быть во всем мастером. Спортивную специальность надо выбирать не только по влечению, но и по способностям.

Впрочем, для спорта оставалось очень мало времени: мы заканчивали последний класс школы. Многие едва справлялись с домашними уроками. Да и нелегко было в те годы учиться. Во времена гражданской войны, разрухи школы не отапливались, учебников не хватало, учителей было мало. Месяцами занятий вообще не было. В последних классах приходилось наверстывать все, что было упущено раньше.

— Старшеклассников от занятий физкультурой освободить! — решили педагоги и родители.

— Вы только подумайте, — жаловалась директору мама одного девятиклассника. — Вчера Витенька ве-

чером потратил целый час попусту — бегал на коньках!

От напряженных занятий — многие готовились сразу к экзаменам в вузы — ребята приходили в школу с красными глазами, утомленные.

Нас освободили от кружковой работы, от занятий физкультурой.

И вдруг внизу в вестибюле плакат:

ЗВЕЗДНЫЙ ЛЫЖНЫЙ ПРОБЕГ!

Только для старших классов!

В воскресенье!

Москва—Лосиноостровская—Москва

Сбор в школе в 7 часов утра

Плакат поверг в смятение Витину маму и некоторых учеников. Ведь, кажется же, договорились, что старшеклассников не будут отрывать! Однако Валентин Николаевич, директор, физрук и Сергей Ламакин составили страшный заговор. Необходимо было разрядиться, отдохнуть, набраться новых сил. По школе разнесся слух, что отстающих в учебе в поход не возьмут. Ребята подтянулись.

В воскресенье мы собрались задолго до назначенного срока. С вечера смазывали лыжи, готовили обувь. Разумеется, никаких пьекс ни у кого не было. На валенки или на ботинки, предварительно обернув ноги портянками и газетами, надели лыжи и по спящему городу двинулись в звездный пробег. Мы знали, что звездным считается пробег, когда лыжники с разных сторон собираются к одной заранее обусловленной точке. Но так было красивее — назвать наш пробег «звездным», и мы не удержались от этого соблазна.

Снег тогда в городе с мостовых не собирали. Через весь город, через Сокольники пошли мы на лыжах к Лосиноостровской. Вернулись поздно вечером, разгоряченные, усталые, румяные, счастливые, голодные

как волки. Мы прекрасно отдохнули в этот день, и с понедельника учеба пошла гораздо веселее. Занятия спортом не помешали, а значительно помогли учебе.

Наступила весна. Солнышко растопило снег, мы готовились к выпускным зачетам (тогда еще экзаменов не было). Впереди лето, зеленая травка стадионов, новые пути... Прощай, школа!

VIII. ТУРКИ

Выбор. — Тетя Наташа и наше коммерческое предприятие. — Мастерские. — «Джимми». — Международные матчи. — Встреча с турками. — Охотный ряд. — Генеральный матч. — Первый ответный визит.

— Ну, сегодня вся облава в сборе, — сказал дядя Митя, войдя в столовую.

«Облава» действительно была вся налицо. Человек двенадцать сидели за столом и обсуждали мою дальнейшую судьбу. Я оканчивал школу, и впереди обычная в таких случаях дилемма: держать экзамен в вуз или идти на работу?

У Николая была уже своя семья. Сколько же можно сидеть у него на шее? Александр зарабатывал немного. Клавдия — невеста на выданье, с нее, как говорит мать, взятки гладки. А Петр и Вера еще учатся в школе. Мать не работает: едва успевает по дому управляться. Одним словом, бюджет семьи еле-еле позволяет сводить концы с концами.

— Твое мнение, Андрей? — спрашивает старший брат.

— Пойду на работу.

— А вечерами учиться! — поощрительно говорит дядя Митя.

— Нет, вечерами спорт!

Дядя Митя даже на стуле подскочил.

— Ну и болван же ты, Грибов! Да неужели ты свой дурацкий футбол с учением сравниваешь?! Ну, иди торгуй патокой!

Про торговлю патокой дядя Митя упомянул не слу-

чайно. В голодное время сын дяди Мити конькобежец Вányюшка решил заняться коммерцией. Во дворе у нас стоял флигелек. Раньше в нем был собачий питомник. В этом флигельке Вányюшка организовал кустарное производство патоки.

Надо было продавать первую продукцию. Вányюшка уговорил меня помочь тете Наташе довести кадушку с патокой до рынка. Сперва я отнекивался: стыдно, вдруг встречу кого-нибудь из школьников. Но Вányюшка знал мое слабое место:

— Чудак, — говорил он, — на бутсы зарабатываешь.

Я впрягся в санки и потянул поклажу на Смоленский рынок. Тетя Наташа шествовала сзади, слегка поддерживая кадушку.

Содружество у нас надежное: я — четырнадцатилетний мальчишка, а она — совсем не приспособленная к таким делам пожилая дама. Тетя Наташа, вдова главного инженера крупного уральского завода, жила раньше в довольстве. После смерти мужа впала в нужду и по совету братьев (отца и дяди Мити) переехала в Москву. От барских привычек она еще не отвыкла, и коммерческие операции ей, так же как и мне, просто несвойственны.

Красавица в молодости, она надменно разговаривала с торговцами Смоленского рынка.

— Эй, вы! Нужна патока? — спрашивала она у палаточника.

— Почему, гражданочка?

— Пять миллионов ведро.

— По два «лимончика», гражданочка, возьму.

— Да ты в уме ли, братец?! — презрительно цедила тетя Наташа. — Да знаешь ли ты, что это за патока?! Тебе с твоей хамской мордой и не снилась такая прелесть! Вези, Андрюшенька! — командовала она мне.

И я натягивал постромки.

Мы так и не продали ни одного фунта. А когда я, усталый и подавленный неудачей, довез поклажу почти до дому, то на одной из колдобин сани вместе с кадушкой опрокинулись, и наша патока потекла по мостовой.

Этот случай долго вспоминали у нас в доме и шутили по поводу наших коммерческих талантов.

Рекомендация дяди Мити торговать патокой вызвала за столом общий хохот. Но мое намерение идти работать было неизменно.

Николай помог мне определиться в учреждение с увесистым названием «Нижгубселькредпромсоюз» помощником монтера по сельскохозяйственным машинам и орудиям. Косилки, жатки, сноповязалки, лобогрейки, ржавые, некомплектные, пришедшие в полную негодность, поступали к нам на склад.

Железной щеткой с керосином я отдираал ржавчину от разобранных на части орудий, а затем красил их в синие, красные, оранжевые цвета. Нелегкая работа. Но зато через две недели я отправился на Тверскую в магазин Шмелева покупать на собственные деньги ботинки.

В ту пору были модны длинноносые «джимми». Сергей Ламакин, как опытный консультант, сопровождал меня. Я вбухал в эти лакированные «джимми» всю получку.

— Ну вот теперь ты совсем другой человек! — поощрял меня Сергей. Но в душе меня терзали сомнения. Носы у ботинок длинные, как у академической лодки. Черный блеск никак не гармонировал с моими заношенными, протертыми в коленках брюками.

— Штаны не годятся, — критически замечает Сергей.

— Да, штаны подгуляли, — бодро соглашаюсь я.

А когда мы вошли в наш двор, настроение мое вконец испортилось.

— Что это у тебя ботинки-то какие, Андрюша? — спросила встретившая меня во дворе мать.

— Какие?

— Да уж очень носатые какие-то, как птичьи клювы.

— Это «джимми» называется, — уже с нескрываемой досадой объясняю я.

— Может, и «джимми», — не спорит мать, — но только уж больно ты на чечеточника похож.

Дома у зеркала я окончательно убедился в не-

соответствии новых ботинок моему туалету. Снял «джимми», забросил их под кровать подальше, надел свои старые, стоптанные башмаки и сразу почувствовал себя лучше. Радость первого заработка была отравлена.

А дома шли жаркие дебаты по поводу предстоящей встречи с турками. Это была уже не первая международная встреча советских футболистов. Еще в 1922 году Замоскворецкий клуб спорта провел первую международную встречу. Его противником была сборная команда рабочего союза Финляндии. ЗКС выиграл эту встречу со счетом 7 : 1. А в 1923 году состоялся первый выезд советской команды за рубеж. Сборная команда РСФСР отправилась в турне по Скандинавским странам и в Германию.

На этот раз противник был сильнее. Предстояло играть не только с рабочими, но и с буржуазными командами.

На том же королевском стадионе в Стокгольме, на котором так бесславно дебютировала сборная России в 1912 году, через одиннадцать лет появились советские футболисты. Результат оказался другим. Сборная РСФСР выиграла у сборной Швеции со счетом 2 : 1.

Побиты были не только шведы. Сборная Христиании (Осло) и сборная Норвегии также были обыграны советскими футболистами.

За всю поездку сборная РСФСР из двадцати двух матчей выиграла двадцать и лишь два свела к ничьей.

На этот раз пресса уже не писала о «спортивной Цусиме» или о «национальном позоре». Наоборот, об игре советских футболистов отзывались с удивлением и восторгом.

Даже дядя Митя, непримиримый враг футбола, как бы вскользя спросил:

— Кого это там наши большевики обыграли? Случайно небось.

Болельщикам страстно хотелось посмотреть свою сборную команду. И вскоре такой момент наступил.

— Турция едет! Национальная сборная Турции! — войдя в столовую, громко провозгласил Николай.

Дядя Митя сидел на своем излюбленном месте у белой изразцовой печки и брэнчал на гитаре. Он любил, аккомпанируя себе, напевать баском вполголоса варламовские романсы.

— Когда? С кем будет играть? — сразу отозвались мы — Александр, Петр и я.

— Не может быть! Ведь на дворе октябрь месяц! Дядя Митя не выдержал:

— Опять про футбол завели! Тьфу ты, нечистая сила окаянная! — в сердцах сказал он свою любимую поговорку и, хлопнув дверью, удалился с гитарой на свою половину. — Нашли себе занятие: без штанов бегать! — возмущался он. — Не знаю, что из вас получится. Так и останетесь голоштанниками, — сокрушался дядя Митя.

На другой день я, захлебываясь, рассказывал товарищам сенсационную новость.

— Национальная сборная Турции — понимаете?! А играть с ней будет сборная СССР!

И сразу десятки вариантов состава сборной. Кто будет играть центрхавбека? Батырев, Селин или Блинков? А может, Владимир Фомин, так прекрасно показавший себя в играх за сборную Харькова?

А знаменитый Александр Злочевский, любимец Одессы, «Злот», как любовно называют его одесситы. А Александр Шпаковский из того же Харькова? Прославленные инсайды, не являются ли они конкурентами Павлу Канунникову и Михаилу Бугусову?

Приезд турок взбудоражил футбольные круги. К моменту их прибытия в Москву было установлено, что первый матч гости будут играть со второй сборной Москвы, затем с первой сборной Москвы, и только третья игра состоится со сборной СССР...

— А ну-ка, Грибов, съезди в Охотный! — обратился ко мне дядя Митя. Он собирался принимать гостей, и в таких случаях продукты покупались в Охотном ряду.

Это чрево Москвы, о котором не раз упоминалось в литературе, действительно представляло собой грандиозный и красочный натюрморт. Палатки, лавки, магазины завалены всевозможнейшей снедью. Рыба, мя-

со, овощи, фрукты, ягоды, соленья... Все в изобилии — глаза разбегаются у покупателей. Запахи Охотного ряда меняются так же, как и краски. После аромата ягодных лавок вдруг потянет тяжелым запахом отбросов.

С рынком у меня связано неприятное воспоминание. Однажды меня послали за покупками. Время было голодное. Продукты стоили дорого. Мать дала мне деньги, а я, чтобы не потерять, заложил их в кепку под подкладку. По дороге к рынку, в Соколовском переулке, стоит старая барыня. Около ног бочонок, небольшой по размеру, но, как оказалось потом, очень тяжелый.

— Мальчик, поднеси мне бочонок, я тебе заплачу, — обратилась ко мне барыня.

Я мигом прикинул, что сегодня на ЗКС футбол, значит можно заработать на билет.

— А куда нести? — спросил я, косясь на бочонок.

— Да недалеко, на Пятую Тверскую-Ямскую.

Ну, думаю, верно, не так уж далеко, донесу как-нибудь, зато на футбол съезжу. И согласился.

Тащить бочонок было чертовски неудобно. Я его и руками к животу прижимал и под мышку пытался взять. Вваливал его то на одно, то на другое плечо. Пройду шагов десять — и останавливаюсь: тяжело и неловко. Бочонок пузатый, дубовый. Вконец измотался я, а прошел всего один переулок. Впереди еще длинный путь. Впору договор расторгнуть. Но во мне уже разгорелся спортивный задор. Проклятый бочонок, все равно я тебя осилю! Дай, думаю, на голове понесу. Взгромоздил бочонок на голову — чувствую, неплохо получается, только голову больно трет. Так на голове я и дотащил его до места.

Рассчиталась со мною барыня не щедро. Едва на билет хватило. Шишку я себе натер на голове огромную. Но беда была не в этом. Когда я полез за деньгами, чтобы заплатить за купленную провизию, то обнаружил, что бумажные деньги, лежавшие в кепке, были изжеваны в труху. Со слезами я возвращался домой. Мой заработок не покрывал и десятой доли загубленных денег. Мать пощадила меня и отцу ни-

чего не сказала. А проклятый бочонок мне запомнился на всю жизнь.

На этот раз мне на рынке повезло. Я только стал приценяться к громовским сельдям, как заметил, что внимание всех устремлено в одном направлении.

Турки! Вон они, в высоких красных фесках, смуглые, худощавые, вышли из гостиницы «Континенталь» и прогуливались по Охотному ряду.

На фоне яркого Охотного ряда они представляли очень живописную группу, возглавляемую, по-видимому, капитаном команды, фаворитом турецкого футбола Нихатом. Ну конечно же, это он! Мы, ребята, по фотографии в газете запомнили его характерный профиль с прямым большим носом.

Вместе с Лешкой Голубевым глядим как замороженные. Вот она, национальная сборная Турции!

Не только мы, юнцы, не отрывали изумленных глаз от гостей. Вереницей стоящие вдоль тротуара извозчики, владельцы лавок, продавцы, лоточники (нэп был в разгаре), охотнорядские покупатели — все с любопытством рассматривают гостей с Востока.

— Дядя Митя, мы турок в Охотном ряду видели! — говорю я.

— Да поди ты ко всем чертям со своими турками! Ты мне лучше покажи, какие ты селедки принес. Ты понимаешь, Кирсан, совсем с ума сошли с этим футболом племяннички.

Дядя Кирсан — пскович, тоже из очень знаменитого егерского рода Зуевых. Могучего сложения, розовощекий, с рыжеватой бородой и усами, дядя Кирсан был добродушен. Но в его наивно-голубых глазах всегда вспыхивал огонек лукавства, когда дядя Митя «громил», а мы защищали футбол.

— Анафемская сила! Ах, и бесовская же игра! Сатанинское наваждение! — хитро подмигивал дядя Кирсан.

— Газеты надо читать, дядя Митя, — возмущались мы. — Об этом матче во всех газетах пишут.

— В газетах! — презрительно хмыкал дядя Митя. — Вон чеховского героя тоже в газете прославили, что пьяный нахлестался. Стало быть, и тут радоваться

надо? Нет-с, господа голоштанники, нечему тут радоваться. Скорее плакать надо! Отец бы за голову схватился, если бы был жив. Чем, мол, сынки-то занимаются!

Интерес к матчу с турками повышался с каждым днем. Поражение их от первой сборной со счетом 2 : 0 не ослабило интереса к гостям. Турки выиграли у второй сборной 3 : 1. А кроме того, разнесся слух, что гости срочно затребовали подкрепление из Стамбула.

С утра 16 ноября 1924 года в направлении Большой Калужской улицы было заметно усиленное движение. А к полудню все виды транспорта испытывали повышенную нагрузку. Трамваи, автомобили частного проката, извозчики, лихачи везли зрителей на стадион имени Воровского.

Дядя Митя доведен до высшей точки кипения. Его вывел из терпения без конца звонивший телефон и наша предматчевая суетня. Даже десятилетняя младшая сестра и та требует, чтобы ее взяли на футбол. Этого он уже вынести не мог; хлопнув дверью, ушел мести двор. В минуты раздражения он всегда брался за метлу и начинал нещадно пылить.

Я зажат в трамвае со всех сторон. Все едут бесплатно: невозможно высвободить руки, чтобы купить билеты. Старушку, ехавшую до Каменного моста, везут уже четвертую лишнюю остановку. Никто не может ей помочь, и она покорно едет до стадиона.

— Наказание божье, — крестится старушка, выйдя, наконец, из вагона, — эка сила народу привалила!

Действительно, вся Большая Калужская улица запужена народом.

На стадионе рекордное количество зрителей — пятнадцать тысяч человек. Небольшие деревянные трибуны, проходы, забор, балконы и крыши соседних домов — все усыпано зрителями. Один предприимчивый кинореporter даже взгромоздился на футбольные ворота и снимал оттуда аппаратом весь матч.

Поле заснежено. Температура ниже нуля. На Чистых прудах в это время проходит первая тренировка

по хоккею. Турецким футболистам непривычно холодно. Они выбегают на поле, укутав шеи шерстяными платками.

Команды вышли играть. За сборную Турции выступали Недин, Рефик, Нихат (капитан), Али, Кемаль, Хайри, Мамед, Сади, Метел, Миталь, Мустли. В составе команды СССР: Николай Соколов, Михаил Рушинский, Федор Селин, Петр Ежов, Петр Филиппов (капитан), Иван Привалов, Петр Григорьев, Михаил Бутусов, Петр Исаков, Александр Шпаковский, Алексей Шапошников.

Сборная дебютировала успешно. Первый гол влетел в ворота гостей после сильного удара Шапошникова. Мяч, отбитый вратарем, отскочил к Бутусову, и он направил его в ворота. Затем последовала комбинация, которую завершили Исаков и Бутусов. Счет стал 2 : 0. Наконец Шпаковский, до того несколько раз неточно бивший по воротам, хорошо использовал передачу Бутусова и довел счет до 3 : 0. Попытки турок отыграть хотя бы один гол результата не дали.

Сборная СССР одержала тогда свою первую победу.

Через год, в 1925 году, наша сборная едет с ответным визитом в Турцию.

С Сергеем Ламакиным и с братьями мы отправляемся на Киевский вокзал провожать команду.

Народу на перроне много.

Мы с завистью смотрим, как Павел Канунников поднимается в вагон. Вот в окне мягкого вагона видны жизнерадостные, молодые, веселые лица ленинградцев — Петр Филиппов, Павел Батырев, Михаил Бутусов, Николай Соколов!

Бутусов широко улыбается, обнажая белые зубы. Высовываясь в окно, он прощально машет рукой и кричит:

— Привет от братцев ленинградцев!

Поезд трогается. И мне представляется эта поездка как величайшее счастье.

Одесса. Черное море. Босфор. Стамбул. Тысячи зрителей. Упоение борьбы. Радость победы. Возвраще-

ние героями на Родину! Как романтично! Море страстей и переживаний. Вот это футбол! Спорт для сильных и смелых духом!

А дядя Митя говорит: торгуй патокой!

— Что бы ты дал за такую поездку? — спрашивает меня Сергей.

— Жизнь! — не задумываясь, отвечаю я.

Думал ли я тогда, что через семь лет с этого же вокзала, в таком же вагоне буду ехать в составе первой сборной в Турцию!

Реванш туркам у сборной СССР взять не удалось. Наши футболисты выиграли у национальной сборной команды Турции со счетом 2:1. Энтузиазм и высокие технические качества принесли закономерный успех нашему футболу.

Москва тепло встречала возвращающихся из Турции футболистов. Они заслужили это. Первое поколение мастеров кожаного мяча в упорных футбольных схватках на зарубежных стадионах прокладывало путь к международному признанию советского футбола.

IX. СУДЬЯ

Иван Иванович Савостьянов. — Инцидент на турецком стадионе. — Источник недоразумений. — Ослиное копыто. — Плевков на поле. — Хлопотин, Яшин и Сальников. — Тихое слово. — Судья и мыло. — Золотая истина.

В футбольных кругах добрую память о себе оставил спортивный судья Иван Иванович Савостьянов. Это был замечательный человек. Он прекрасно понимал игру. Его судейство никогда не вызывало недоразумений. Достиг он этого отнюдь не строгостью. Я не помню, чтоб Иван Иванович когда-нибудь удалил с поля игрока. Футболисты его очень уважали, считали непререкаемым авторитетом. Я на себе чувствовал его умелое обращение с игроками на поле. Простым взглядом он гасил реакцию раздражения, если она вызывалась мнимой несправедливостью. У Ивана Ивановича всегда хватало чувства меры в определении степени наказания. Он очень

тонко понимал ситуацию, вызвавшую нарушение правил.

Назначение его судьей для поездки в Турцию не вызывало никаких сомнений.

Однако даже Савостьянов, признанный всеми авторитет, не уберется от осложнений на поле.

В конце игры произошел инцидент между вратарем советской команды Романом Норовым и центральным нападающим турок Нихатом.

Нихат настойчиво мешал Норову выбивать мяч. Несмотря на то, что такое нападение разрешается правилами, вратари подобный способ атаки рассматривают как назойливость и часто зло на него реагируют.

Так было и здесь. Нихат атаковал по правилам, а Норов все больше и больше раздражался. Наконец он был вынужден выбросить мяч рукой, но при этом задел Нихата. Усмотрев в этом коварный умысел, Нихат принял активную боксерскую стойку, и между вратарем и форвардом завязалось фехтование без рапир.

Иван Иванович, хорошо владевший английским языком, объяснился с Нихатом, после чего противники дружески пожали друг другу руки, и казалось, что инцидент на поле был исчерпан. Матч продолжался. Но темпераментные турецкие зрители все еще возбужденно шумели на трибунах. Утратив объективность, они требовали строгого наказания лишь для одного Норова. После окончания игры футболисты, как обычно, собрались на центре для взаимных приветствий. Зрители с трибун кинулись на поле и окружили их тесной стеной.

Иван Иванович оказался один, отрезанный от игроков где-то в районе штрафной площадки. С трудом пробиваясь к входу в раздевалку, он вдруг был остановлен вопросом на русском языке. К нему обращался одетый в военную форму человек.

— Вы судили этот матч?

— Я, — коротко ответил Иван Иванович.

— Вы советский?

— Да, я советский гражданин.

Злобный белогвардеец плюнул, стараясь попасть судье в лицо.

В этот момент раздался резкий окрик. Пустившийся было наутек военный остановился. Его подзывал к себе офицер турецкой армии. Короткий вопрос. Ответ испуганного белогвардейца. И, как выстрел, прозвучала пощечина.

— Я приношу извинения! — козыряя, обратился турецкий офицер к Ивану Ивановичу.

Игроки, увидевшие только финал этого эпизода, посчитали, что это бушуют страсти не сошедшихся во мнениях болельщиков. Мало ли что бывает на трибунах! Но подавленное настроение Ивана Ивановича после матча привлекло внимание спортсменов.

— В чем дело, расскажите! — приставали они к Ивану Ивановичу.

И он рассказал.

Конечно, белогвардеец есть белогвардеец. Однако как важно помнить о спортивной выдержке на поле! Как необходимо владеть собою!

Иван Иванович впоследствии, неоднократно вспоминая этот случай, всегда говорил:

— Несдержанность игроков — источник всех недоразумений на поле!

С этим нельзя не согласиться. Спортивная дисциплина, выдержка футболиста — необходимые условия для нормального хода игры.

Взаимоотношения судьи с игроками — дело, требующее большой деликатности. Игрок на поле возбужден борьбой и в высшей степени чувствительно реагирует на действия судьи.

Футбол в таких разнообразных формах сталкивает интересы борющихся сторон, что даже опытный человек может впасть в ошибку, иногда не наказав виновного, а иногда наоборот, наказав правого.

А обиднее незаслуженного наказания ничего нет.

У нас в начальной городской школе был учитель пения Михаил Петрович. Роста он был исполинского. Тучный, с круглым мясистым лицом, в пенсне на толстом носу, он прямо-таки давил нас своей громадностью. На фотографии, где он сидит с учениками

старшего класса, он на голову выше даже тех, кто стоит в последнем ряду на стульях.

Михаил Петрович был крут на расправу. Любимым приемом у него было щелкнуть фальшивящего певца двумя пальцами по лбу и добавить:

— Ослиное копыто!

Эти два пальца, указательный и средний, сомкнутые и прямые, устрашающе действовали на нас. О них я слышал еще до поступления в школу от старших братьев, уже испытавших на себе «педагогические приемы» Михаила Петровича. С музыкальным слухом дело у нас у всех обстоит неблагоприятно.

Шел первый урок пения.

Михаил Петрович монументально восседал за инструментом. А мы старательно тянули известную тогда всем школьникам песенку «Пара лошадушек». Время от времени Михаил Петрович оборачивался в мою сторону и возмущенно вопрошал:

— Кто это там врет?!

Я предчувствовал беду. Пот градом катился. Я почесал за ухом место, куда капелька пота скатилась со стриженной головы. В этот момент на меня взглянул Михаил Петрович.

— Ты что балуешься, ослиное копыто? — загремел он.

— Я не балуюсь...

— А зачем же ты поднял свою лапу?

— Я... я... почесался.

— Иди за дверь и каждый урок пения будешь там чесаться, как свинья.

Я был совершенно уничтожен. Указательный палец Михаила Петровича неумолимо показывал на дверь. Под общий смех класса я поплелся из зала, чувствуя до слез нестерпимую обиду.

Я вспомнил про Михаила Петровича в 1930 году. В Ленинграде мы играли матч сборных команд Москвы и Ленинграда. Первый тайм для нас сложился успешно. Мы выигрывали. Во второй половине игры ленинградские форварды во главе с Михаилом Бутусовым резко активизировались. Последовал ответный гол от ноги Бориса Ивина.

— Понеслись! — раздался призывный клич Буту-сова к своим нападающим.

И они действительно неслись на нас в атаку и забили нам гол. Потом еще гол!

Положение становилось угрожающим. Но вот возник выгодный для нас момент. Однако кто-то из наших футболистов нарушил правила, и свисток судьи остановил игру. С досады я плюнул себе под ноги. Вдруг судья Георгий Ильич Фепонов приближается ко мне и говорит:

— Старостин, удалитесь с поля!

— За что?

— Удалитесь с поля!

— За что?

— За грубую демонстрацию в адрес судьи!

Я изумлен и растерян. У меня и в голове не было подвергать сомнению правильность решения судьи. Георгий Ильич неумолим. У него абсолютная уверенность в моей вине. Зная педантизм судьи и помня о безапелляционности его решений в ходе игры, я подчинился и ушел с поля.

«Михаил Петрович!» — вспомнил я учителя пения.

Когда раздался финальный свисток, я облегченно вздохнул. Матч кончился вничью. Но мне все равно здорово досталось от товарищей. Удаление с поля при любых обстоятельствах не прощается. Я не оправдывался. Только вздохнул.

А прав все-таки был Фепонов. И назвал я его Михаилом Петровичем напрасно. Моя недисциплинированность была налицо.

Об этом впоследствии я всегда помнил. Нельзя давать повод для свистка судьи. Будь то недисциплинированность или техническое нарушение правил — все равно: свисток судьи чреват для нарушителей любыми неприятностями...

Через много лет, в сезоне 1955 года в матче «Спартак» — «Динамо», произошел многим известный случай. Судья матча Николай Михайлович Хлопотин назначил одиннадцатиметровый удар в ворота динамовцев. Сергей Сальников перед ударом подбежал к судье и что-то ему доверительно сказал. Я, сидя на

трибунах, догадался, о чем предупредил Хлопотина Сальников. Дело в том, что, как игрок сборной СССР, Сальников на спартаковском стадионе в Тарасовке тренировался вместе с Яшиным как раз в отработке одиннадцатиметрового удара. Здесь Сергей и обратил внимание на то, что Яшин имеет привычку до удара смещаться вперед с линии ворот, что запрещено правилами. Раньше такого запрета не было. У нас в РГО был вратарь Никольский. Он сразу после свистка кидался что есть духу вперед и иногда подбегал вплотную к бьющему, по сути дела сводя на нет площадь обстрела ворот. Были и другие приемы. Вратарь вставал к штанге. Как только раздавался свисток, он бежал вдоль линии ворот, а нередко и по диагонали в поле, смущая и дезориентируя бьющего. Этот прием был менее эффективным, но все же давал шанс вратарю провинившейся команды.

Сейчас вратарь не имеет права до удара сдвигаться с места. На это и просил обратить внимание Сальников судью. Сальников ударил. Яшин до удара сделал движение вперед. Мяч попал в стойку. Хлопотин потребовал повторить удар. В публике шум и недоумение.

Судья был последователен и настоял на повторении удара. Сергей ударил вторично и забил. Судьба матча была решена в пользу «Спартака».

После было много споров по этому поводу. Этично ли поступил Сальников? Правильное ли решение принял Хлопотин? Виноват ли Яшин?

В данном случае, на мой взгляд, было бы правильнее Хлопотину сразу после обращения Сальникова напомнить Яшину об этом правиле.

Но самое главное и самое правильное для укрепления отношений между игроками и судьями — это не давать повода для свистка.

Соблюдай правила Яшин — не было бы повторного удара; не плюнь я на поле — не было бы повода для удаления.

В дальнейшем меня никогда не удаляли с поля, но долгое время я продолжал быть трудным игроком для судей. Спортивный азарт нередко лишал меня в мо-

лодости рассудительности во время игры, и мне часто приходилось краснеть за свое поведение на поле. Слишком много кричал на игроков, на судью, на помощников судей.

Однажды наша команда проигрывала. Судья Я. С. Медовар, судивший матч, едва удерживался от решения прогнать меня.

Я говорил ему дерзости по ходу матча, обвиняя его в недобросовестном судействе. Он не обращал на это внимания.

Старательно, в поте лица бегая по полю, несколько прихрамывая, он продолжал судить строго и требовательно, фиксируя все нарушения правил, как бы совершенно игнорируя мои реплики.

Выбрав момент, он тихо мне сказал:

— Я вас с поля не удалю. Но вам будет очень стыдно после матча!

Мы игру выиграли. А когда я, как капитан команды, подошел пожать его руку и поблагодарить за судейство, краска залила мне лицо.

— Извините меня. Мне действительно очень стыдно, — сказал я, протягивая руку.

Замечательный урок! Он помогал мне потом сдерживать на поле свои, мягко выражаясь, эмоции.

Это не редкий случай, когда тихо сказанное вовремя слово оказывается сильнее самого строгого наказания.

Много разных непредвиденных трудностей возникает перед судьей в каждом матче, какого бы значения этот матч ни был.

Трудная задача быть хорошим футболистом. Но не меньшая трудность быть судьей, педагогом-воспитателем. Мне это стало понятно еще до того, как я впервые взялся за судейский свисток.

«Судью с поля! Судью на мыло!» — Как часто и как давно несутся с трибун эти несправедливые крики. Конечно, здесь имеются в виду несправедливые зрители и справедливые судьи. Бывает и наоборот. Что ж, от несправедливых судей нужно освобождаться. Для этого и существует главная судейская коллегия.

В большинстве же случаев прав Иван Иванович Савостьянов, говорящий, что «несдержанность игроков — источник всех недоразумений на поле».

И мне много пришлось приложить усилий, чтобы не забывать об этой золотой истине.

Х. ДЕБЮТАНТ

Железная щетка и кожаный мяч. — Первая игра в первой команде. — «Мы пахали». — Анатолий Акимов. — Пенальти из-за меня. — «Моя нога — моя лира». — Дядя Митя «рухнул». Переход в «Пищевик». — «Товарищи» — хорошее слово.

Я работал на Верхней Масловке. Там размещался цех по сборке и комплектованию сельскохозяйственных машин. Восемь часов работал, железной щеткой с керосином очищая от ржавчины старые запасные части к косилкам, жаткам, сноповязалкам. Ежедневно прямо с работы через Петровский парк отправлялся на стадион и до темноты бил, бил и бил по мячу. В иные дни я жертвовал обеденным перерывом и, на ходу съедая бутерброд, бежал на стадион побить полчаса мяч. Там, как правило, я заставлял Сергея Егорова. Не было дня, чтобы он не пришел в обед «постучать» на стадион. Егоров работал электриком на фабрике «Большевик» — рядом. Махнул через деревянный забор — и сразу на поле. Выдающийся правый хавбек нашей команды, игрок сборной Москвы и СССР, Сергей выработал идеальный удар с обеих ног. Хорошо научился бить и я.

Да как не научиться! Мы били буквально ежедневно, по несколько часов в день. Вместе с ударом отрабатывались и другие технические навыки. Такая упорная каждодневная тренировка попеременно с двухсторонними играми, приучала к мячу, к ощущению партнера. Я заметно окреп.

В один прекрасный день после длительных дебатов на секции я был поставлен играть за первую команду на место центрального полузащитника.

Я оказался на поле в окружении такого созвездия, о котором четыре года назад и мечтать не мог.

Рядом со мной играют Исаков, Канунников, Артемьев и Николай. Все игроки сборной СССР.

Правда, в этом ансамбле я уже раз выступал, когда мне было всего шестнадцать лет. «Пресня» тогда была приглашена в Серпухов. На вокзал не явился Владимир Хайдин. Меня взяли одиннадцатым. Определился я на левом краю. Рядом левый инсайд Павел Канунников.

Это было тяжелое испытание. Публика, сидевшая близко к полю, прямо на траве, быстро оценила мой «класс». Я и так был смущен, а тут еще откровенные реплики болельщиков совершенно выбили меня из колеи. Павел отдал мне мяч. А я со всего размаха хватить по мячу метров на тринадцать вперед, в аут!

В публике хохот.

— Наворачивай, малец! — кричат.

Я до того растерялся, что готов был с поля убежать. Рядом с мастерами я выглядел беспомощным.

«Пресня» выиграла этот матч.

— Ну что, «мы пахали», парень? — кричит мне особенно допекавший меня болельщик, когда команда уходила с поля.

Очень важный момент в футболе — своевременный ввод молодого игрока в команду. Трудно сказать, какая ошибка хуже — когда рано вводят игрока или когда запаздывают. Но даже если вводят и своевременно, к новичку следует относиться очень бережно. Это можно подтвердить многими примерами. Вот один из них.

В Париже 1 января 1936 года в матче с Рэсинг-клубом взойшла звезда советского футбола совсем еще молодой Анатолий Акимов.

Накануне никому не известный игрок второй команды «Спартак» в новогодний день стал европейской знаменитостью.

Вся парижская пресса наперебой превозносила первое выступление Акимова в составе сборной Москвы.

Московские болельщики недоумевали.

— Что за Акимов? Откуда он? — засыпали они нас вопросами по нашем возвращении в Москву.

Любители футбола с нетерпением ждали весны, чтобы посмотреть нового Заморру и Планичку. Заморра и Планичка общепризнанные в то время мастера футбола, и зарубежная пресса ставила Акимова в один ряд с ними.

Весной, на открытии сезона, стадион «Сталинец» ломился от публики. Играли «Спартак» — «Динамо». В воротах «Спартака» — Анатолий Акимов, таинственная знаменитость. Лучший вратарь Москвы, еще незнакомый москвичам.

На разминке все взоры были обращены к воротам «Спартака». В них стоял длинный, худощавый, гибкий и подвижной футболист.

— Акимов, Акимов! — только и слышно на трибунах.

Тяжелая задача для Анатолия — впервые выступить перед московской публикой, отчитываться за обогнавшую первое знакомство славу.

Успех поначалу сопутствовал нам. Мы забили два гола. Но этого оказалось мало.

Динамовец Алексей Лапшин ударил по воротам метров с тридцати. Несильный мяч между ног Акимова прошел в ворота.

Вскоре последовал второй удар. Легкий мяч, коснувшись рук Акимова, опустился в сетке ворот.

На трибунах гул разочарования.

Мы крупно проиграли матч. В этом в значительной мере был повинен Акимов.

Но повинен ли? Не слишком ли велика нагрузка на психологию совсем еще юного игрока? Мы понимали, что именно так и было. Талант еще не окреп и не выдержал непосильного напряжения.

— Только не падай духом, Анатолий, — говорили ребята Акимову в раздевалке. А он сидел поникший, осунувшийся. Как говорят, краше в гроб кладут!

Бережно относясь к травме, которую нанес московский дебют Акимову, мы продолжали его ставить, и уже к середине сезона он восхищал болельщиков своей замечательной игрой.

Мой дебют был менее драматичен, чем у Анатолия. Перед матчем с Трехгоркой никакая европейская

пресса меня не превозносила. Более того, вопрос ставить меня или не ставить разбирался добрых два часа. В конце концов верх взяла моя кандидатура, особенно поддержанная Петром Исаковым.

Мнение Исакова в футбольных кругах расценивалось очень высоко. У него была кличка «Профессор». Так его звали все болельщики. Он действительно глубоко разбирался в футбольных тонкостях. Непревзойденный тактик футбола, Исаков доставлял своей игрой эстетическое удовольствие. Его пас был безошибочным и всегда был направлен в самое уязвимое место противника. Неожиданно длинный пас, переводящий игру на другой фланг, короткая передача соседу, средний пас в разрез, игра в одно касание — все это точно и в нужное время делал Исаков.

Он обладал четким, отшлифованным ударом и превосходно водил мяч, несмотря на то, что бегал не сильно. Невысокого роста, среднего телосложения, этот казавшийся миниатюрным футболист долгие годы был лучшим центрфорвардом советского футбола. Он был инициатором игры с оттянутым назад центром нападения.

Исаков много помогал мне, занимая позицию в глубине поля. А в день моего дебюта он особенно много работал в тылу.

Мне казалось, что я играл неплохо. Старался, во всяком случае, изо всех сил. Но неопытность и чрезмерное волнение не проходят даром. К концу игры произошел казус.

Левый край «Трехгорки» Александр Холин, уже много лет игравший за сборные команды, вдруг резко переместился в центр и вошел с мячом в нашу штрафную площадь.

«Забьет!» — мелькнула у меня мысль. Я кинулся к Холину и сзади опрометчиво напал на него. А он как раз в этот момент упустил мяч и воротам уже не грозил. Но я успел сшибить его с ног. Раздался неумолимый свисток. Он полоснул меня, как ножом по сердцу.

Пенальти! Из-за меня!

Отчаяние овладело мной. Я ужасно страдал. Ка-

залось, время остановилось — так долго устанавливали мяч, выходили за штрафную линию игроки.

Пенальти не был забит. Вратарь взял мяч. Я чувствовал себя самым счастливым человеком в мире.

После матча, когда мы пришли в раздевалку, вдруг обнаружилось, что произошла кража. У нас стащили костюмы и ботинки.

Домой на Пресненский вал мы возвращались в открытой машине частного проката. Пассажиры трамваев весело подмигивали, глядя на наш необычный наряд. Мы ехали в кепках, при галстуках, но без брюк, в одних трусах.

Огромную радость мы доставили дяде Мите.

— Доигрались, голоштанники! Без штанов домой приехали! А чего от футбола еще можно ждать? — резонерствовал он, когда мы трое — Николай, Александр и я — поднимались по ступенькам.

Но не кража волновала меня. Как я сыграл? Какое впечатление оставила моя игра?

Задать вопрос прямо в лоб было неделикатно. А сами ребята об этом разговора не заводили. Официальных разборов проведенного матча на секциях тогда еще не было. Оценку своей игры футболисты получали главным образом непосредственно от болельщиков.

По поводу одного и того же игрока иногда высказывались диаметрально противоположные мнения. Спорили до упаду, невзирая ни на какие родственные отношения.

Я находился в состоянии полной неопределенности. Как я играл?

«Ничего...» «Неплохо...» «Подходяще...»

Эти слова настораживали меня. За ними чувствовалась неискренность.

Ясность внес Генрих. Суетливый болельщик, сомнительный делец Генрих увивался возле нашей команды. Он знал все, что говорилось в кулуарах о том или ином игроке. Невысокий, плотный, с брюшком, розовощекий, с черными блестящими глазками, он с завидной энергией летал по Москве, рассказывая последние футбольные новости.

По чувству землячества он болел за приехавшего к нам из Одессы левого края Валентина Прокофьева.

Прокофьев был в то время самый быстрый футболист Советского Союза. Его бег с мячом — дриблинг, как говорят футболисты, — поражал быстротой. Болельщики восторженно реагировали на его стремительные прорывы по левому краю. У него был недостаток: правая нога «отставала» — он плохо бил.

Романтик по натуре, страстный почитатель Есенина, Валентин был очень неуравновешенной натурой. Он любил дешевые эффекты.

В Одессе на стадионе команда волнуется: Прокофьев опаздывает на ответственнойшую игру. Вдруг бегут два запыхавшихся подростка и, рыдая, вопят:

— Гóре! Прокофьев на Ланжероне утонул! Прокофьев утонул! Гóре!

— Когда? Где? Как? — На стадионе смятение.

И в это время, запрокинув назад голову, неторопливо шагая с чемоданом в руках, появляется улыбающийся Прокофьев.

Подростки честно заработали по трешнику.

Через два дня после первого матча я шел по Тверской улице.

— Куда ты скачешь, гордый конь, и где опустишь ты копыта?

Меня окликнул Генрих. С ним был Прокофьев. Мы остановились.

— Тебя скушают! — сразу заговорщицким тоном заявил мне Генрих.

— Как скушают?

— Очень просто. Как кушают бычки.

Прокофьев резко оборвал Генриха. Но тот в подтверждение своих слов стал рассказывать, что на мое место в команде уже обсуждается кандидатура Бориса Сигачева, игрока второй команды. Рост его — сто девяносто сантиметров.

У меня заныло сердце. Но виду я не показал. Наоборот, стараясь казаться равнодушным, сказал:

— Ну что же, пусть ставят Сигачева. Буду рад.

— Зайдем? По кружечке? — Предложил Генрих, показывая на пивную «Левенбрей».

Прокофьев сделал гримасу, означающую, что он не возражает. Я решительно поддержал:

— Пошли!

В пивной было душно и смрадно, как у меня на душе. Мы уселись за мраморным мокрым столиком. На эстраде певец под баян усердно голосил:

Бежал бродяга с Сахалина
Звериной узкою тропой...

Генрих быстро притащил бутылку водки. Мы пили «ерша», перемешав в кружке пиво с водкой.

В начальной стадии опьянения мы очень хвалили друг друга и кому-то собирались доказать, что значит играть в футбол.

— Футбол — моя стихия! Поэзия! Моя нога — моя лира! — кричал Прокофьев.

И тут же, ударяя кулаком по своей «лире», вызываясь добавлял в чей-то адрес:

— И только лиры милой не отдам!

В тот момент его также грызли сомнения: поставят или нет за сборную Москвы.

Потом мы ругались. Даже подрались.

Как я добрался домой — не помню.

Наутро я плохо себя чувствовал. Разламывалась от боли голова. Во рту пересохло. Было ужасно стыдно. В особенности после того, как мать напомнила о моем возвращении домой. Оказывается, я переругался со всеми. Требовал какой-то самостоятельности и даже грозил уехать из дому совсем.

— Ох, как Коля рассердился! — озабоченно вздыхала мать.

А вечером, перед заседанием секции, Генрих в кулуарах уже рассказывал, как вчера он, Прокофьев и я «били в жизнь без промаха».

Мне попало. Но меня не «скушали». За меня вступился Петр Артемьев, единственный тогда коммунист в команде. Его очень уважали игроки и болельщики Красной Пресни. Еще в начале двадцатых годов один из первых комсомольцев, он был организатором и вдохновителем наших субботников по строительству стадиона. Именно он осуществлял прочную, повседневно-

ную связь с райкомом комсомола, откуда мы получали постоянную помощь и поддержку. Петр по своей собственной инициативе был как бы политическим воспитателем в нашем коллективе. Многих из нас он зажигал своим комсомольским энтузиазмом.

Он здорово «проработал» нас на заседании секции, а потом сказал:

— Андрея надо оставить, но пусть он запомнит на всю жизнь, что такого мы ему больше не простим.

Я запомнил. Никогда в дальнейшем я не придавал значения нашептываниям болельщиков и не поддавался малодушным порывам. Вместе с тем понял, что значит чуткое отношение к молодому игроку. Как важно помнить, что футболист в восемнадцать лет, какими бы талантами он ни обладал, еще юноша с неустановившимся характером, требующим руководства, строгого, взыскательного, товарищеского...

Ко мне относились по-товарищески, и я в дальнейшем старался оправдать это отношение.

...К осени 1926 года все обитатели нашего дома побывали на стадионе. Молодежь — как участники. Старшее поколение — как зрители. Лишь один дядя Митя не сдавался. Он и слышать не хотел о футболе.

Наш дом был настолько проникнут спортивным духом, что во дворе на укороченной площадке мы организовали чемпионат по теннису. С увлечением, азартно, с обидами и неподдельными радостями разыгрывалось это диковинное для соседских глаз соревнование.

— Старостины-то, знать, совсем с ума посходили, — говорили на Требогановке и Золотовке (соседние с нашим дворы), — только и знай, что в мячики играют!

— Да что за окаянная сила вселилась в вас? Бабы и те как угорелые за мячом бегают.

Под «бабами» дядя Митя разумел все женское молодое поколение: Ольгу Васильевну — жену Вáнюшки, Антонину — жену Николая, Клавдию и даже нашу младшую сестренку Веру, ученицу четвертого класса.

— Лучше бы в церковь сходили лбы перекрестить, — говорил дядя Митя в воскресное утро, когда

мы, едва встав с постели, начинали чистить бутсы, чинить гетры и гладить майки и трусы.

По воскресеньям всей семьей шли на стадион. А дядя Митя, нафабрик усы, с палкой в руках, высоко закинув голову, отправлялся в церковь.

Однажды на Пресне был большой праздник в честь открытия нового стадиона. Нас, молодых членов клуба, мобилизовали раздавать зрителям программки праздника. Народу на трибунах полно.

— Верочка, как можно?! Вы же без юбки!!!

Смотрю, глазам не верю: дядя Митя! Торжественно, строго, с неизменной палкой в руках на трибуне восседает дядя Митя, а перед ним вконец смущенная, в спортивном костюме наша родственница Верочка. За ее братом, известным футболистом, мужем Клавдия. Верочка часто бывает у нас в доме. И дядя Митя всегда видел ее в школьном платье. Верочка с ранних лет любила спорт и одна из первых физкультурниц сменила спортивные шаровары на трусы, чем и возмутила нравственность новоявленного болельщика.

В дальнейшем Верочка добилась больших спортивных успехов. Вера Николаевна Прокофьева — заслуженный мастер спорта, долгие годы бессменный капитан знаменитой хоккейной команды «Буревестник».

После посещения стадиона дядя Митя несколько дней отмалчивался. Когда заходил разговор о футболе, он из комнаты не уходил, а только искусственно зевал, как бы подчеркивая свое безразличие к этой теме.

Через несколько дней я возвращался со стадиона. После работы и длительной тренировки я лениво тащился с чемоданом в руках. Издалека заметил дядю Митю. Он подметал тротуар. Против обыкновения не стал усиленно пылить при виде меня. Дядя Митя оперся на метлу и сочувственно спросил:

— Что, Грибов, с тренировки? Устал небось?

Я даже опешил от неожиданности.

— С тренировки, дядя Митя. Устал как собака.

— А когда у вас там следующая-то игра?

Вечером, сидя за ужином, мы поняли, что дядя

Митя «готов». Он вмешивался в наш разговор и спрашивал, в каком составе играем, кто судит, на чьем поле матч. А через год, уже будучи заправским болельщиком, не пропускающим ни одного матча, он безапелляционно высказывал критические замечания в адрес отдельных игроков и команды в целом.

Когда наша команда играла неудачно, дядя Митя, как каждый начинающий болельщик, корень зла усматривал в неправильном составе.

— Вот этого надо поставить сюда, а вот этого на его место. А этого надо совсем выгнать, потому что он только траву топчет, а играть не умеет, — рассуждал дядя Митя.

— Да ведь это басня Крылова, — говорили мы. — «Ты с басом, Мишенька, садись против альта, я, прима, сяду против вторых. Тогда пойдет уж музыка не та...»

Неудачи команды часто пытаются исправить перестановкой игроков с одного места на другое. Иногда это помогает. Но очень часто причины неудач заключаются в другом.

Наши неудачи проистекали, по-видимому, от угрозы предстоящей организационной ломки, вносившей некоторый разлад в ранее дружный, крепко спаянный коллектив.

Центральный Комитет профсоюза пищевиков решил строить новый стадион. Петр Артемьев был членом этого профсоюза и по производственному принципу тяготел к новой организации.

Еще на месте нового стадиона было трамвайное кладбище. От Ленинградского шоссе до Ваганьковского моста, там, где сейчас высокие розовые дома Беговой улицы и стадион Юных пионеров, стояли сотни неисправных, полуразрушенных трамвайных вагонов. Территория еще только начала очищаться от них, а в клубе уже шли ожесточенные споры, переходить в «Пищевик» или не переходить. Многие ребята нашего клуба работали в пищевой промышленности. Прекрасная база, твердое финансирование — все это взвесили «ютцы коллектива», и основное ядро футболистов перешло из «Пресни» в «Пищевик».

А напротив закладывались гигантские фундаменты стадиона «Динамо». Как не похоже было это место Петровского парка на его теперешний вид! По середине Ленинградского шоссе от Тверской улицы шел трамвай. К пешеходным аллеям примыкали дорожки для верховой и велосипедной езды. Там, где сейчас южная часть стадиона «Динамо», деревья Петровского парка подступали прямо к шоссе. В гуще этих деревьев, где сейчас расположено малое футбольное поле, был стадион общества «Санитас». Собственно, не стадион, а поле, два ряда лавочек, деревянный павильончик, чуть больше, чем на Горючке, да забор живого древесного массива Петровского парка.

Пока отстраивали новый стадион, сыгравший такую огромную роль в развитии советского спорта, «Динамо» ютилось на маленькой спортивной площадке в Орлово-Давыдовском переулке.

В это время уже подросло новое поколение футболистов. Ветераны футбола уступали место молодежи. Сергей Иванов, Владимир Блинков, Александр Старостин, Станислав Леута, Евгений Никишин, Сергей Егоров — всех и не перечислишь, сколько появилось кандидатов в сборную команду на места игроков старшего поколения.

О, нам, молодым дебютантам, было с кого брать пример!

Прошло немного времени, и десятки тысяч зрителей с трибун нового стадиона угадали и назвали новых кандидатов в сборные команды Советского Союза.

XI. ЛЮБИТЕЛИ

Начало года. — Профессионалы и любители. — Уругвай. — Миллион терзаний. — Годен в пехоту. — Я игрок первой сборной СССР. — Норвегия. — Пенальти. — Без языка. — Благородная страсть. — «Спорт и туризм». — Иммобили. — Футболу я верен.

Грустно начался для нашей семьи новый, 1928 год. Скоропостижно от болезни сердца умер дядя Митя. После похорон, как это было ни тяжело, Александру и Николаю в этот же день пришлось

*Заслуженный мастер спорта
СССР Ф. И. Селин (Москва).*

*Заслуженный мастер спорта
СССР М. П. Бутусов (Ленин-
град).*

Ленинградское шоссе в 1926 году. На футбол.

Перед матчем. У стадиона «Пищевик» (ныне стадион Юных пионеров), 1926 год.

уехать с первой сборной Москвы на состязание в Австрию. А я со второй сборной отправился на Украину.

Когда мы, трое братьев, вернулись домой, рассказ о зарубежном футболе не было конца. Николаю и Александру удалось посмотреть игру сборных команд Австрии и Венгрии.

Можем или не можем мы играть с европейскими профессиональными футболистами?

— Можем, — говорили одни.

— Едва ли выстоим, — сомневались другие.

А скептики безнадежно махали руками и прямо заявляли:

— Да куда там нашим! Обалуют, как детей.

Николай и Александр были в числе оптимистов. Они считали, что сборная команда Рабочего спортивного союза Австрии, у которой в эту поездку сборная Москвы выиграла со счетом 2:0, не уступала по классу национальной сборной Австрии.

Это действительно была очень сильная команда. В ее составе выступали игроки, недавно перешедшие из профессионального буржуазного футбола в рабочий союз.

Были к этому времени у советских футболистов и другие довольно значительные победы. Они уже побывали во Франции, Германии, Финляндии, Швеции и Норвегии и везде выступали успешно.

Многие зарубежные команды побывали и в Советском Союзе. Это были команды рабочих спортивных организаций. Среди них встречались серьезные противники. Подавляющее большинство матчей выигрывали советские футболисты и нередко с очень крупным счетом. Были и поражения. Гостившая в том же 1928 году в СССР рабочая команда Нижней Австрии нанесла поражение сборной РСФСР со счетом 1:3.

У советского футбола накопился опыт международных встреч, выросло новое поколение талантливой молодежи. Игра стала содержательнее, налаживались лучшие связи между линиями защиты, полузащиты и нападения.

Разговоров о невероятно высоком классе игры профессионалов было много и преувеличений в них тоже немало.

В то время в зените славы была национальная сборная команда Уругвая. Дотоле никому не известные уругвайские футболисты неожиданно выиграли подряд олимпийские турниры 1924 и 1928 годов. Кемаль-Рифат, правый хавбек национальной турецкой команды, а затем судья, видевший в Париже игру уругвайцев, восторгался:

— Почта! Хорошо организованная почта — игроки точно адресуют мяч друг другу. Правый хавбек Андрадэ привел в восторг парижскую публику: он пронес от центра поля до ворот противника мяч на голове! Удары уругвайских форвардов неожиданны и предельно точны.

Такие и подобные им рассказы доходили до ушей широкой футбольной публики и вызвали преувеличенное представление о зарубежном футболе.

Как раз в разгар славы южноамериканского футбола к нам на спартакиаду приехала рабочая команда Уругвая. Они проиграли нашим командам все матчи. Но суетливый Генрих уже носился по трибунам стадионов и рассказывал о своем разговоре с тренером уругвайцев.

— Я спросил его, — говорил Генрих, — «Как вы думаете, с каким счетом ваша команда сыграла бы с уругвайской национальной сборной?» Он ответил: «Счет был бы сколько угодно плюс бесконечность». — Тогда я спросил его: «А как уругвайская национальная команда сыграла бы с нашей советской командой?» Он ответил: «Здесь счет был бы двухзначный!» Честное слово, он так именно и ответил! — клялся Генрих.

Такие рассказы имели широкое хождение среди болельщиков.

Но мы, футболисты, уже знали им цену.

В футболе есть объективный критерий — это статистика. Но у нас не было еще такого статистического материала, по которому можно было бы сопоставлять наш класс с классом мирового футбола. Действитель-

но, уровень нашего футбола мне, как и многим другим, казался неясным.

Да и не только общий уровень футбола или хотя бы команды, свой собственный класс игры трудно поддавался анализу.

Возвращаясь домой с поля хмурый, недовольный. Думаешь: «Как же я плохо сегодня играл!» Навстречу болельщик. Он бросается тебе чуть ли не в объятия:

— Андрей, друг ты мой! Как же ты здорово играл сегодня!

И наоборот:

«Ох, и сыграл же я сегодня блестяще!» — радостно думаешь про себя. И вдруг ушат холодной воды:

— Что это с тобой сегодня? Ну и осрамился же ты! — укоризненно и вместе с тем соболезнующе говорит вчерашний твой почитатель.

Миллион терзаний!

Тогда постоянных тренеров при командах не было. Эпизодически к тренировке сборных команд привлекались в Москве Михаил Степанович Козлов да Михаил Давыдович Ромм. Школы тренеров еще не существовало.

Уровень теоретических знаний у самих игроков был, прямо скажу, невысок. Кто скажет всю правду, буду я игроком или нет? Вот что меня мучило в ту пору. Под игроком я подразумевал футболиста сборной команды.

Дерзкие мечты! Но когда же и мечтать, как не в двадцать лет.

Пока я мечтал, пока стучал кулаком по столу, доказывая в жарких спорах, что мы, любители, с успехом можем играть с профессиональными буржуазными командами, время шло. Наступила осень, и меня призвали в армию.

— Годен в пехоту, — сказали на призывном пункте.

С грустью уходил я из дому. Ребята собирались на тренировку... А мне надо на сборный пункт. На два года из дому!

Придется ли заниматься спортом в армии? Играть ли там в футбол? Неужели два года без игры?!

По дороге я зашел в парикмахерскую и остригся наголо, с великой скорбью расставшись с модным тогда «полубоксом».

Я стал курсантом полковой школы Московской пролетарской стрелковой дивизии.

Наша часть стояла недалеко от Сухаревой башни — в Спасских казармах.

Туговато мне пришлось первое время. Никак не мог привыкнуть к порядку дня, расписанного по минутам. Выросший в свободной домашней обстановке, я был просто подавлен организованностью и дисциплиной армейской жизни. А тут еще карантин, и никаких, значит, шансов на увольнительную записку в город. Прощай, футбол! И какой футбол — осенний! Самый лучший из всех футболов.

Поначалу я загрустил. Однако долго грустить не пришлось. Кончился карантин, и нас повели на первое соревнование.

Надо было сдать норму ГТО в беге на тысячу метров. В школе курсанты уже знали, что я футболист.

Дистанция была размечена по Цветному бульвару. Бежали в гимнастерках с ремнем через плечо и в армейских сапогах.

Никто не сомневался в моей победе. Да и сам я, по правде сказать, считал, что сумею защитить авторитет спортсмена.

Но не тут-то было!

Какой-то паренек как повел бег, так и довел его до конца.

— Спортсмен-то подкачал! — переговаривались между собой курсанты. А я чувствовал себя очень смущенно.

Горечь поражения мне не раз пришлось испытать в армии и по футболу и по хоккею. Оказалось, что спортом в армии занимаются много.

Меня привлекли к работе в гарнизонном спортивном комитете, и я получил полную возможность совмещать военную службу с футболом.

Два года пролетели быстро. Срок моей действительной службы в армии подходил к концу. Из лаге-

рей, где стояла наша дивизия, я получил увольнительную записку и уехал в Москву играть в футбол.

На стадионе после игры меня подозвал один из руководителей Комитета физкультуры и спорта и сказал:

— Сборная СССР едет в Скандинавию. Комитет выдвигает твою кандидатуру на место центрального полузащитника. Так что готовься.

Не чуя под собой ног, я летел обратно в лагерь.

— За сборную СССР! За сборную СССР! — ликова-
вал я.

Срок увольнительной еще не кончился, когда я вернулся в лагерь. Дневальный удивился.

— Старостин, почему так рано? Что случилось?

— Случилось! Меня хотят послать с первой сборной Советского Союза за границу. Да вот пустят ли? Как думаешь, отпустят меня из дивизии? Если бы отпустили!..

Меня, конечно, отпустили.

Ленинград... Мы стоим у окна в номере Знаменской гостиницы — я и Василий Павлов. Окна выходят на Московский вокзал. Уже не одну сотню пассажиров выбросили широкие двери вокзала. А наших представителей, которые должны привезти заграничные паспорта, все нет и нет. Сегодня последний день выезда. Иначе опоздаем на матч в Норвегии, и поездка не состоится. Из Москвы будет еще один утренний поезд.

Последний московский поезд приходит. Плотная толпа пассажиров редет, а затем и совсем иссякает, а наших нет — надежды на поездку рушатся.

Унылые и притихшие, совсем потерявшие надежду, продолжая все же смотреть в окно, мы вдруг в один голос крикнули:

— Они!!!

Из вокзала вышли знакомые фигуры наших представителей с туго набитыми портфелями.

Едем!

И мы сломя голову, перепрыгивая через пять ступенек, несемся по лестницам Знаменской гостиницы.

Вечером мы уже в поезде. У каждого в кармане

красная книжка в картонном переплете — заграничный паспорт.

Позади поразительная по чистоте и аккуратности Финляндия. Пароход линии Або — Стокгольм доставляет нас в столицу Швеции.

С виртуозной ловкостью рассыльные, продавцы, школьники катят на велосипедах в разных направлениях, шныряя между быстро движущимися авто. Помидоры, яйца, молоко, книги — все развозится на велосипедах в пристроенных спереди и сзади багажниках...

Шведский экспресс со скоростью, превышающей сто километров в час, мчит нас в Норвегию. Утомительная езда. Лязг и грохот. Лечь негде. Места только для сидения. Усталые прибыли в Осло.

Вот он, этот город, знакомый нам по книгам Кнута Гамсуна, пьесам Ибсена... Здесь знаменитый русский конькобежец Николай Васильевич Струнников в 1910 и 1911 годах дважды выиграл звание чемпиона мира. Его называли «славянское чудо». Здесь приумножили славу русского спорта братья Ипполитовы, Яков Мельников, Григорий Кушин.

— Как чувствует себя Василий? — обращается к нам норвежский спортсмен на вокзале, и мы знаем, что Василием здесь зовут любимца Скандинавии, чемпиона Европы 1913 года по конькам Василия Афанасьевича Ипполитова.

Как эстафета, передается успех от конькобежцев боксерам, бегунам, футболистам... Так мы думали по дороге с вокзала в отель, и все же волновались за исход предстоящих игр.

Но игры прошли удачно, мы не бросили тени на репутацию советского спорта в Норвегии. Все матчи мы выиграли. Молодые игроки, впервые включенные в состав сборной СССР, получили высокую оценку.

В особенности хорошо себя показало наше левое крыло — Сергей Ильин и Василий Павлов.

Сергей еще три года назад обратил на себя внимание московских футболистов. Он играл в Коломне на месте левого края. Маленького роста, с энергичным

лицом, он удивлял своей реакцией, верткостью и быстротой.

Пока знатоки футбола спорили, «есть в нем класс» или «нет в нем класса», Ильин, не дожидаясь приглашений, переехал в Москву. Стал играть сначала в армейской команде, а затем в «Динамо». К моменту поездки в Норвегию он выработал замечательный удар с обеих ног, умел в совершенстве пользоваться обманными движениями на быстром ходу и был опаснейшим нападающим. Ценное качество его — умение выбирать наиболее острые решения: отдать ли мяч коротким пасом соседу, перевести ли длинным пасом игру на другой фланг, или предпринять индивидуальный прорыв — все это решалось быстро и по сложившейся обстановке почти всегда правильно.

Василий Павлов отличался стремительным рывком с места и редким по силе и точности ударом. Он очень мало времени тратил на подготовку — бил с ходу. Это был один из самых результативных игроков советского футбола. В Турции он получил звонкое прозвище «король голов». Заграничная пресса любит давать броские клички.

Мы праздновали свои успехи в советском полпредстве. Тогда еще послы назывались полпредами, а посольства — полпредствами.

Нас принимала Александра Михайловна Коллонтай, полпред Советского Союза в Норвегии. Как приятно вдали от родного дома, на чужой стороне вдруг попасть в теплую дружескую обстановку, провести вечер среди близких, родных людей!

Все было торжественно и празднично. Александра Михайловна встречала нас, как хозяйка дома, у дверей в большой нарядный зал с красиво сервированным для банкета столом. Мы щелкали каблуками, старались вести себя на «дипломатическом» уровне, представляясь и пожимая руку Александре Михайловне. Парадность приема поначалу смутила впервые бывших за границей. Но Александра Михайловна, очаровательно непринужденная, простая, веселая, быстро растормошила нас.

Сподвижница Владимира Ильича Ленина, участни-

ца революционного движения с девяностых годов, популярная писательница и крупный дипломатический работник, она запросто беседовала с нами о футбольных делах. Расспрашивала о Москве, интересовалась спортивными новостями. В ней сочетались светскость, простота, умение слушать и направлять беседу. Мы просто были все влюблены в нее и постепенно «оттаяли», много шутили, смеялись.

Но досадный казус испортил мне настроение. Когда кончился ужин, я, сидевший слева от Александры Михайловны, обратился в самой изысканной форме к Васе Павлову, сидевшему справа:

— Василий Сергеевич, не откажите в услуге, если вам не трудно, будьте любезны, подайте, пожалуйста, сахар.

— Нисколько не трудно, Андрей Петрович, — столь же изысканно отвечал Павлов и протянул мне сахарницу. Наши руки встретились, что-то загремело, сахарница упала на чашку горячего шоколада и опрокинулась прямо на вечерний туалет Александры Михайловны. Коричневая жижа потекла по светлому тафтовому платью... Мы оба замерли. Что же будет?

Тут раздался веселый голос Коллонтай:

— На дипломатическом языке это называется «нонсенс», на музыкальном «диссонанс». А на спортивном?

— Пе... Пе... пенальти... — красный как рак, отвечаю я.

— А, понимаю, пенальти-кик — штрафной удар, — смеется хозяйка, прекрасно владевшая английским языком.

— Ну ничего, пусть пенальти будет лучше за столом, чем на поле. Там он может испортить победу, а здесь только платье! А это легко поправимо, — улыбаясь, сказала Александра Михайловна, уходя из-за стола, чтобы переменить туалет.

Конец вечера мы с Павловым простояли, заложив руки за спину, у стены, без конца обвиняя друг друга.

— А ты тоже! Без сахара не мог шоколад выпить. Он же и так сладкий. Са-ахар ему подавай! — корил меня Василий.

Перед отъездом мы зашли с Василием Павловым в магазин головных уборов. Нужно было купить кепки. Хозяйка магазина и две молоденькие продавщицы очень приветливо встретили нас.

— Нам нужны кепки, — говорю я, обращаясь к главной даме за прилавком.

Она смотрит улыбаясь.

Я перехожу на международный язык жестов и, показывая на свою кепку, вдруг вспоминаю:

— Каскет. Нам нужен каскет!

Нам любезнейшим образом выставляют десятки круглых картонных коробок. Кепи самых разнообразных фасонов. Но это не то, что нам нужно. Нам неловко уходить, ничего не купив. Они столько затратили труда, доставая эти бесчисленные кепи! Коробки снимаются уже с самой верхней полки. Но все не то. Летние, маленькие, цветастые, с пуговками, без пуговиц, какие хотите... А спортивной добротной зимней кепки из драпа нет.

Усталые и разочарованные, они убирают кепи в коробки, коробки ставят на полки. Надо уходить. Да, но где кепка, в которой я пришел? Новая прекрасная кепка, купленная недавно в Москве.

— Прошу мой каскет, — вежливо улыбаясь, говорю я, показывая на голову.

О, как они все трое обрадовались! Решили, что мы все-таки хогим что-то купить.

На прилавок летят цилиндры, котелки, шляпы, канотье.

— Нет, нет, вы меня не поняли, — говорю я. — Мне нужна моя кепка! Моя! — И тыкаю себя пальцем в голову.

А они в ответ подают все новые и новые коробки.

Я чувствую глупость своего положения, но уходить нельзя. Надо же доказать, что мы не мистификаторы. Да и кепку жалко. И когда в голосе раздраженной хозяйки я слышу нотки гнева и на растерянных лицах девушек недоумение и испуг, я вспоминаю еще одно французское слово.

— Пардон, — говорю я решительно и, приподняв доску, захожу за прилавок. Василий потом говорил

мне, что в этот момент на лицах девушек был написан ужас.

В двадцатой коробке, выкинув на прилавок гору всевозможных головных уборов, я, наконец, нахожу свою кепку. Подняв ее вверх, как флаг, я разъясняю: — Вот что я искал! Моя!

А они все три как стояли, так и опустились на стулья. Закрыв лицо руками, до слез смеется хозяйка. Заразительно смеются, всплескивая руками, продавщицы. Хохочем мы с Василием...

Мы уже далеко от магазина, а они все еще дружески машут нам вслед. И хохочут, хохочут...

— Да, Василий Сергеевич, друг мой сердечный, — говорю я Павлову, — за границу хочешь ездить — учи языки.

Мы твердо решили заняться изучением языков.

Когда мы приехали домой, то на вопрос об успехах в поездке уклончиво отвечали: спортивные успехи хорошие!

Скептики кисло улыбались.

— Подумаешь, обыграли рабочую команду Норвегии, — говорили они. — Вот вы с профессионалами сыграйте.

Да мы и сами были рабочая команда. Все игроки того времени совмещали работу или учебу с футболом.

Среди футболистов сборных команд можно было встретить людей самых различных специальностей.

Вот Казимир Малахов, правый хавбек сборной команды Москвы, сегодня начал тренироваться пораньше. Он с увлечением бьет мяч и беспокойно поглядывает на часы.

— Ну еще пять минут... Ну еще две минутки...

Наконец Казимир бегом кидается со стадиона. Он уже одет в костюм со сверхмощными плечами. Значит, через полчаса где-то с эстрады раздастся его голос, исполняющий популярную песенку.

Малахов эстрадный певец. Беспокойная страсть к футболу частенько заставляет его даже отказываться от концертов.

Петр Григорьев, прославленный правый край сбор-

ной СССР, которого прозвали «Капуль» за прическу — старательно зализанную из волос бабочку на лбу, — чуть не опоздал на отборочный матч накануне отъезда за границу.

— Не мог, не мог раньше, — оправдывается он, еще не успев отдышаться, — запорол деталь, пришлось перетачивать.

Григорьев — токарь высшей квалификации на ленинградском заводе. Прямо с завода прибегает на матч в комбинезоне. А через десять минут только пятки сверкают, так носится быстроногий Капуль по футбольному полю.

Федор Селин, инженер завода «Серп и молот», прямо из цеха является на тренировку.

— Жена бранится: домой обедать не заезжаю, — говорит он, надевая бутсы.

Сергей Иванов, нападающий, и Станислав Леута, полузащитник, оба игроки сборной команды СССР, на машинах подкатывают к стадиону — они шоферы.

Любитель — какое это красивое слово! С ним всегда связывается представление о благородной страсти, бескорыстно владеющей всеми помыслами. Ради этой страсти можно и не поесть вовремя, и не отдохнуть, отказать себе в красивой одежде, в других удовольствиях. Чувство глубокого удовлетворения, я бы сказал, счастья, приносит такая страсть.

Гора с плеч, когда увольнительная в кармане. Чуть не вприпрыжку на стадион. Но как здесь быстро время летит! Кажется, не успел прийти, а уже надо обратно в лагерь.

«Ну, еще пять ударов, — уговариваешь себя. — Ну, до гола вот как забью, так и кончу тренировку».

«А пенальти?! Как же уйти, не пробив пенальти!»

Ну и, конечно, на вечернюю поверку опоздал.

Нечего греха таить, частенько так бывало.

О нарушениях дисциплины узнал комдив. После отбоя он нагрянул в нашу писарскую палатку. А в палатке я один. Писаря разбрелись кто куда.

— Старостин? — узнав меня, удивляется комдив. — Вот тебе на! Один на месте! А говорили, не дисциплинирован!

«Вот, — думаю про себя, — пять — ноль в мою пользу!»

Но, как говорится, «недолго музыка играла». Случай меня подвел.

Задержался я на стадионе. Двухсторонняя тренировка была.

А меня уже, оказывается, разыскивают.

Пока я тренировался, вышла «Вечерняя Москва». Там помещена заметка, где написано, что красноармеец Старостин, придя по увольнительной записке домой, из ревности убил свою жену утюгом.

Комдив прочел — всполошился.

— Какой это Старостин? Наш? Где он?

Пока меня со стадиона под конвоем вели в лагерь, недоразумение разъяснилось. Это другой Старостин жену убил, однофамилец мой, а не я. Но попутно выяснилось, что я числюсь в самовольной отлучке, так как просрочил увольнительную.

Три наряда вне очереди! Удружила «Вечерка».

— Легко отделались, Старостин. Без дисциплины нет армии, — сказал мне комроты, начальник физподготовки дивизии Георгий Антонович Малаховский.

После демобилизации из армии Краснопресненский райком партии направил меня в кооперацию. Никакого опыта руководителя я еще не имел. Но пришлось сразу начать работать председателем правления кооперативной фабрики «Спорт и туризм».

У меня, как у директора предприятия, отдельный кабинет. Но это только одно название. Отгороженный застекленной перегородкой закуток метров в пять прямо в шорном цехе. Из цеха слышно каждое слово.

— Кто у вас новый начальник? — спрашивает кто-то из посетителей.

Я прислушиваюсь.

— Физкультурник какой-то, — отвечает Михаил Михайлович Намсон, старый мастер по скаковым седлам.

— Ну что, деловой человек?

— Одно слово — физкультурник. А там уж сам решай, деловой или нет!

Да-а. Трудновато мне будет...

Звонит телефон. Вызывают из главка.

— Что, что растет в балансе? — переспрашиваю я.

Начальник финансового отдела кричит мне в трубку, что у нас в балансе фабрики растут «иммобили». А я не знаю этого бухгалтерского термина и не могу дать вразумительного ответа, почему эти «иммобили» растут в нашем балансе. Черт их знает, почему они растут и кто они такие! За стеклом я вижу Намсона. Он делает вид, что рассматривает английское седло, а на самом деле слушает мой разговор. На лице его нескрываемая ирония. Что, мол, попал в переплет, физкультурник? Одутловатое лицо Намсона с седыми отвисшими усами вызывает во мне злобу. Мне хочется ему крикнуть: «Да, да, я не знаю, что такое «иммобили»! Но ведь и ты не сразу стал мастером».

Вечером я едва дождался прихода Александра. Он в это время работал главным бухгалтером на такой же фабрике по производству спортивного инвентаря.

— Что такое «иммобили»? — спросил я у него.

— А-а, — смеется он, — это, брат, тебе не аут выбросить.

«Не боги горшки обжигают», — подбадривал я себя, отправляясь утром на работу.

Действительно, горшки обжигают не боги. Довольно быстро я вошел в курс дела.

Правда, мне повезло. Моим заместителем был Роман Робертович Граслов. Замечательный организатор, он имел высшее экономическое образование и, бесспорно, был хозяйственником крупного масштаба. Он и научил меня. Кроме того, он лучше других понимал мою страсть. Он тоже был любитель и тоже был подвержен страсти. Но не футболу были посвящены его помыслы. Слава Карузо, Собинова и Козловского не давала ему покоя. Он хотел стать знаменитым тенором... Все свободное время он отдавал пению, веря в себя неизмеримо больше, чем окружающие.

Роман Робертович хорошо помог мне на первых порах моей хозяйственной деятельности.

Фабрика наша разрасталась. Объем работы увеличивался. Ответственность повышалась. Но, стран-

ная вещь, увеличение забот моему спортивному росту не мешало. Я по-прежнему каждую свободную минуту отдавал футболу. Футболу я был верен.

ХИ. ОПЯТЬ ТУРКИ

Проводы. — Чувство меры. — Вагон с орлами. — Босфор, Стамбул. — Преодоление трусости. — Самый грубый международный матч. — Анкара. — Триумф Бабкина. — Встреча. — Впереди Европа.

Платформа Киевского вокзала заполнена футболистами, их родственниками, друзьями, болельщиками. Снова через семь лет первая сборная СССР отправляется в Турцию. Это будет четвертая по счету встреча советских футболистов с турецкими. Дважды они приезжали в нашу страну, вторично наша сборная отправляется на Восток. На этот раз и я еду в составе первой сборной. Предстоит сыграть с черноморскими соседями четыре матча.

— Не посрами нашу фабрику! — напутствует Роман Робертович Граслов.

— Не посрами Пролетарскую дивизию! — кричит мне комроты Георгий Антонович Малаховский.

— Не посрамите ваших болельщиков, — шепчет мне мой друг артист Художественного театра Михаил Михайлович Яншин.

— Не посрами своих учителей, — наставительно говорит старый спортсмен Николай Александрович Гюбиев, один из руководителей и организаторов Замоскворецкого клуба спорта.

Гюбиев отводит меня в сторону:

— Помни! Против тебя будет играть левый край турок Ребия. Ты видел, какой он в прошлом году произвел фурор среди московских зрителей, какие он показывает финты и корпусом и ногами! Просто налим какой-то, не ухватишь его: мяч в полуметре от боковой линии, сзади хавбек, ничего тут не придумашь — мышеловка, вдруг раз, два, три, качнулся корпусом, сделал ложные замахи ногой, неожиданный рывок влево, вправо, выскочил, забил ведь! Под самую

планку! Трудный будет у тебя противник. Не увлекайся нападением, но и не торчи только в защите. Помни о чувстве меры в игре.

— Закреть надо его наглухо: вот тебе и вся мера, Николай Александрович, — отвечаю я, а сам думаю: «Где оно, это чувство меры? В чем оно?»

Чувство меры у полузащитника — это чувство его ответственности за «подопечного» форварда противника. Лучше десять раз опоздать в нападении, чем один раз в защите, — вот первая заповедь хавбека в игре против такого грозного левого края, как Ребия.

— По вагонам!

Я прощаюсь с провожающими, захожу в вагон, открываю окно...

На этом же перроне семь лет назад стоял и я в толпе провожающих, мечтал о героических победах, о Босфоре, о Стамбуле... Вот она, мечта, ставшая действительностью. Но я почему-то не ощущаю прилива счастья. Нет, совсем не о славе думаю я сейчас. Предстоит трудная, очень трудная борьба, ответственная, серьезная... Не осрамлюсь ли я, буду ли достоин надежд, которые возлагают на меня эти люди, машущие сейчас шляпами и кепками с перрона?

Перрон московского вокзала трогается и уплывает от нас все быстрее и быстрее...

В вагоне весело. Молодые здоровые жизнерадостные парни привлекают внимание пассажиров. Проводница с нескрываемым восхищением смотрит на подтянутых рослых спортсменов.

— Да куда им против таких орлов! — говорит она про наших противников, узнав, кто мы такие, куда и зачем едем.

Ребята действительно орлы: Федор Селин, Евгений Елисеев, Михаил Бутусов, Николай и Александр Старостины, Евгений Никишин, Валентин Проксфьев — что ни парень, то атлет.

Зная атлетическую мощь турецкой команды, сборную СССР подобрали из игроков крупного физического сложения.

Я со своим ростом в сто восемьдесят сантиметров был средним в команде. Выше меня Селин, Бутусов,

Елисеев. Средний вес игрока — около восьмидесяти килограммов.

— Нет, не проиграем туркам, — соглашаюсь я с проводницей, глядя на нашу группу.

Но червь сомнений все равно гложет меня до самого начала игр.

В Одесском порту нас ожидает небольшой пароход «Чичерин», курсирующий по линии Одесса — Стамбул. На нем ярким, солнечным днем мы входим в живописный Босфор.

От самого входа в пролив и до пристани Стамбула нас эскортируют сотни декорированных катеров и спортивных лодок.

На воде пестро, празднично. На пристани многолюдно. Представители спортивных обществ, скауты, городской муниципалитет тепло приветствуют нашу делегацию. Стоит почетный караул. Играют духовые оркестры. Усердствуют кинооператоры. Летят цветы. За всей этой шумной встречей чувствуется дружеское внимание, большой спортивный интерес к предстоящим играм.

Из игроков, бывших в Турции в 1925 году, в составе нашей команды осталось лишь трое: Селин, Бутусов, Привалов.

Их сразу узнают.

— О, турецкие футболисты хорошо помнят эти имена! Экстра-класс! — говорит судья Кемаль-Рифат. — Но у нас тоже сейчас кое-кто есть, — улыбаясь, добавляет он.

Здесь мы впервые услышали о Вахабе.

В скором времени мы познакомились с ним лично. К нам в гостиницу легкой спортивной походкой вошел плотно сбитый, смуглый, очень смуглый юноша.

Он производил впечатление жизнерадостного, общительного и сильного человека.

— Вахаб! — представился он и захохотал, обнажив сахарно-белые зубы.

Вот он какой, этот Вахаб! Мы уже знали, что он негр, играл в лучших английских и французских про-

фессиональных командах и сейчас является фаворитом турецкого футбола.

Мы — Вахаб, Николай, Федор и я — сидим в холле гостиницы. На улице жара. У нас прохлада, мягкие кресла, ледяная вода в запотевших фужерах... Это располагает к неторопливой приятной беседе.

— Вы слышали, как сейчас играют англичане? — спрашивает Вахаб.

— Слышали, неплохо играют, — дружно отвечаем мы.

— Нет! Нет! Я говорю не о качестве, а об их новой тактике, — уточняет он. — Да, да, именно о новой тактике! — И опять хохочет, показывая ослепительные зубы.

Мы не очень хорошо понимаем, что он говорит.

Вахаб начинает манипулировать пальцами. Пять пальцев руки — распространенная форма обозначения игроков нападения. Средний палец — центр нападения; указательный и безымянный — инсайды; большой и мизинец — края.

Инсайдэв Вахаб укорачивает на две фаланги. И, показывая нам кисть с тремя как бы выдвинутыми вперед пальцами, говорит:

— Дубль-вэ.

Мы впервые слышим знакомую букву латинского алфавита в применении к футболу.

Вахаб начинает переставлять стоящие на столике фужеры. Но фужеров не хватает.

Тогда он берет у меня коробку папирос и на крышке карандашом обозначает схему расстановки игроков по принципу новой английской системы.

— Вы, турки, тоже так играете?

— Нет, нет! Еще нет!

Тогда мы теряем всякий интерес к этой новой системе.

— Чего тут турусы на колесах разводить: играть надо! — переговариваемся мы между собой, оставляя беседовать с Вахабом более пытливого Николая.

— Ты капитан команды, — говорим мы Николаю, — ты и изучай эту «дубль-вэ».

Как мы недооценивали тогда тактику футбола!

Лишь в 1936 году, когда на практике мы больно обожглись, только тогда мы задумались серьезно над новой системой, с тем чтобы через год, после еще более обидных поражений, взять ее на вооружение.

Матчей было четыре.

Первый чуть не кончился для нас печально. Положение спас Сергей Ильин. Он вошел в игру за несколько минут до конца вместо Валентина Прокофьева, забил спасительный гол, и матч закончился вничью. Это заставило нас призадуматься. Турецкая пресса уже писала о предстоящем генеральном матче на стадионе «Таксим».

Нужно было выиграть во что бы то ни стало. И выиграть с крупным счетом. Победа должна быть убедительной.

Нас пригласили на вечер в советское полпредство. Полномочный представитель СССР в Турции Яков Захарович Суриц беседовал с нами. Нет, не счет будущего матча его интересовал. Важен был сам факт расширения спортивных связей между дружественными народами.

Зато военный атташе, старый болельщик, счет в футболе ставил превыше всего.

— Факт — это голы, — говорит он нам, — а все остальное в футболе — разговоры. Так что побольше фактов, ребята!

После матча стамбульские власти предполагали нам дать банкет.

Ажиотаж вокруг игры небывалый.

У меня свои думы. Против меня играет Ребия, и это не дает мне покоя.

«Неужели я трушу? — вдруг подумалось мне. — Тогда плохо. Разве может трус быть спортсменом?»

С детства мы старались преодолевать это чувство. Не всегда удавалось не быть трусом, но старались всегда.

Однажды был такой случай.

Мы, десятилетние мальчишки, шли в школу через Тишинскую площадь. Было нас человек восемь. Вдруг из-за возов с сеном — двое гимназистиков. А ребята городских школ, как известно, не ладили

с гимназистами, те боялись нас. Один гимназистик — повыше и постарше, увидев нас, подтянул ранец, бросился бежать и скрылся за возами.

А другой, маленький, с серыми упрямыми глазами, крутолобый, фуражка на затылке, встал перед нами и хрипло сквозь зубы крикнул:

— Я вас не боюсь!

Началась драка. Гимназистик один вел бой против целой ватаги. Его били, а он все громче и громче кричал:

— Я вас не боюсь!

И сам нападал. Разумеется, ему попало больше, чем каждому из нас, но он не отступал.

Мне вдруг стало стыдно, и я скомандовал прекратить драку.

Ребята остановились. А он и не думал сдаваться. Раскрасневшись, без фуражки, с упрямо торчащим белокурым хохолком на затылке, он вызывающе смотрел на нас и кричал:

— Нет, я вас не боюсь!

Его новенькая фуражка упала в лужу. Гимназистик не поднимал ее. Мы чувствовали себя прескверно и молча побрели своей дорогой в школу. А он, чертенок, стоял, не поднимая фуражки, и гордо смотрел нам вслед, пока мы не скрылись за возами сена.

«Вот смелость! Всегда так надо действовать!» — решил я.

Гораздо позднее мне вдруг совершенно неожиданно пришлось очутиться в такой же роли.

Я шел по Петровке на тренировку по хоккею. На углу Петровских линий группа хулиганов заполнила весь тротуар. Один из них грубо толкнул меня в плечо. Может быть, благоразумнее было промолчать, но я вспомнил белокурого гимназистика.

Драка была жестокая и сильно напугала прохожих. Хулиганов было не менее десяти человек. Я успел сделать тактический ход: прижался спиной к стене, чтобы обеспечить тыл. Но это не спасло меня от ударов с фронтов и с боков.

Я отбивался, как волк от своры гончих, и словно молитву, шептал сквозь зубы:

— Нет, я вас не боюсь!

Прохожие возмущались, однако никто из них не пришел мне на помощь. Когда я совсем уже ослабел от нанесенных и полученных ударов, раздался спасительный свисток милиционера. Он, не торопясь, шел с Неглинной от Госбанка. Хулиганов как ветром сдуло. Они разбежались, захватив с собой сбитую с моей головы шапку. А я, вытирая капаящую из носа кровь и не отвечая на вопросы милиционера, возбужденно шептал про себя:

— Я вас не боюсь! Я вас не боюсь!..

...«Нет, я не трус», — успокаивал я себя, думая о предстоящем матче. Да и не на физическое же единоборство выходил я с Ребией. Как только прозвучал свисток судьи, я почувствовал себя сразу уверенно и бодро.

Владимир Лукьянович Васильев, судья матча, сразу попал в трудную ситуацию.

Поле в Стамбуле было плохое. Казарменный плац, обнесенный небольшими трибунами. Жесткий, без травяного покрова, песчаный грунт. Публика сидит от поля очень близко. Многие вооружены трещотками, погремушками, на стадионе какофония звуков. Первая игра — ничья — подогрела интерес.

Одним словом, обстановка напряженнейшая и на трибунах и на поле. Сразу после начального свистка мы атакуем. Николай Старостин быстро проходит по флангу. На него резко бежит защитник Бурхан. Следует прострел, сильный удар вдоль ворот; вратарь отбивает мяч, но подоспевший Бутусов посылает его в сетку. 1 : 0!

Мы и рады и возмущены. Дело в том, что опоздавший к мячу Бурхан грубо ударил Николая ногой по коленке. Умысел был очевиден. Николай, никогда не умевший притворяться, в корчах валяется на земле.

А Бурхан ведет себя как ни в чем не бывало, хотя по всем правилам его следует строго наказать. Но прошла всего лишь одна минута игры; международный матч; забитый гол! Трудная ситуация для судьи.

Васильев ограничивается предупреждением Бурхану. Но пример Бурхана, видимо, заразителен. Через

несколько минут полузащитник Нихат в недопустимо резкой форме атакует Селина.

На первый раз Федор сдержался. Но безнаказанность немедленно рождает следующий проступок. А судья и здесь ограничивается замечанием. Чувство протеста нарастает.

Игра с каждой минутой становится все более резкой, моментами переходит в откровенную грубость.

Первую физическую схватку я у Ребии выиграл. Это очень важно. Первое соприкосновение во многом определяет психологическую устойчивость противников. Важно дать понять противнику сразу, что перед ним не слабый и не робкий партнер. Слабый духом сразу попадает в психологическую подчиненность, крепкий — вступает в борьбу.

Я сразу резко — в пределах, дозволенных правилами, — пошел на Ребию, когда ему был направлен первый пас. Перехватил мяч. Увидел, что он не принял силовой борьбы, и понял, что игра у нас будет носить «технический» и корректный характер. О, это уже гораздо легче!

Но в разных местах поля то тут, то там одна за другой возникают грубые стычки.

У турок прямо-таки пиратствует Бурхан. Все схватки в борьбе за мяч он разыгрывает с применением грубых силовых приемов. Неоднократно судья штрафует Нихата, Хакки, Селина, Фомина, Александра Старостина. Игра выходит за рамки нормального состязания, и судье чрезвычайно трудно ввести ее в нормальное русло. А из-за невообразимого шума на трибунах почти не слышно свистка.

Накалившаяся на поле атмосфера остро воспринимается темпераментными турецкими зрителями. В такой обстановке болельщик плохо разбирается, кто прав, кто виноват, и желание видеть свою команду победительницей начинает преобладать над объективностью.

Трудно, очень трудно приходится Васильеву. Мы принимаем силовую борьбу. Команда у нас богатырская, и мы способны выдержать на поле любую «агрессию».

Конец первого тайма проходит в ожесточенных схватках, но результат игры не меняется.

В перерыве футболистов в раздевалке посещают высокие гости во главе с премьер-министром Исметом Иненю. Здесь же Яков Захарович Суриц, военный атташе и многие товарищи из советской колонии.

Мы находимся в одной комнате с турецкими футболистами. И у нас и у турок совершенно мирный, спокойный вид. Нет и тени злобы или обиды.

Обе команды соглашаются с тем, что так играть товарищескую международную встречу нельзя, и обещают быть во втором тайме дисциплинированными. Все посетители и сами игроки искренне верят, что это будет именно так.

Однако с первыми же минутами второго тайма улетает и наша договоренность. Второй гол, забитый Василием Павловым вскоре после начала, подливает масла в огонь, который не погас, нет, не погас; он тихо тлел во время пятнадцатиминутного перерыва.

Сейчас огонь этот разгорается ярким пламенем.

Бурхан совершенно распоясался. Он грубо сшибает Павлова с ног, не успев все же помешать забить гол.

Судья опять не вмешивается.

А через минуту тот же Бурхан ударяет пробегающего мимо Бутусова. Ударяет с размаху кулаком ниже пояса.

— Судья!!! — кричит Михаил, приседая от боли. Но в страшном шуме, царящем на стадионе, судья не слышит.

Тут же возникает стычка между Селиным и Нихатом. Мяч уже далеко, где-то у углового флага, а Федор и Нихат продолжают борьбу. Такие схватки без мяча то и дело вспыхивают на поле.

Но вот мяч у Павлова. Он быстро ведет, приближаясь к штрафной площадке.

Бурхан уступает Павлову в беге. Павлов впереди. Бурхан сшибает его подножкой. Павлов поднимается, и Бурхан хватает его за волосы. Клок волос и без того не пышной шевелюры Павлова остается в пятерне у Бурхана.

Через минуту от сильного столкновения с Александром Старостиным в борьбе за верхний мяч, как сраженный наповал, рушится на землю левый инсайд турок Зекки.

Судья, потерявший управление игрой, пытается крутыми мерами вернуть власть.

— Старостин Александр, удалитесь с поля! — повелительно кричит Васильев.

— Как с поля? За что? За случайное обоюдное столкновение? После стольких намеренных и безнаказанных грубостей других игроков?

А толпа на трибунах кричит, шумит, бьет в трещотки... Удушающая жара под раскаленным солнцем, на песчаном казарменном плацу.

Судья Васильев, наш маленький Лукьяныч, внимает, наконец, доводам окруживших его игроков и отменяет свое решение. Александр остается на поле.

— Последнее предупреждение! Последнее предупреждение! Прошу продолжать игру! — объявляет судья.

В дальнейшем он с трудом сдерживает, но все-таки сдерживает все более накаляющиеся страсти противников.

Мелькают, как сабли, ноги Константина Фомина. Таранит нашу оборону коренастый Хакки. Продолжается непримиримый поединок Нихата с Федором Селиным. Во всех линиях идет упорная борьба за победу.

В конце игры Василий Павлов забивает третий гол в ворота турецкой команды. Вскоре туда же следует четвертый...

Турки так и не прорвали нашу оборону.

Мы выиграли с крупным счетом этот самый грубый в истории советского футбола международный матч.

В раздевалке мы говорим Лукьянычу:

— Нужно было судить поостроже.

— Тогда любого из вас следовало с поля гнать, — бросает изнервничавшийся за полтора часа игры Васильев.

— Не любого, а одного Бурхана, — не соглашались мы.

Поведение Бурхана во время игры было строго осуждено турецкой спортивной общественностью, и он был дисквалифицирован на длительный срок.

Намечавшийся после игры банкет не состоялся.

На другой день в поезде, направляясь вместе с турецкими футболистами в Анкару, мы дружелюбно обсуждали все перипетии вчерашней борьбы.

Третий матч, в Анкаре, мы тоже выиграли. Игра была сугубо корректной.

На последней, четвертой игре нам не повезло. Играя против ветра и по солнцу, в первой половине игры мы пропустили два мяча в свои ворота, а забили только один.

Во втором тайме в ворота встал молодой вратарь Бабкин, а в защиту был введен Константин Фомин.

Темперамент Кости был чрезмерен. Через несколько минут Кемаль-Рифат, справедливо судивший этот матч, удалил Фомина с поля.

Нас осталось десятеро.

Вторую половину игры можно было назвать триумфом Бабкина.

Турки во главе с Вахабом обрушили на нас серию атак. И внезапно ветер, который в первом тайме был против нас, во втором, когда мы переменили ворота, изменил свое направление и погнал на нас тучи песка. Лучи яркого палящего солнца били в глаза. Было очень трудно обороняться. Но Бабкин был буквально непробиваем. В нахлобученной до бровей кепке, из-под козырька которой выглядывала пуговица его вздернутого кверху носа, легкий, подвижной, он летал по воздуху и, казалось, чувствовал себя в своей стихии, отбивая и ловя мяч, летавший в нижние и верхние углы ворот.

Сильнейший удар Вахаба с близкого расстояния— Бабкин в неповторимом броске отбивает мяч на угловой.

Через минуту выход Музафера. Бабкин самоотверженно в последний момент буквально снимает с ноги Музафера мяч!

Вот, кажется, мяч идет неотразимо в верхний угол ворот, но отчаянный прыжок, и в долю мгновения вытянувшаяся рука отводит мяч за перекладину. Феноменально!

Бабкин сделал свое главное дело: удержал счет 2:1. Третий мяч в наши ворота обрекал нас на неизбежное поражение.

А когда шквал атак, не достигших результата, несколько затих, наши форварды использовали эту передышку и уравнили счет.

Это уже почти победа. Кризис миновал, наша команда возбуждена, турецкая немного растеряна.

— Нажмите, ребята! Еще немного, и победа наша! — кричит Бутусов.

И мы нажимаем. А когда остается несколько секунд, «король голов» Василий Павлов наносит сильнейший удар с полулета по воротам турок. Против Павлова свистящий ветер, одиннадцать игроков в глухой обороне, и все же мяч с двадцати метров влетает в ворота.

Прекрасный заключительный аккорд.

Нас встречали в Москве очень бурно. Четыре игры — три победы и одна ничья.

С вокзала едем прямо домой.

За окном осенний нудный дождик. Тополя в нашем дворе обнажились. Теннисный корт покрыт желтыми листьями и лужами.

Но в маленьких комнатах деревянного домика на Пресненском валу светло, оживленно и празднично.

Кто провожал, те и встречают: таков обычай.

Шумная застольная беседа продолжается пятый час.

Мы трое — Николай, Александр и я — отчитываемся перед друзьями о поездке в Турцию.

— Ну, хорошо, — кричат друзья, — турок вы победили, с чем вас и поздравляем. Но турки — это еще не европейский футбол. Вот мы на вас посмотрим, когда вы встретитесь с англичанами, чехами, венграми, испанцами. Сыграйте с профессиональными командами Европы, тогда мы будем знать вам цену.

Друзья правы. Каков уровень нашего футбола

в сравнении с лучшими европейскими командами, мы еще не знали. Ответить на этот вопрос можно будет только на поле...

На эту тему говорили не только в домике на Пресненском валу. В спортивных кругах шли большие разговоры о предстоящих встречах с профессионалами. В скором времени эти встречи состоялись.

ХІІІ. ПРОФЕССИОНАЛЫ

За Кубок мира. — Париж. — Музыкальный завтрак. — Опять «система игры»! — Заседание у Косарева. — Грозный противник. — Злата Прага. — «Жиденице». — В гостях у горняков. — «Скандал в Кошице». — Коллекция Мартыненко. — Генрих все предвидел.

В конце сентября 1934 года в дождливый осенний вечер я сидел у себя в кабинете и разбирался с иммобилями, активами и пассивами. Летний футбольный сезон заканчивался. Я смотрел в grossбухи, а в глазах моих мелькали футболисты, взлетали мячи, неистовствовала публика на трибунах...

Недавно я вместе с нашей сборной приехал из Парижа. Там в программе международного антивоенного слета разыгрывался и футбольный турнир. Это была волнительная поездка. На пограничной станции Негорелое начальник подразделения Мартыненко, ярый болельщик, хорошо знает наших футболистов, проезжающих границу. У Мартыненко на заставе есть футбольная команда, и у нее солидная коллекция мячей, которыми советские футболисты добивались побед на полях Германии, Австрии, Франции, — при возвращении из поездки каждая команда дарит пограничникам на память футбольный мяч.

Мартыненко дружески напутствует нас и напоминает о том, чтоб мы не забыли на обратном пути о славной традиции.

Поезд медленно приближается к пограничной арке, на которой лозунг:

«Коммунизм сметет все границы».

Замечательный лозунг! Но жизнь напоминала о

том, что глагол «сметет» стоит в будущем времени. А пока: «Прóшу пане пашпóрта!» Польские пограничники проверяют наши заграничные паспорта и вещи...

Экспресс «Норд» по маршруту Столпце — Париж наутро доставляет нас в Германию. Слова немецких пограничников звучат как резкий окрик. Хлопанье дверей. Топот каблуков. Ни одной улыбки. Наш поезд пересекает Берлин. Имперская столица расцвечена флагами. Повсюду портреты человека. У него чаплинские усы и косо приспущенная на лоб прическа. На улицах в изобилии коричневые куртки и черные мундиры. Экспресс не задерживается на городских вокзалах столицы. Две-три минуты стоянки, и многочисленные сотрудники дорожной службы с красными лакированными ремнями через плечо, рослые, толстые, отрывисто командуют, захлопывая за пассажирами двери вагонов. Ни одной улыбки. Ни у них, ни у нас. Уж очень хочется миновать поскорее это страшное государство.

Вот и Франция. Тут уж улыбок хоть отбавляй. Однако улыбки не смягчают строгости таможенных требований. Неначатую банку черной икры следует распечатать и хоть немного коснуться ложкой, пачки папирос вскрыть: борьба с контрабандой!

— Да, но вы же видите, что это для собственного потребления. Зачем же сейчас есть черную икру, когда мы сыты, и вскрывать папирсы, когда портсигары полны?

— Власть! Они считают, что даже черная икра в руках советских людей становится красной.

Он улыбается, мы тоже...

Пришлось поестъ икры и вскрыть все коробки с папирсами.

Когда таможенник узнает, что мы футболисты, он вываливает кучу спортивных новостей, осыпает комплиментами советских спортсменов, кричит, что во Франции очень интересуются предстоящим выступлением. Сперва мы думаем, что он любезностью хочет отплатить нам за вскрытие папирс, но, оказывается, он весьма искренен. Простые люди Парижа действительно проявили большой интерес к нашей делегации.

Поезд тихо подходит к перрону Северного вокзала

Парижа. Еще мы не вышли из вагона, когда услышали рокочущий шум, похожий на морской прибой. Это тысячи французов приветствуют нас.

— Совет пар ту! (Советы повсюду!) — скандирует толпа, заполняющая все проходы вокзала.

По-видимому, даже организаторы встречи не ждали такого скопления людей. Председатель рабочей спортивной организации Франции Рауль Шапоан взволнованно здоровается с нами. Он энергично распоряжается, как и куда нам лучше пройти.

Многотысячный хор встречающих на площади грянул «Интернационал»... Это был незабываемый порыв солидарности рабочего народа. Мы подхватываем песню и поем по-русски:

— С Интернационалом воспрянет род людской...

Париж — удивительный город. Народ здесь общительный и гостеприимный. Рауль Шапоан показывал нам достопримечательности Парижа. Начиная с незабываемой панорамы с высоты Эйфелевой башни до Музея восковых фигур, где рядом с великими государственными деятелями всех времен стоит фигура авантюриста Стависского, а на первом плане в классической позе гостей встречает гордость русского балета Анна Павлова. Монмартр и Латинский квартал, Большие бульвары и Монпарнас, Лувр и Нотр-Дам — все было нам интересно и дорого.

Не обошлось, конечно, и без курьезов. Мы со Станиславом Леутой случайно зашли в кафе, где вот уже полчаса сидел за столиком Анатолий Иванович Григорьев, секретарь комитета физкультуры.

— Не подают! — пожаловался он нам. — Вот уж который раз заказываю официанту. Он кивнет головой, а есть не приносит. Сажу голодный и слушаю музыку.

На эстраде аккордеонист и скрипач уныло выводили блюз.

Подбежал официант, и Анатолий Иванович еще раз ткнул в преysкурant. Официант вежливо поклонился и отошел. Тогда сидевший за соседним столом посетитель, слышавший наш разговор на русском языке, сказал Анатолию Ивановичу:

— Вы, кажется, хотите есть, а заказываете музыку. Оркестр играет для вас. Это преysкурaнт музыкальных номеров. А вот преysкурaнт блюд.

И он любезно передал меню.

Добродушный Анатолий Иванович вместе с нами до слез смеялся над своим музыкальным завтраком...

После очередной игры, которую наша команда выиграла у рабочей команды Швейцарии, мы прогуливались по Большим бульварам. Невдалеке от Гранд-Опера к нам подошел высокий блондин. Мы разговорились. Оказывается, он смотрел матч и узнал нас. Он тоже футболист, играет за один из французских клубов. Его имя Жюль Лимбек. Он видел нашего конкурента — сборную команду Норвегии. Жюль считает нас более техничными и быстрыми. Однако он отдает норвежцам предпочтение в тактике, или, как он сказал, в «системе игры».

Мы недоумевали:

— А какова же наша система игры?

— Простите, но у вас никакой системы игры нет.

Нельзя сказать, что нам понравилось это категорическое утверждение. Но спорить не стали. Перед нами широким зеленым проспектом, поднимаясь вверх, открывалась панорама Елисейских полей. Вечерний Париж, залитый электрическим светом, в блеске разноцветных реклам, снующих автомашин и нарядной толпы, не располагал к дискуссии о футбольной тактике.

— Что он хотел сказать? Как так нет системы игры? — рассуждали мы у себя в номере перед сном — Николай, Александр и я.

Вахаб в Стамбуле говорил о новой футбольной системе, Жюль Лимбек об этом же говорит в Париже. Что это за система такая?

Матч с Норвегией приобретал особый интерес.

Мы обыграли Норвегию со счетом 3 : 0. Победа далась не легко. Однако норвежцы никаких тактических откровений, как нам казалось, не продемонстрировали. В пылу игры мы не придали особого значения тому, что их центральный хавбек держался в глубине своей обороны. Никаких других особенностей в их тактике не заметили.

О, мы были довольны победой! Довольны ею были и в Москве. Телеграммы в адрес команды. Телефонные звонки. Поздравления. Приветы обладателям Кубка мира сыпались со всех сторон.

На границе нас восторженно встретил Мартыненко. У него прибавился еще один трофей — мяч, которым игрался финальный матч!

Приятно возвращаться домой с победой!

В Москве нас чествовали, как и полагается в таких случаях: «Сборная Москвы выиграла Кубок мира!» Но были и скептики. Они продолжали сомневаться.

— Подумаешь, — говорили они, — сборную Норвегии обыграли. Ведь это же опять-таки рабочая команда. Это же не профессионалы! — Скептики не желали считаться с тем, что эта рабочая команда была не слабее национальной буржуазной сборной Норвегии!

Профессионалы, профессионалы! Как надоел этот жупел, которым не уставали нас пугать. Когда же мы померяемся силами с этими самыми профессионалами?

Так думал я, сидя за grossбухами в своем кабинете на фабрике.

И вдруг телефонный звонок.

— Завтра утром вызывают в ЦК ВЛКСМ. Возможно, по поводу предстоящей поездки в Чехословакию. Будем там играть с профессионалами, — говорит мне в трубку Николай.

Назавтра, взволнованные, мы шли на Старую площадь. В кабинете у Александра Васильевича Косарева совещание. Руководители комсомола и Всесоюзного комитета по физкультуре и спорту решили обменяться мнениями о предстоящей поездке в Чехословакию.

— Ну, что скажете вы, товарищи специалисты? — обратился к футболистам сборной команды Александр Васильевич.

Он встает из-за стола и, похаживая, улыбается своими прищуренными глазами.

Мы мнемся. Не легко ответить. Надо брать на себя смелость и сказать, что обязательно выиграем у чешских профессионалов. Поди-ка скажи! Нам предстоит

играть с одной из лучших команд Чехословакии. Мы знали цену чешскому футболу. В этом году первенство мира выиграли итальянцы. Чехи дошли до самого финала. А в финале итальянцы вырвали победу со счетом 2 : 1. Это была нашумевшая игра. В необъективном судействе упрекали судью, который будто бы до матча подвергался давлению чуть ли не самого Муссолини. Игрокам итальянской команды дуче обещал персональные автомашины и какие-то баснословные суммы. Чехи вели матч со счетом 1 : 0, и лишь за несколько минут до конца итальянцы получили минимальный перевес.

Чехи вернулись в Прагу некоронованными чемпионами. Старожилы города говорили, что со времени приезда Франца Иосифа на вокзале не собиралось столько народу. Футболистов с вокзала восторженные почитатели разносили по домам на руках. Планичка, Женишек, Пуч (забивший итальянцам гол), Свобода, Сobotка стали национальными героями. Мы знали, к встрече с каким противником надо готовиться, в какую футбольную страну мы едем.

— Ну, что же, значит, не годимся? Молчим? — продолжая улыбаться, нарушает возникшую паузу Косарев.

— Я думаю, что годимся, Александр Васильевич, — ответил Николай. — Гарантировать победу, конечно, легкомысленно, но надеяться на успех можно.

Мы понимаем, что поездка уже дело решенное, и Косарева интересует боевой дух, настроение нашей команды. С совещания мы уходим еще более взволнованными. Встреча с профессионалами становится реальностью.

Болельщик Генрих сбился с ног, оповещая знакомых и незнакомых о предстоящих событиях. Я вернулся домой, когда он пил чай с моей матерью и кричал:

— Это вам не турки! Это вам не рабочая сборная Норвегии! Тут только ноги уноси!

— Царица мать небесная, — вздыхала мама, — изувечат они моих, эти «прессиналы»! — вздыхала и собирала в чемодан мои футбольные доспехи.

В нашу спортивную делегацию входили еще легко-

атлеты. Среди них Георгий и Серафим Знаменские, Николай Денисов, Роберт Люлько, Мария Шаманова, Зинаида Борисова.

Последнее напутствие приехавшего попрощаться с нами на вокзал Александра Васильевича Косарева.

Накрапывает дождик — говорят, хорошая примета для отъезда.

В Негорелом пограничник Мартыненко кричит:

— Мячик, которым обыграете «Жиденице», не забудьте!

И опять мы слышим:

— Прóшу пáне пашпóрта!

Едем через Польшу прямо в Чехословакию. Сразу на границе, как только мы пересели в чешский поезд, услышали женский голос.

— Селин едет? — спрашивала проводница на ломаном русском языке.

Это первый вопрос, который нам задали в Чехословакии. Удивительно, она знала даже состав семьи Селина и полюбопытствовала насчет здоровья его дочери.

Оказалось, она читала широкую информацию в прессе о советском футболе. Чешские газеты помогли нам убедиться в том, что футбол в Чехословакии действительно любят. Вся пресса пестрела заметками о предстоящей встрече. В одной из газет на первой странице, рядом с портретом югославского короля Александра и министра иностранных дел Франции Барту, погибших от террористического акта в Марселе, была помещена крупная фотография с надписью: «Футболист — директор фабрики». Речь шла обо мне. Оказывается, то, что я работаю директором фабрики и одновременно играю центрального полузащитника, удостоило меня газетного соседства с королем и министром. Сенсация! Не очень-то хорошо я чувствовал себя от соседства с покойниками.

На вокзале в Праге какой-то толстяк, представитель рабочего кооператива, широким жестом протянул мне руку и дружески закричал, как старому знакомому:

— А-а! Директор!

Он тряс мне руку и с большим любопытством раз-

Сборная Москвы 1928 года. Слева: С. Егоров, Ал. Старостин, Н. Троицкий, Ф. Селин, М. Руцинский, М. Леонов, С. Леута, П. Исаков, В. Блинков, А. Холин, Н. Старостин.

Сборная СССР — сборная Турции, 1932 год. Бурхан (полосатая футболка) атакует Н. Старостина.

Сборная СССР и сборная Турции в Стамбуле в 1925 году. Крайний справа стоит судья И. И. Савостьянов.

глядывал меня, громогласно смеялся, разводил руками и все повторял:

— Директор!

Я спросил этого жизнерадостного болельщика, чему он так удивляется, у нас, мол, все футболисты работают или учатся.

Тогда он разыграл целую пантомиму.

— В Праге директор — это вот что, — пояснял толстяк. Он развел руки от носа в стороны, выпятил живот и сделал перед ним округлое движение руками, при этом он придал физиономии каменное выражение. Все это означало, что директор должен быть с усами, с брюшком, важный, солидный — буржуа, одним словом! А тут... худой, молодой, да еще футболист! И он принялся отчаянно взмахивать ногами, демонстрируя игру в футбол.

Все мы — игроки, репортеры, фотокорреспонденты — дружно смеялись. Окруженные толпами встречающих, мы двинулись в отель «Акса». Толстяка схватили с собой и в гостинице долго беседовали, стараясь из разговоров с болельщиками и газетчиками уяснить особенности чешского футбола.

В качестве тренировочного матча перед генеральным сражением мы приняли предложение рабочей Федерации ФПТ и сыграли с ними на стадионе «Спарта» одну игру, которую и выиграли с большим счетом.

Но эта победа не вскружила нам головы. По отзывам местных специалистов, «Жиденице» обыграла бы эту команду с не меньшим результатом.

— Почему мы играем с «Жиденице»? — спрашивали мы у наших руководителей. — Что это за команда? Почему не со «Спартой» или «Славией»?

Вопросы закономерные. «Спарта» и «Славия» — команды, стяжавшие себе европейскую известность. Встреча с ними нам казалась интересной, и именно на этом мы и настаивали. Однако руководители чешского футбола рассуждали по-другому. К моменту нашего приезда «Спарта» и «Славия» были не в порядке. Лидером национального чемпионата была молодая профессиональная команда «Жиденице», незадолго до этого нанеся поражение «Спарте». Хозяева рассуж-

дали просто. В случае поражения «Спарты» или «Славии» будет нанесен большой урон чешскому спортивному престижу. А шансов на выигрыш у нас «Жиденице» имеет больше.

Мы гуляли по Золотой Праге.

Куда бы мы ни зашли, нас сразу узнавали. Нас все больше и больше удивляла популярность футбола в Чехословакии.

Фасон шляпы и сорт конфет носил название «Планичка», резинки — «Женишек», галстуки — «Соботка». Кажется, даже фокстрот назывался «Пуч». Чехи чтили своих футбольных кумиров.

Стоило зайти в магазин, как сейчас же раздавались приветственные возгласы. Плотный пожилой владелец универмага спешит навстречу.

— А, советские футболисты! — И сразу гостеприимное предложение выпить кофе и совсем уже неожиданная любезность:

— У нас цены «префикс», но футболистам пятнадцать процентов скидки!

И вопросы, вопросы без конца.

— С кем вы встречались из европейских команд?

— Профессиональный ли в СССР футбол?

— Как сыграете с нашими?

«Да, вот именно, как сыграем с вашими? — думаем мы. — Если бы мы могли на этот вопрос ответить!»

Но наш любезный «господин универмаг» сам отвечает:

— Вы играете хорошо, но наши побьют вас со счетом три — один. «Жиденице» — прима квалита!

— Тем лучше, — говорим мы, — интереснее будет играть.

И раскланиваемся с разговорчивым «господином универмагом».

А Москва не перестает напоминать о себе телефонными звонками и телеграммами.

— Вы их побьете, — подбадривают нас далекие друзья.

Радио сообщает, что в Брно, где состоится игра, еще с вечера отправились переполненные поезда с бо-

лельщиками, забиты все гостиницы, заняты все пансионаты.

А мы лежим у себя в номере, и сон нейдет...

Уже в три часа утра, изнемогая от бессонницы, я шепчу лежащему рядом Александру:

— Спишь?

— А ты?

— Я, как видишь, сплю.

— И я, — вздыхает Александр.

— Я нашел сегодня пуговицу.

— Какую пуговицу?

— Чешскую.

— Ну и что?

— Хорошая примета.

— Глупости.

Я и сам знаю, что глупости, но все-таки...

Александр разглядывает чешскую пуговицу, потом отдает и отворачивается от меня.

— Не мешай спать.

— Я не мешаю, но ведь ты и так не спишь.

— Не твое дело!

Я тоже не верю в приметы, но чешская пуговица в данном случае себя оправдывает.

Утром мы засыпаем. Нас будят. Пора ехать.

Осенний пасмурный день без дождя. Свежо. Однако мы дрожим не от холода. Это предстартовая лихорадка. Трибуны набиты до отказа. Мы стоим на гаревом, без единой травинки поле, а против нас профессионалы. Вот они, эти загадочные волшебники мяча! Преодолевая нервную дрожь, мы внимательно разглядываем противников, пока идет обычный церемониал, обмен приветствиями, выпелами, цветами.

— Ну, что скажешь? — кивая на чехов, обращаюсь я к стоящему рядом Станиславу Леуте. Он смуглый, и на лице его как-то особенно заметна необычная бледность.

— Сейчас прояснится, — с натянутой улыбкой отвечает мне Леута. Он у нас самый старый игрок. Уже десяток лет Станислав выступает за сборные команды. Ему в конце футбольной карьеры особенно интересно сыграть первую встречу советских футболистов с про-

фессионалами. В самом деле, чего же достиг наш футбол за семнадцать лет советской власти? Позади победы над Турцией, Швецией, Норвегией и многими другими любительскими зарубежными командами. Но, может быть, это призрачные победы? Может быть, они ничего не стоят перед лицом этих спортсменов-профессионалов и нас разобьют сейчас с двузначным счетом?

Свисток, и игра началась. Уже через пять минут после начала мы осмелели.

— Станислав! Играем? — крикнул я Леуте.

И он подтверждает:

— Можем!

Откуда это заключение? Да очень просто. Первые пять минут игры поучительнее, чем десять лет разговоров об игре. Мы увидели, что наши противники так же ошибаются в ударе по воротам, как и мы: левый инсайд ударил выше планки. Мы бежали не тише их: я без труда догнал левого края. При обводке они не обходятся без потери мяча: Никишин, Леута, Тетерин удачно ликвидировали попытки их пройти финтом. Наконец мы увидели, что ворота чехов не неприступны; только высшая степень волнения не позволила взять их в самом начале матча. Сергей Ильин стремительно прошел до лицевой линии и передал мяч назад, в центр. Якушин тут как тут. Он перехватил мяч и оказался перед воротами один на один с вратарем. Нет, он, этот хитроумный Михей, не ударит опрометчиво! Он хозяин позиции. Зачем неосмотрительно бить, когда никто не мешает! Он подведет мяч поближе. И при затаившем дыхании переполненном стадионе Якушин тихонько продвигается к вратарю. Десять, девять, шесть, пять метров остаются до ворот. Вратарь безнадежно стоит у своих ворот. Защитники далеко, вратарь одинок. И тогда, подведя мяч на три метра, Якушин вдруг судорожно взмахивает ногой и вместо удара тихонько толкает мяч прямо в руки ошеломленного вратаря. Непостижимо! С такого положения игрок любой дворовой команды забивает гол. А Михей, знаменитый Михей, вдруг спасовал. Вот она, сверхъестественная сила волнения.

В последние минуты первого тайма мы все же забили два гола: Якушин головой и Вадим Потапов пушечным дальним ударом. В перерыве мы бездумно растрачивали свои силы: давали телеграммы в Москву, принимали поздравления, орали, хохотали.

«Нам не страшен серый волк» — с таким настроением выходили мы на второй тайм. Возмездие не замедлило. Прошло всего четверть часа, а счет игры стал 2 : 2!

Двадцать минут после этого штурмовали наши ворота чехи. Двадцать минут шла героическая оборона. Мы выстояли. А когда осталось играть десять минут, то среди бурно шумящего стадиона раздался отчаянный возглас Якушина:

— Володя, дай!..

И Володя Степанов дал. Замечательный продольный пас на вырыв! Михей успел грудью протолкнуть мяч и проскочить между двумя защитниками. Нет, сейчас он не подкрадывался к воротам. Он летел стремглав на своих длинных худых ногах, неумолимо приближаясь к воротам, яростно преследуемый полузащитниками. Михей успел ударить с шестнадцати метров, и мяч с силой влетел в нижний угол ворот.

Двадцать с лишним лет прошло с тех пор. Но как ясно я вижу перед собой эту картину! Вратарь чехов в броске левой рукой тянется за мячом; сшибленный после удара на землю Якушин; мяч, пересекающий линию ворот; восторженный крик наших ребят и унылые лица чешских футболистов.

— Чешская пуговица! — кричу я Шурке. — Понял?! Помогла! — А он, разгоряченный, мокрый от пота, переживший за эти двадцать минут гнетущий страх за упущенную победу, зло кричит мне:

— Играй!

То, что происходило потом, знакомо всем любителям футбола — и игрокам и зрителям. Для одних время остановилось, и казалось, что минуты превратились в часы, для других минутные стрелки бежали со скоростью секундных.

Мы хотели удержать результат за счет ухода в оборону и, конечно, попали в тяжелое положение. Чехи

атаковали нас всей командой. Отбитый мяч, как бумеранг, возвращался к нашим воротам. Но все же нам удалось устоять. Матч был выигран. Вот сейчас уже можно принимать поздравления и давать телеграммы.

Усталые, довольные, сидели мы вечером в гостинице, обмениваясь впечатлениями о матче. Наш руководитель Иван Иванович Харченко, волновавшийся на матче больше всех, сейчас довольно развалился в мягком кресле и потягивал через соломинку лимонад.

— А я был спокоен, — процедил он, — мне накануне приснился пожар. Это всегда к удаче.

— А я был уверен в чешской пуговице, — сказал я, вынимая из кармана свой талисман.

— Кстати! — вдруг вступил в беседу Александр. — Пуговица эта ведь моя! — И он показал на пустую пиджачную петлю. — Я ее потерял в коридоре. Надо будет пришить.

Подвел меня талисман!

Конечно же, не пуговица и не пожар Ивана Ивановича принесли нам успех...

После матча мы втроем — Александр, Сергей Иванов и я — поехали в Бартельсдорф в гости к рабочим-горнякам. В громадном зале собралось много народу. Гостеприимные хозяева радушно встретили нас. Нас попросили спеть русские песни. Отказываться было нельзя. Нас вывели на середину зала, и мы оказались окружены плотным кольцом зрителей. Это был убийственный концерт. Ни у меня, ни у Александра абсолютно нет музыкального слуха. Но, как говорят французы, «положение обязывает». Сергей Иванов только в ужасе косил глазами на нас, когда мы с Шуркой уныло, как слепцы на ярмарке, тянули: «Вот мчи-и-ится тройка почто-о-вая...»

Аудитория прощала нам артистическую бездарность. Бурные аплодисменты были наградой за нашу самоотверженность.

Наутро, приехав в Прагу, узнали, что, пока мы трудились на ниве культурных связей, наши бегуны обыграли буржуазную легкоатлетическую команду.

Смотрели мы на Пражском стадионе матч двух чешских команд.

«Славия» легко обыграла своего противника, команду «Колин». Матч не носил большого спортивного интереса. Все же впечатление от футбола осталось хорошее. Пленяли техника игроков, непринужденная манера работы с мячом в довольно быстром темпе. Система игры на наш взгляд заметно не отличалась от нашей, разве что несколько острее вперед были выдвинуты центрфорвард и крайние нападающие. А полу-средние более, чем принято у нас, были оттянуты назад. В защите персональные функции те же, что у нас — полузащитники держат крайних нападающих.

— Ну что? Как играют? Сильнее «Жиденице»? — спрашивали мы друг друга.

— Технически посильнее нас. В темпе нам уступают. Тактически ничего нового. Играют в классе «Жиденице».

В Карлсбаде, куда мы ездили с экскурсией, мы прочли в пражских газетах сенсационные заголовки: «Арест советских спортсменов», «Скандал в Кошице». Мы поспешили в Прагу. Выяснилось, что наши легкоатлеты действительно подверглись аресту. В день национального праздника в Кошице группа спортсменов вышла погулять по улице. Популярных Серафима и Георгия Знаменских, Роберта Люлько, Марию Шаманову, Зинаиду Борисову сразу узнали. Их стали приветствовать, окружили, славил хором. Фашиствующие элементы, усмотрев в этом крамолу, сообщили в полицию. А когда наши легкоатлеты возвращались домой, около гостиницы их настиг автокар, из которого выскочила куча полицейских. Наши атлеты были приговорены к трехдневному тюремному заключению и высланы из пределов Чехословакии. За что — мы так и не поняли. За нарушение общественного порядка? Но ведь это не они, это их приветствовала толпа на улице! И разве это «нарушение порядка», когда болельщики одной страны приветствуют спортсменов другой страны?

Тяжелые времена наступали в Чехословакии. Фашизм стучался в двери этой страны.

Лишь в Берлине к нам присоединились Мария Шаманова и Зинаида Борисова. А в Варшаве и все остальные.

— Спорт вне политики! — провозглашали капиталистические заправилы.

— А спортсмены в тюрьме, — возмущался похудевший за время кошицких мытарств Серафим Знаменский.

В Негорелом пограничник Мартыненко получил в подарок футбольный мяч с надписью: «Москва — «Жиденице» 3 : 2. Брно. 1934».

И опять друзья на перроне Белорусского вокзала. Мокрые глаза от радости встречи с Родиной. Каждый раз возвращаемся будто впервые...

Громче всех раздавался голос болельщика Генриха, заглушая паровозные гудки:

— Приехали! С победой! Ну что я говорил? Я был уверен! Я предвидел!

Да, мы возвращались с победой. Но в этой победе, быть может, был и залог наших дальнейших поражений. Мы уверились в своей непогрешимости, как это часто бывает, помнили только хорошее и позабыли о слабостях. А главной нашей слабостью, как это покажет ближайшее будущее, была тактика. И эта слабость нам жестоко отомстила.

XIV. УЧИТЕСЬ ВЛАСТВОВАТЬ СОБОЮ

Похвальное слово бане. — Кандидат в инсайды. — Новая квартира. — Мяч все про игрока знает. — «Что с тобой?» — Режим. — Кружка пива и ведро пота. — Соблазны. — Квашнинско-гороховские кроссы.

Кто не любит попариться в бане, будь то деревенская бревенчатая, с низким потолком, докрасна накаляющейся печкой и запотевшим узеньким окошком, комфортабельные Сандуны или Центральные московские! Усиливается кровообращение, выпариваются боль и ломота в суставах, быстро заживают ушибы, полученные на футбольном поле. Баня в жизни спортсмена занимает почетное место.

Я с детства любил париться. Приучил дед Степан, отец моей матери. Могучего сложения, он обладал в молодости огромной физической силой. Ямщик по профессии, он в восьмидесятих годах подвергся разбойному нападению. Шестеро грабителей, вооруженных дубинами, набросились на деда. Он рванул плечами, освободил руки, схватил двоих, стукнул их головами, разметал наотмашь кулаками остальных, вскочил на тройку и с гиком умчался.

— Паром только и выходился, — говорил дед, вспоминая этот случай, — дубьем-то они меня сильно потревожили.

В деревне по субботам парились в русской печке. Протопят, угли выгребут, на под печи постелят соломы — полезай и парься за милую душу. Влезать и вылезать из печи — искусство. Ловкость нужна большая, чтобы не выпачкаться в саже. Деду Степану это в особенности было нелегко: он без малого восемь пудов весил. А из печи — прямо в снег. Прекрасная заправка! Ребятами мы запросто бегали по снегу босиком. И никогда не болели, не простужались.

Много лет спустя как-то после тренировки наша команда «Спартак» дня за два до ответственного матча с «Динамо» отправилась в баню. Конечно, первым делом на весы, а потом в парилку. Вес для спортсмена — первый показатель. Два-три лишних килограмма против нормы, и уже хорошей игры не жди. Меняется режим дыхания, трудно бегать. Значение веса хорошо знакомо спортсменам-конникам. Даже рассказывали анекдот о том, что в Англии знаменитое эпсомское дерби фаворит проиграл только потому, что жокей забыл вынуть из кармана ключи от квартиры: лошадь несла двести граммов лишнего веса.

Наш левый инсайд Петр Никифоров был расположен к полноте. В парилке на полке Николай Старостин пощупал у него брюшной пресс и в шутку сказал:

— Ну какой же ты инсайд с таким животом!

В это время на полку забрался старичок, маленький, худенький, ну прямо кожа да кости.

Никифоров посмотрел на старичка и сказал:

— Взяли бы его в инсайды! Тут уж самый строгий тренер не придерется.

Все рассмеялись. А новый кандидат в инсайды положил веник под голову и улегся на скамейку.

Пару поддали. Ребята с полка долой в мыльную. Остались наверху я да старичок. Лежали долго. Чувствую, пора и мне вниз, а уходить не хочется: соревнуется со мной кандидат в инсайды. Креплюсь, виду не подаю. А старик хоть бы что — лежит себе и лежит. Я мурлыкать себе под нос что-то начал, хочу дать ему понять, что мне, мол, и не жарко — песни пою, а он и ухом не ведет. Ну, думаю, чертов старикан, сейчас я тебя допеку.

— Дядя Никита, — кричу, — поддай еще шаечку: пару мало!

Дежурный банщик дядя Никита так поддал, что дух захватило. Уши огнем палит. Не только париться веником, пальцем шевельнуть нельзя — обжигает! Лежу, силы нет, немоготу больше. Покосился глазами, вижу сквозь пар: лежит кандидат в инсайды как лежал.

«Ну, бог с тобой, — думаю, — сдаюсь: проиграл соревнование, не умирать же мне тут. Деда Степана бы на тебя натравить».

Шатаясь, добрался я до раздевалки. Еле отдышался. Говорю ребятам:

— Зверь, а не старик, выкурил из парилки! Перележал меня, выиграл соревнование.

Вдруг слышим шум. Кого-то несут. Глядим, кандидата в инсайды тащат! Оказалось, пока я с ним соревновался, он на полке лежал в обмороке. Старика едва отходили. Врача вызывали.

А я, придя домой, против обыкновения, очень долго не мог заснуть, и на другой день чувствовал себя отвратительно. Вялость, головокружение... На тренировку еле выполз, а через день — матч на первенство СССР с «Динамо». Говорить игрокам о значении матча между этими двумя клубами излишне. «Спартак» — «Динамо» — все билеты проданы! Кто выиграет матч, тот чемпион СССР. Я, как капитан команды, прекрасно знал, что надо быть во всеоружии. Но разве угадаешь,

на чем споткнешься? Мало мне было парильни, свалился на мою голову еще и обмен. После тренировки вдруг позвонил человек, с которым я менялся квартирами. Оказалось, что завтра он уезжает в командировку. Ладно! Перееду сегодня! Мне казалось, что я быстро управлюсь. Взял машину... Словом, в два часа ночи конца еще не было видно. Я никогда не предполагал, что домашнее хозяйство так сложно. Артель у нас, правда, сколотилась дружная — два шофера да я с женой, — но таскать скарб, ставший мне ненавистным, надо с третьего этажа вниз, а потом на четвертый вверх. Есть к чему приложить энергию! Я уже поглядывал на часы, высчитывал, сколько остается времени на сон. «Хватит еще, — успокаивал я себя, — игра в два часа дня, успею выспаться».

Переезд окончился только к шести утра. Я улегся было спать, но оказалось, что заснуть не могу. Ворочаюсь с боку на бок, закрываю глаза, считаю — ничего не помогает. «Отомстит мне мяч, ох, как отомстит», — терзался я, лежа с открытыми глазами.

— Мяч, он предмет одушевленный, он все про игрока знает, — говорил один тренер. — Выпил рюмку вина — мяч под ногой проскочит; в преферанс заигрался, не выспался — споткнуться заставит; на тренировке ленился — с ноги срежется, — одним словом, нарушения режима не простит.

Ох, как это верно! Кто из футболистов не получал таких уроков! Кто избежал их!

Так я и не заснул ни на минуту. А с утра уже начались телефонные звонки. Билеты! Билеты! Билеты! Прошу! Умоляю! Прошу! А у меня давно уже ни одного билета нет. И я расходую остатки энергии, убеждаю: нет у меня билетов! Нет!

В плохом состоянии приехал я на стадион. Самочувствие отвратительное. Ноги ватные. Взгляд вялый...

— Я не могу играть сегодня, — говорю тренеру Владимиру Ивановичу Горохову.

Мне показалось, что его нос, и так, впрочем, весьма солидных размеров, вытянулся еще больше. Ошеломленный этим заявлением, он воскликнул надвигаясь:

— Что, что ты сказал?!

У меня хватило честности не ссылаться на болезнь. Я рассказал все как было. Возмущению не было границ. Играть меня заставили. Николай настоял. Он утверждал, что отсутствие капитана на поле может сказаться еще хуже, чем моя слабая игра. Но он жестоко ошибался.

Динамо́вцы быстро нащупали слабое место. Атаки развивались через центр. И вот в самый решительный момент я вдруг почувствовал, что скольжу на своих безжизненных ногах и грузно валюсь на землю. А мимо меня нападающий противника проводит мяч и забивает гол. Какой позор! Мне стыдно было взглянуть на трибуны, на товарищей по команде.

— Что с тобой? — спрашивал меня в перерыве Александр.

— Что с тобой? — спрашивал Петр.

— Что с тобой? — спрашивали болельщики.

Что со мной? Я нарушил основную заповедь футболиста: забыл о команде, о спортивной чести коллектива, нарушил режим, бездумно, бессмысленно растратил свою энергию.

Будем откровенны: в двадцатых годах, на заре советского футбола, отношение к режиму футболиста было недостаточно требовательным. Поспорить игрокам о футболе за кружкой пива накануне матча не считалось за грех.

Позднее стало по-другому. Быстрый темп игры требовал выносливости. Неподготовленный организм не выдерживал нагрузки, и игрок «сдыхал».

Режим футболистов приобрел серьезное значение.

Уже в то время практиковались предматчевые сборы команд, как их называют, карантин. Но карантин это только форма. Главное, самодисциплина, самоконтроль. Режим спортсмена включает в себя гораздо больше, чем отказ от пива или вина. Здесь нормы многообразны, начиная от нормы сна и кончая нормой пользования баней. Никакой тренер не в состоянии уследить, если сам спортсмен всей своей душой не поймет, к чему ведут нарушения режима. Да, иногда приходится «наступать на горло собственной песне»,

отказываться и от веселой встречи с друзьями и от свидания с любимой... Что же делать! Ничего, если она действительно любит — поймет. И друзья, если они настоящие друзья, подождут более подходящего времени.

Кружка пива — ведро пота. Так принято говорить среди футболистов.

Это значит: чтобы устранить вред от выпитой кружки пива, надо на тренировке пролить ведро пота. Потерять форму можно в один день. Обрести форму — нужно затратить месяц.

В Ленинграде я и Сергей Иванов — центрфорвард московской сборной — не сумели выдержать характер: смалодушничали, поддались на уговоры болельщиков и выпили. Утром, в день игры, на крыше Европейской гостиницы коллектив сборной команды Москвы обсуждал наш проступок.

Ясный, теплый, солнечный летний день. Воскресенье. С крыши видна панорама Ленинграда. Толпы гуляющих ленинградцев. Среди них многие предвкушают удовольствие от сегодняшнего матча.

А у меня на душе грязь и мрак. Я смотрю на осуждающие лица товарищей, и мне мучительно стыдно. Нам при всем коллективе объявили выговор, но на игру поставили.

Подгоняемый стыдом за содеянное, взвинченный, я сыграл эту игру хорошо. Но зато следующая прошла из рук вон плохо. Ведро пота мне все-таки пришлось пролить на тренировках, прежде чем я достиг прежней спортивной формы.

Спортивная форма футболиста дается не таблетками фенамина, не глюкозой и черным кофе — работой, трудом, тренировкой! Тренировкой повседневной, систематической.

В те годы, в середине тридцатых годов, вырабатывалась советская школа футбола. Первое требование, которое нам предъявлялось, — скоростная выносливость, умение быстро и долго бегать. Ох, уж эта выносливость!

Предсезонные сборы наша команда проводила в Одессе, в одном из санаториев, что расположены по

Французскому бульвару. Одесса в марте теплом не балует. Ветры гуляют по городу порывистые, холодные.

— Сегодня кросс, — объявляет второй тренер нашей команды Владимир Горохов.

— Кто проводит кросс? — спрашиваем.

— Константин Павлович.

«Ну, — думаю я, — ничего! Квашнин старше меня namного, выдержу».

...С меня уже льет седьмой пот. Мы бежим вдоль берега моря по буеракам и оврагам, то стремительно вниз, то, согнувшись, крупным шагом вверх. Уже мертвая точка, как говорят спортсмены, прошла — открылось второе дыхание. «Омоложения» на дистанции теперь не жди. Нарастает усталость, а Квашнин все ведет бег, не сбавляя темпа, вперед и вперед, дальше и дальше от дома. Прикидываю мысленно: километров семь, наверное, пробежали, значит, обратно пойдем шагом. Не может же Квашнин в свои сорок пять лет в таком же темпе обратно бежать. Ну, слава богу, кажется, заворачиваем за угол. Я на пределе усталости. Но... Какое коварство! Из-за угла появляется второй тренер Горохов. Как эстафету, он принимает команду от Квашнина и, бодро крикнув: «За мной!» — устремляется бегом к дому. А до дома-то, ой, ой, как далеко! Квашнин переходит на шаг и отстает от нас. Я ненавижу в этот миг Горохова — это его выдумки! Это он непреклонный сторонник больших нагрузок! Но остановиться не могу — я капитан. Меня берет оторопь, когда мысленно прикидываю, сколько предстоит еще пробежать до самого дома. Ведь Горохов — мы его знаем! — пощады не даст ни на метр.

Вспоминаю клятвы юных лет — упорство, упорство, упорство... И, собирая последние силы, продолжаю бежать в головной группе. Ну, вот до того киоска... до того поворота... буду считать до тысячи... потом еще до тысячи... Так, шаг за шагом, я приближаюсь к дому. Кажется, наступила последняя степень изнеможения, но нет, не последняя... И откуда только силы берутся — финиширую в первой шеренге! Дом. Готово! Кросс окончен.

— Кто здесь старший? — кричит вбежавший в душевую Миша Людковский.

Волосы у Миши мокрые, лицо грязное, осунувшееся. Он тяжело дышит.

— Зачем тебе старший, Миша?

— Я! Я... буду жаловаться! Это истязание!

Все дружно смеются.

На него пускают струю воды, и он успокаивается.

Я вспоминаю Пресню, Горючку, литой чугунный мяч... Искусство требует жертв, Миша!

Каждый последующий кросс мы бежим все легче и легче. А через месяц возвращались в Москву загорелые, полные сил и здоровья.

XV. ЗА ТЕХ, КТО В МОРЕ!

SOS! — Спортсмены, наверх! — «Торос» идет на помощь. — Англичанка-болельщица. — Одесса волнуется. — Город болельщиков. — Октябрьский праздник. — Король офсайда. — Последний матч сборной СССР.

Я пишу эти строки в дни, когда в Австралии идут XVI Олимпийские игры. Иногда подхожу к приемнику, включаю его, слушаю, не передают ли спортивные новости из Мельбурна...

Много миллионов глаз утром, читая газеты, ищут на последней странице телеграмм о спортивных состязаниях, отчетов о матчах, жадно следят за новыми достижениями. Пересекая огромные пространства нашей планеты, встречаются спортсмены разных стран. Советских спортсменов знают и в Азии, и в Африке, и в Канаде — на всех континентах. Пловцы, боксеры, стрелки, метатели, бегуны, баскетболисты, конники, футболисты, хоккеисты, фехтовальщики, борцы, тяжелоатлеты встречаются со своими спортивными братьями. Всегда эти встречи интересны. Однако все ли читатели газет задумываются над тем, что путешествия эти связаны с риском, иногда даже с опасностью для жизни? Вот тут-то, в критические моменты, должно прийти на помощь то, что всегда отличает спортсменов, — выдержка, хладнокровие, смелость, а глав-

ное, сознание, что ты не просто спортсмен, а что ты советский спортсмен, представитель страны социализма.

Большая спортивная делегация возвращалась из Турции. Всем нам хотелось Октябрьские праздники провести дома, и поэтому все единодушно высказались за безотлагательный отъезд. Капитан «Чичерина» Борисенко, опытный моряк, предупреждал нас, что «покачает здорово». Команда парохода уговаривала не выходить в море, переждать погоду. Однако мы настаивали. Уже 30 октября, куда же откладывать, опоздаем на праздники домой.

Настроение у всех прекрасное. В Турции ни одного матча не проиграли. Борцы, фехтовальщики, теннисисты выступали с успехом. Перед отъездом на «Чичерине» в кают-компании был устроен банкет, после которого, распрощавшись с провожающими, разместились по каютам, отвалили от Турции. Не в первый раз мы пересекаем на «Чичерине» Черное море.

В нашей каюте старая компания. Много лет за сборную команду мы играем вместе и вместе путешествуем: Якушин, Павлов, Лапшин, Александр и я.

За ужином нас качнуло в первый раз. Сначала не заметили. Веселые шутки не прекращались. Обсуждаем схватку Арона Гонжи, нашего чемпиона по классической борьбе, с прославленным турецким тяжеловесом Чабаном. Гонжа проиграл ему и наивно оправдывался:

— Вы понимаете, сутулый он, горбатый какой-то, никак его не ухватишь!

А Виктор Соколов, блестяще выступавший в Турции, в тон Гонже подчеркивает:

— Конечно, что и говорить: горбатого на обе лопатки положить трудно.

Громче всех смеется добродушный Арон. Однако скоро веселье угасло. Все заскучили. Бледный, поднялся из-за стола и отправился к себе в каюту Борис Михайлович Чесноков. Этот миниатюрного сложения спортсмен совершенно не выносит качки. Он не хотел ехать в Турцию, боялся парохода. Его уговорили:

«Как в автобусе, поплывете и не заметите». И в самом деле, туда мыплыли в чудесную солнечную безветренную погоду. Борис Михайлович был в восторге. Сейчас не то... Чесноков проклинал море. Вскоре за Чесноковым последовали другие. Через полчаса за столом кают-компаний остались только пять-шесть человек. Море разбушевало не на шутку. Наш небольшой кораблик швырял по огромным морским волнам шторм.

— Кажется, немного покачивает? — обратился ко мне Василий Павлов, показывая на вспененные валы, вдруг возникавшие где-то над головой, как многоэтажный дом, то вдруг рушившиеся куда-то в бездну.

— Жутковато, — сознался я.

Затихли смех и разговоры. Качка повергла в горизонтальное положение почти всех пассажиров. За ночь шторм достиг максимальной силы. Василий Павлов, часто навещавший рубку радиста, принес неутешительные новости. Терпит бедствие парусник «Товарищ». Мы почти совсем потеряли скорость. Выйдя на палубу, можно видеть, как винт корабля то и дело обнажается и работает вхолостую, когда судно взлетает на гребень волны. Я чувствую, что у меня голова налита свинцом. Но лечь не хочется: от этого не легче. Однако к обеду наша каюта является в полном составе. В салоне председательствует Василий Николаевич Манцев, руководитель нашей делегации. Возле него пятеро нас, Станислав Леута да еще три-четыре человека. Остальные лежат вповалку по каютам.

Чесноков в корреспондентской каюте лежит желтый, с ввалившимися глазами, под простыней.

— Как самочувствие? — стараясь держаться бодро, спрашиваем его.

Он смотрит из глубины глазных впадин страдальческим взором и еле выдавливает:

— Проклятье! — И через несколько секунд, подумав, с закрытыми глазами повторяет: — Проклятье!

Рядом с ним Кассиль. Голова его обвязана полотенцем. Худощавый Лев Абрамович выглядит сейчас подвижником, отрешившимся от всего земного. Скре-

стив руки на груди, он стоически переносит страдания. Здесь же всегда неугомонно говорливый, но сейчас приутихший Вадим Синявский.

— Вадимушка! — обращается кто-то к Синявскому. — Надо бы прокомментировать шторм. Волна, еще волна, удар! Мимо!..

Вадим грустно улыбается и говорит:

— Я «вне игры».

На следующее утро состояние «Чичерина» ухудшилось. Павлов приносит новости из радиорубки. Оказывается, капитан запросил Одессу, можно ли нам бункероваться в Констанце. У нас на исходе запас угля. По времени мы должны уже быть в Одессе, а не сделали и одной трети пути. Из Одессы ответили, чтобы бункероваться в Констанцу не заходили: навстречу нам идет ледокол «Торос», который возьмет нас на буксир.

— Шторм достиг двенадцати баллов! — сообщает Павлов.

На палубу выйти нельзя. Свищет ураганный ветер. Вода заливает палубу. Диву даешься, как маленький кораблик выдерживает такое адское напряжение. Трещит корпус. Ощущение какой-то тошнотворной тяжести во всем организме. Даже кое-кто из матросов не устоял против качки — морская болезнь не щадит никого.

Наступает третья ночь. Последнее известие, которое приносит Павлов, — это разрешение идти на бункеровку в Констанцу, так как «Торос» вернулся в Одессу: не мог добраться до нас.

Но мы не можем добраться до Констанцы — не хватит угля.

Третьи сутки беспощадной трепки выдерживает корабль. Команда и пассажиры в крайней степени измождены. Жейщины, дети и мужчины лежат безжизненными телами. Сон не идет. Даже не курит никто, запах табака противен. Только койка Павлова пуста — небритый, осунувшийся, с воспаленными от бессонницы глазами, он все же неумоимо путешествует в радиорубку за последними известиями.

— Мы послали в эфир «SOS»! — зловещим шепотом

том сообщает он. — Дескать, спасите наши души! Все в порядке!

— Ничего себе порядок, — гудит со своей койки Алексей Лапшин.

Слышно, как стонет наш кораблик.

Я, видимо, задремал. В два часа ночи вдруг раздался страшный удар, от которого содрогнулся «Чичерин». Посыпались чемоданы, вещи. Попадали с коек люди. Не успели мы опомниться, как последовал второй, еще более сильный удар и раздалась команда:

— Все наверх!

По коридору уже летят вверх пассажиры. Стремительно проскочил Николай Баскаков, борец-легковес. Он ловко, как заправский моряк, надевает спасательный пояс. Тяжелой трусцой за ним следует изнуренный болезнью Арон Гонжа, просовывая на ходу тучные плечи в спасательный круг.

Наверху, в салоне, собрались все пассажиры. Здесь были иностранцы, сотрудники советского торгпредства с семьями, несколько туристов — бледные, исхудавшие, небритые, перепуганные. А в двери и в стекла салона с ревом рвались потоки воды, остатки разбитых о корабль волн. «Чичерин» содрогался. Катастрофа могла произойти каждую минуту. Встревоженные лица снующих мимо нас и ничего не говорящих матросов.

Помощник капитана объявляет, что сейчас пассажирам будут выданы паспорта и все должны приготовиться к посадке в шлюпки.

Какая посадка в шлюпки? Наш корабль бросает на волнах, как скорлупу от ореха — разве выдержит шлюпка такой шторм? А кругом черное пустынное море, черное небо, свистящий злой ветер...

До нас доносились обрывки фраз, которыми обменивалась команда: «...пробоина в трюме... устанавливают помпы... Подводят пластырь...»

Тут раздался приказ руководителя нашей делегации Василия Николаевича Манцева:

— Спортсмены, ко мне!

Мы окружили Манцева. Тихим голосом он сказал:

— Спортсмены высаживаются последними. Успокойте пассажиров. Помните, ваше настроение должно обеспечить порядок на корабле.

Так все и было. Кое-кто из спортсменов по приказанию Манцева отправился в трюм помогать матросам. Остальные помогали пассажирам перейти из кают с вещами в салон.

Старушка англичанка — откуда и куда она ехала, никто из нас не знал, — старомодная и молчаливая дама, поднялась со своей койки, на которой все время шторма лежала бесстрастная, как мумия.

Мы с Александром вели ее в салон. Она осторожно ступала своими козьими ножками, обутыми в замшевые ботинки на высоких каблуках.

— Кто вы? — спросила она по-английски, повернув к нам свое пергаментное лицо.

— Мы спортсмены, — ответил Александр. — Футбол.

— Футбол? — удивилась англичанка и, брезгливо отвернувшись от него, испытующе оглядела меня.

Когда рассвело, шторм стал утихать. Нас снесло с курса на несколько миль. «Чичерин» сел на мель в двухстах метрах от самого страшного места на Черном море — мыса Мидия. Как утюг, выдвигается этот мыс далеко в море, и на самом краю его чернеют кресты в память о разбившихся об этот мыс кораблях.

Вот шторм и совсем прошел. «Чичерин» на мели. Птицы садятся на корабль — ищут еды. Морская болезнь у всех пассажиров прошла. Пробудился волчий аппетит. Но запас продуктов кончился. Ведь рейс-то рассчитан всего на тридцать шесть часов, а мы в пути уже несколько суток.

Потом, когда вернулись в Одессу, мы прочли в газетах подробности нашего кораблекрушения.

...«Пароход «Чичерин», на котором возвращалась из Турции советская спортивная делегация, из-за шторма продвигался настолько медленно, что у него истощились запасы топлива. Высланный навстречу «Чичерину» ледокол «Торос» из-за шторма вынужден был вернуться обратно в Одессу. В связи с этим Черноморское пароходство по радио предложило «Чиче-

рину» зайти в румынский порт Констанцу для бункеровки».

«Сегодня в 4 часа утра «Чичерин» штормом был выброшен на мель в 10 милях к северу от Констанцы. Пароход находится на песчаном грунте и прикрыт от ветра. Непосредственная опасность не угрожает».

«Несколько улучшившаяся погода дала возможность «Торосу» сегодня на рассвете выйти к месту аварии «Чичерина». Ввиду этого капитан «Чичерина» отказался от предложенной румынскими властями помощи».

В газетах была помещена информация, переданная по радио с парохода:

«Борт парохода «Чичерин» (по радио от нашего спец. корр.) Сидим на мели близ Констанцы. Ждем посланную помощь. Ловим перепелов, садящихся на пароход. Наш спортколлектив по-прежнему шутит, веселится, уверены, что все кончится благополучно. Лев Кассиль».

Да, теперь, когда мы прочно сидели на мели, никто уже не сомневался, что все кончится благополучно.

На календаре 5 ноября. Послезавтра праздник. Ждут ли они нас там? Думают ли о нас? Скорее бы сняться с этого проклятого мыса!

Наконец показался «Торос». Новое осложнение. Волна спала, и ледокол подойти к нам не может. Мелко, а троса, чтобы стащить нас с мели, не хватает. Вот уж действительно: близок локоть, да не укусишь.

Прибыл из Констанцы румынский катер, зафрахтованный специально для перегрузки людей с «Чичерина» на «Торос», и началась новая страда. Для катера волна большая: катер прыгает где-то внизу у нашего борта, как поплавков от удочки, и даже когда его поднимает волна, трапа не хватает.

Спортсмены образовали живой конвейер для погрузки людей и багажа с «Чичерина» на катер и с катера на «Торос». Все было славно организовано.

— Мой чемодан! Мой чемодан! — вдруг раздался отчаянный вопль нашего доктора Дешина. Кто-то

уронил в море чемодан, который, вместо того чтоб утонуть, поплыл по волнам.

«Едва ли кто-либо из нас вспомнил о своем чемодане ночью, — подумал я. — Это хорошо, вещи снова приобрели ценность в нашей жизни».

Чемодан выудили, доктор успокоился. Теперь нам предстояла сложная операция — перегрузить на катер старушку англичанку. Она стояла на палубе, и ее пергаментное лицо не выражало никаких эмоций. В старомодной шляпке с наколкой, в бурнусике, отделанном мехом, в замшевых ботинках на высоких каблучках, она, казалось, сошла со страниц романа Шарлотты Бронте.

Когда ей предложили спуститься вниз, она отрицательно покачала головой. Однако другого пути не было. Путь был один — через перила парохода полетом вниз на катер. Мы с Александром подняли ее вверх, переправили через перила, и она повисла за бортом на вытянутых руках. Трудно было прочесть, что написано в ее глазах, когда она смотрела на нас, держащих ее над колыхающимся в волнах катером. Ее тонкие ножки висели в воздухе, и она судорожно ими перебирала, тщетно ища опоры — опоры не было. Мы разжали руки, англичанка полетела вниз. Ребята на катере ловко подхватили ее, и она благополучно перебралась на «Торос».

— Да, я отшен лублю тепер футбол! — сказала она нам, когда мы с Александром тоже перебрались на «Торос». Это была фраза, выученная ею по русско-английскому словарю, который она держала в руках.

«Торос» вымотал из нас последние силенки. Бортовая качка, свойственная леодоколам, не прекращалась до самой Одессы.

Мы брились, чистились, приводили себя в порядок.

Наконец после шестидневного путешествия мы на твердой почве. Одесса встретила нас радушно. Хотя одесситов морскими сюжетами не удивишь, в порту и в Красной гостинице, где мы остановились, собрался весь боельщицкий актив города. Как они волновались за нас! В пароходстве, не умолкая, звонили телефоны — где «Чичерин»? Как чувствуют себя спортсме-

ны? В порту круглые сутки дежурили болельщики, всматриваясь в морскую даль: не идет ли «Торос».

Теперь незнакомые люди обнимали, целовали нас, засыпали вопросами, звали к себе домой, в рестораны, приносили вино, конфеты.

— Дайте им, наконец, отдохнуть! — кричал кто-нибудь из болельщиков, когда в номере набивалось столько народу, что не хватало воздуха.

— Да, да! Им надо отдохнуть! — подхватывали остальные, но никто не уходил.

Наших друзей интересует больше всего сейчас очень деликатный вопрос: не согласимся ли мы провести одну игру в Одессе. Только одну игру!

— В нашем городе открыт новый футбольный стадион, шикарный стадион! А завтра уже праздник. Великий Октябрь! Не в дороге же вы будете проводить праздник! — льстиво уговаривает нас Серафим Пулемет, портовый грузчик, корифей одесских болельщиков.

Двадцать голосов отвечают Серафиму Пулемету:

— Они проведут праздник у нас! Смешно думать, что они не сыграют на новом стадионе! Смешно и дико!

Тогда болельщики делятся на две партии. Одна считает, что нам нужен покой, другая — что лучший отдых — это спортивное состязание.

Пока они спорят до хрипоты, мы с Александром уплетаем яичницу-глазунью в двадцать пять яиц — проголодались в пути.

Громче всех спорит старик Гроссман. Это ветеран одесского футбола, живая история спортивных состязаний за последние сорок лет. Вместе с ним болельщики вспоминают о былой спортивной славе их города. Мелькают имена Богемского, Штрауба, Котова, Злочевского...

Нашим хозяевам есть что вспомнить. Одесса — город-пионер русского футбола. В 1913 году сборная Одессы выиграла в финале у команды Санкт-Петербурга со счетом 4:2 и стала чемпионом России. Вот оттуда-то и пошла слава Григория Богемского, знаменитого центрфорварда, игрока сборной России.

Не меньшую популярность завоевал и Александр Злочевский. Воспитанный в бедной семье, сын прачки, он, как и многие, начал с уличного футбола. Была в городе такая полянка под названием «Черное море». Вот на ней с утра до вечера и гонял мяч босиком будущий премьер Одессы. Морские офицеры заметили даровитого мальчишку. Помогли определиться в мореходное училище, и «Злот», как его любовно до сих пор называют в Одессе, семимильными шагами двинулся по пути футбольной славы. Я еще успел сыграть против Александра Злочевского. Он уже был «старик», что-то около тридцати пяти лет. Рослый, тучноватый, с борцовой шеей, он выглядел очень мощно. Мне запомнился его великолепно поставленный удар.

— Он помнит Злота! — восторженно кричит Серафим Пулемет и накладывает мне на тарелку свежую серебристую скумбрию. — Ешь, мой мальчик, питайся, ты отошал от кораблекрушений!

Серафим романтик. Я помню его еще по прежним приездам в Одессу. Когда-то он во главе группы портовых грузчиков, таких же балагуров и зубоскалов, как сам, в широких шкерах, подпоясанных красными кушаками, являлся в Вагнеровский переулок, возле Французского бульвара, ворочал бревна и кайлил землю. Бескорыстно, так сказать, в порядке общественного энтузиазма, они возводили стадион для популярнейшей одесской команды «Местран».

Однажды одесситы не оправдали его надежд в каком-то междугородном матче, проиграли. Встречая возвращающуюся команду, Пулемет низко поклонился игрокам и преподнес им букет... из репейника и бурьяна.

— От благодарной Одессы! — прокричал он проигравшим футболистам и горько заплакал.

Одесситы умеют ценить футбол и понимают, что такое настоящий класс игры. Вместе с тем они любят в футболе «коники», замысловатые трюки, необычайные приемы. Маленький верткий Тимофей Коваль как-то во время игры вдруг зажал в своих кривых ногах мяч и проворно поскакал с ним по полю, «обводя»

противника. Видавший виды одесский стадион взревел от восторга, ошеломленный таким фокусом.

Герман Бланк, бывший игрок сборной Одессы, прославился футбольным аттракционом по названию «рыбка». Когда чуть отпущенный мяч, казалось, шел к ноге противника, Герман Бланк бросался на спину ногами вперед, в последний момент успевая поставить подошву бутсы перед мячом. Создавался неожиданный упор. Противник спотыкался и падал. Бланк вставал, продвигался вперед и проделывал то же со следующим противником. Получалось весьма эффектно.

— А Котов?!

— О, король офсайда! Король офсайда! — перебивая друг друга, восклицали наши собеседники.

Котов в памятном матче сборной СССР со сборной Одессы в 1925 году во главе защиты парализовал нападающих гостей тем, что искусственно создавал положение «вне игры». Судья зафиксировал, по уверению болельщиков, больше сорока офсайдов. Матч, к гордости одесситов, не принес успеха сборной СССР. Тогда сборная СССР так и не забила ни одного гола.

— Так вы дадите Одессе игру?

— А как же они не дадут Одессе игру!

— А кто им посылал на выручку «Торос»? Кто за них волновался, ночи не спал? Одесса!

Сборная СССР дала Одессе игру. Она состоялась на новом большом стадионе. Дул холодный ветер с моря. Моросил осенний дождь. Но стадион был полон. На трибунах бушевали Гроссман и Серафим Пулемет.

А невдалеке сидела наша попутчица, англичанка. Она болела за сборную СССР: я видел, как она аплодировала, когда наши забили в ворота Одессы первый гол.

На другой день мы уехали в Москву. Нас провожали футболисты, Серафим Пулемет, Герман Бланк, все наши новые и старые знакомые. Они не сердились на нас за проигрыш одесситов.

— Мы за красивую игру! — кричал Пулемет. — Вы показали игру, и Одесса вам благодарна. Приезжайте опять, помните, в этом городе любят футбол!

Но еще больше в этом городе любят друзей, даже если они не футболисты.

Это был последний матч сборной Советского Союза перед огромным перерывом.

Следующая игра сборной СССР состоялась только через семнадцать лет, в 1952 году.

XVI. ПОРАЖЕНИЕ

«Гвоздь новогоднего спорта!» — «Рэсинг». — Тренер Кэмптон. — Встреча Нового года. — В спорах о составе. — «По игре». — Якушинские позывные. — Акимов — человек-угорь. — Пот, дождь, слезы. — Лекция Кэмптона. — Опять «дубль-вэ»!

И вот мы подошли к одному из самых драматических эпизодов в истории советского спорта, к эпизоду, имевшему, на мой взгляд, весьма важное значение для выработки новой системы игры, для тактики и стратегии футбола.

Кончался 1935 год. В декабрьский день, когда мы после хоккейной игры снимали в раздевалке коньки, вдруг услышали новость: французский клуб «Рэсинг» приглашает на новогодний матч московских футболистов.

После аварии на «Чичерине» и игры в Одессе мы больше месяца не притрагивались к футбольному мячу. На подготовку оставалось совсем мало времени — не более десяти дней.

Однако Бернар Леви, хозяин «Рэсинга», получив заранее принципиальное согласие, уже расклеил по Парижу кричащие афиши, рекламировал «гвоздь новогоднего спорта» — приезд сильнейших футболистов Москвы.

Здравый смысл говорил нам, что ехать сейчас в Париж не стоило. Однако здравый смысл не всегда побеждает. Отказ наш грозил предприимчивому спортивному коммерсанту большими убытками. Да нам и самим захотелось попробовать силы в борьбе с сильнейшей европейской командой. «Рэсинг» только что сыграл вничью со знаменитым «Арсеналом». Еще до выезда мы знали, что тренировать «Рэсинг» к этому

матчу приглашен тренер английской сборной команды Денис Кэмптон, сам в прошлом известный профессиональный игрок. Знали мы, что состав команды «Рэсинг» будет пополнен лучшими игроками других профессиональных европейских клубов. Были там и австрийцы — вратарь Хиден и центр защиты Жордан; немец — защитник Шмидт; и англичанин — правый полусредний Кеннеди; и алжирец — центрфорвард Куар; и сенегалец — защитник Диань; и левый полусредний Живкович из Югославии. Французы Дельфур и Бонид — полузащитники, Венант, Мерсье — крайние нападающие.

Парижане готовились к встрече с нами. Год назад французская пресса рассматривала выступление советских футболистов в Париже на антивоенном слете как «откровение». Газеты писали, что никто из парижан не предполагал, сколь высок класс русского футбола. Бернар Леви готовил своих «мальчиков» к встрече, не жалея денег. Он знал, что делал: билеты на стадион «Парк де Пренс» в Булонском лесу были проданы за неделю до матча по повышенным ценам. А стадион вмещал свыше шестидесяти тысяч зрителей.

Знакомый нам Северный вокзал — Гард дю Норд — на этот раз строг, официален. На перроне корреспонденты, фотографы, специалисты футбола. Деловито они готовят спортивную сенсацию: Париж—Москва, новогодний матч! По установившейся традиции в этот день в «Парк де Пренс» устраивается международная встреча наивысшего интереса. Узнаем на вокзале представителей газет Венгрии, Англии, Австрии, Югославии. Они хорошо информированы. И о победе над «Жиденице» и о ничьей со сборной Праги в Москве. Представитель «Спарты» Србени здесь же на вокзале приглашает нас сразу после матча ехать в Прагу. Нас фотографируют, интервьюируют...

Но у нас каждая минута на счету. До матча остается всего три дня. Надо хоть немного привыкнуть к полю. Для тренировок нам предоставили стадион «Коломб», олимпийский стадион 1924 года. Замеча-

тельное травяное поле. А рядом с центральным — еще добрая дюжина полей с вечнозеленым травяным покровом. В процессе тренировок мы сыграли двухстороннюю игру, разбившись на две произвольные партии. Не хотелось раскрывать своего состава. Да мы и сами еще окончательно не определили его. В Париж прибыли две команды — «Динамо» и «Спартак». Из них и предстояло отобрать игроков для сборной Москвы.

На этом же стадионе тренировался и «Рэсинг».

Нас удивило, что французские футболисты тренировались накануне игры. Мы обычно в этот день отдыхали. Набирались сил. Решили поехать посмотреть противника. Газеты были заполнены портретами. Сейчас на поле мы без труда узнали высокого худого негра Дианя, маленького кривонного Кеннеди, быстрого светловолосого Куара, рослого, хорошо сложенного Живковича.

Наши будущие соперники вышли на поле в облегченной обуви. Футболисты вполтемпа разминались и потом на центре поля играли в футбольный теннис. Манера работы с мячом отличалась непринужденностью и легкостью. Пока команда тренировалась в центре поля, сам Кэмптон работал с вратарями. Пожилой, седой человек в тренировочном костюме наносил удары с полулета по воротам. Вратарь ловил мяч и отсылал назад. Кэмптон работал как машина: бил без осечки, влево, вправо от вратаря, прямо. По движениям и точности удара в нем угадывался большой мастер футбола.

Тренировка показала нам высокое техническое мастерство, скоростные качества игроков. Но главное осталось пока скрытым: тактика!

За два дня до этого мы застали конец традиционной в Париже рождественской пульки. В ней играли команды Австрии — «Виенна», Венгрии — «Ференцварош» и французские — «Рэсинг» и «Сошо».

Выдающийся класс «Ференцвароша» еще тогда обратил на себя наше внимание. Нападение возглавлял фаворит венгерского футбола, европейская знаменитость доктор Сароши. «Ференцварош» крупно

разгромил «Виенну». Однако, отдавая должное высокотехничной и планомерной игре венгров, мы, сидя на трибунах, ничего необычного в их системе не увидели. «Рэсинг» выступал дублем. Нас удивило, что полузащитники ведут отбойную игру.

— Почему они так сильно бьют? — недоумевали мы и осуждали центрхавбека, совершенно не помогавшего нападению. Мы не постигли сути дела! Все до единого, мы не понимали, что наблюдаем новую систему, сущность которой сводится к изменению функций игроков в защитных линиях.

Вечерний Париж готовился к встрече Нового года. Бары, кабаре, дансинги искрятся разноцветными огнями. Рестораны, варьете — им нет числа — готовы к приему новогодних гостей. Мы тихо бредем к себе в отель, и всем нам немножко грустно. Привыкли Новый год встречать дома, с близкими и родными людьми.

Но грустить некогда. Надо собраться всем вместе и обсудить состав команды.

«Спартак» — «Динамо», непримиримые соперники на поле, сейчас мы единый коллектив, и у нас единая цель: найти лучший вариант состава. Ни тени местнических настроений. Ни брат, ни сват роли не играют. Неважно, кто ты: спартаковец или динамовец. Важно, кто сильнее!.. Какой это труднейший вопрос!

Кто будет играть вратаря? Их приехало четверо. Вратари номер один — Иван Рыжов и Евгений Фокин; вратари номер два — Александр Квасников и Анатолий Акимов.

Иван Рыжов вдруг затемпературил. Евгений Фокин чувствует себя не совсем в порядке. Александр Квасников впервые за границей: выдержат ли нервы? Не ставить же Анатолия Акимова? Он и в Москве то ни разу в крупных матчах не выступал. Сколько копий ломалось в споре о составе команды! Какие диаметрально противоположные суждения высказываются об одном и том же игроке!

На этот раз в Париже нас четыре брата — Николай, Александр, Петр и я. И у каждого свой вариант

состава. Согласия сейчас между нами нет. Нет согласия и между другими. Кричим до хрипоты, спорим, приводим десятки примеров, предлагаем десятки комбинаций. Наконец согласие достигнуто. После многочасовых прений приходим к решению.

В ворота поставлен все-таки Акимов. Остальные места занимают: в защите — Александр Старостин (капитан), Лев Корчебоков; в полузащите — Александр Ремин, Андрей Старостин, Станислав Леута; в нападении — Алексей Лапшин, Михаил Якушин, Василий Смирнов, Василий Павлов, Сергей Ильин.

А как будем играть?

Будем играть нашей обычной тактикой: хавбеки держат крайних нападающих противника. Защитники охраняют зону. Центrxавбек помогает своему нападению. Центровую тройку противника прикрывают «по игре». Этот термин был самый распространенный и самый удобный для игроков. Этим «по игре» можно было объяснить любое действие на поле. Получалось раскрепощение игроков защиты от персональной ответственности за нападающих противника. А центрхавбек имел полную свободу действий и регулировал свою игру в нападении или защите по своему усмотрению. С «Жиденице», игравшей примерно по такой же системе, как и мы, это не было решающим фактором. С «Рэсингом» наша тактика оказалась губительной. Наши старшие товарищи Константин Павлович Квашнин, Федор Ильич Селин и Николай Петрович Старостин — заслуженные футболисты — в игре не участвовали. Они руководили нами, тренировали нас. Талантливый спортсмен, чемпион России по борьбе, хороший конькобежец, боксер, Константин Квашнин был в свое время игроком сборных команд по футболу и хоккею. Николай Старостин был официальным представителем комитета. Федор Селин особых полномочий не имел. Да они и не нужны были ему. Спортивные биографии этого триумвирата были гарантией их авторитета.

Да и сами мы были не новички.

Все игроки, кроме Анатолия Акимова, имели уже порядочный опыт международных встреч и у себя до-

ма и за рубежом. Сейчас мы, казалось, уже знали цену профессиональному футболу на опыте.

— Сыграет ли Анатолий? Не сделает ли ошибки? Не поправить ли дело, пока не поздно? — спрашивали ребята друг друга.

Пожалуй, это и было главным предметом беспокойства.

Что же касается тактики игры, то на этот счет мы не очень беспокоились. Во всяком случае, никаких сюрпризов не ожидали.

В первый день нового, 1936 года в Париже выдалась довольно пасмурная погода: временами моросил дождик, на термометре десять градусов тепла.

Булонский лес. Стадион «Парк де Пренс» — парк принцев. Вокруг стадиона кишачий муравейник, предматчевый ажиотаж.

В парижских стадионах раздевалки изолированы от зрителя: отдельный вход, попасть постороннему не легко. Это хорошо. Команда раздевается в покое, не отвлекаясь ненужными разговорами с посторонними.

Мы вышли на поле, и парижане тепло встретили нас. Стадион забит до отказа. Мы бежим вокруг поля и против каждой трибуны, выстроившись по линии поля, приветствуем парижан:

— От советских спортсменов парижанам новогодний физкультпривет!

Этот привет вызывает бурную реакцию трибун.

И вот, наконец, начинается эта беспримерная по своему драматизму и поучительности игра.

Игроки «Рэсинга» не поразили нас какими-либо необычайными качествами. Арсенал технических средств наших футболистов не уступал противнику. Сергей Ильин, Василий Смирнов, Михаил Якушин заставили восторженно загудеть трибуны на первых же минутах игры. Хитроумные передачи в одно касанье, неожиданные финты, ложные замахи, прекрасная обработка мяча, скорость позволили нашей команде сразу вторгнуться в зону штрафной площади французов. Там много работает центр полузащиты Жордан. Вот Василий Павлов на выходе бьет по во-

ротам. Гол? Нет. В последнюю секунду выступает Жордан. Стремительный проход Лапшина по правому краю. Прострел вдоль ворот. Шмидт не успевает и глазом моргнуть: верткий как юла, Сергей Ильин уже проскакивает мимо него и идет на мяч. Гол? Нет. Жордан успел подставить ногу! На половине поля «Рэсинга» тесно. На нашей половине свободно. У них впереди лишь два края и Куар. Оба инсайда оттянуты назад. Однако странная вещь: мы нападаем чаще, но моменты атаки острее у них. И больше всех грозит Куар. Вот когда Акимов начинает набирать очки. Только что мы остро атаковали, и вдруг проход Куара. Секунда... Удар! Гол? Нет. На трибунах рев. В невероятном броске Анатолий ловит мяч, по инерции делает кульбит, и стадион раскалывается от взрыва веселого восторга: длиннющие ноги Анатолия вздымаются вверх, он стоит на голове, балансируя в воздухе своими жердями. Но мяч крепко прижимает к груди!

В чем же дело? Почему то Куар, то Венант, то Мерсье так неожиданно и как-то легко, как нож масло, проходят нашу защиту?

Уже несколько раз публика награждает овацией Анатолия. Сколько же можно уповать на вратаря? Правда, наше нападение продолжает удерживать территориальное преимущество. Но гола по-прежнему нет. «Рэсинг» защищается отчаянно, на штрафной площади по-прежнему теснота.

На шестнадцатой минуте вырывается Куар. Он идет прямо по центру. Слева от него Корчебоков, справа — Александр. Куар шествует, как по коридору. А где был я? Я не успел вернуться, поддерживая атаку форвардов. Куар ударяет по воротам, и над трибунами летят вверх шляпы. Гол? Да! «Рэсинг» ведет, 1:0. Мы отвечаем яростной атакой, штурмуют ворота хозяев и с фланга и с фронта. И как ни старается «Рэсинг» сбить темп штурма и удержать перевес в счете, ему не удастся это сделать. Владея мячом и проходя с ним мимо атакующего меня Дельфура, я слышу якушинские позывные: «А-а!» Теперь все футболисты пользуются этим кратчайшим сигналом,

Сборная команда Москвы в Париже. Перед матчем с «Рэсингом». Слева направо: Н. Старостин, Ал. Старостин, Акимов, Якушин, А. Старостин, Лапшин, Корчебоков, Леута, Павлов; внизу: Смирнов, Ремин, Ильин.

Кубок 1939 года у «Спартака». Верхний ряд слева: Малинин, Степанов, Глазков, А. Соколов, Протасов, В. Соколов, Артемьев, Гуляев. Нижний ряд: Гучков, Вис. Соколов, Семенов, Корнилов, Акимов, Жмельков, А. Старостин.

автором которого является Михаил Якушин. По интонации я понимаю, что Михей открыт, что позиция острая, что пас надо дать мгновенно. Я передаю ему мяч, он в темпе ударяет с полулета, и счет становится 1:1.

— Разберитесь в защите! — кричат нам с тренерской скамейки Николай и Квашнин.

Мы и сами пытаемся понять, в чем у нас ошибка. Пытаемся, но не понимаем. По-прежнему наши крайние хавбеки играют широко на флангах. Два защитника держат зону слева и справа, и где-то между ними просачивается Куар. Я, центр полузащиты, мечусь между двумя оттянутыми назад инсайдами и чувствую, что несу сверхмощную нагрузку. За выдвинутым вперед Куаром в защиту не успеваю, ибо я единственный полузащитник, поддерживающий атаку и обеспечивающий борьбу за центр поля. Какая тактическая близорукость!

— Андрей, отодвинься назад и займи место центрального защитника! Леута и Ремин, держите не краев, а полусредних! Александр и Корчебоков, контролируйте игру крайних нападающих! — приказал бы любой современный тренер в такой обстановке.

Но никто из нас тогда не знал правильного ответа на новую для нас тактику «Рэсинга».

В перерыве к нам в раздевалку заходят полпред Советского Союза во Франции и гастролировавшая в парижской Гранд-Оперá балерина Марина Тимофеевна Семенова. Они никак не могут понять причины нашей неудовлетворенности.

— Чем вы недовольны? Вы так хорошо играете: парижане просто в восторге! — говорит нам Марина Тимофеевна. Ее поддерживают и другие присутствующие. Нам говорят комплименты. Ах, как нам не нужны сейчас эти комплименты!

— Кто из вас держит Куара? — еле сдерживая раздражение, спрашивает Николай.

— А кто его должен держать? — еще более раздраженно отвечаю. — Если я, то мне надо встать на своей штрафной площади.

— Тогда мы разорвем связь полузащиты с нападающими, будет еще хуже, — говорит Квашнин.

— Пусть один из защитников плотно закроет Куара, — настаивает Николай.

Это полумера. Но она позволяет нейтрализовать так непривычно для нас выдвинутого вперед центрфорварда. Весь второй тайм игра идет с переменным успехом. Матч близится к концу. Каждый бросок Анатолия Акимова вознаграждается овацией.

— Бубуль! — аплодируют болельщики Сергею Ильину. Парижане заметили в нем сходство со знаменитым французским комиком Бубулем.

До конца игры остаются минуты. Кажется, матч закончится вничью. И вот тут Кеннеди из глубины поля сильным ударом посылает мяч на нашу сторону. Никто из нападающих противника не выходит на этот пас. Мяч следует к угловому флагу. Ближе всех к мячу Александр. У него много вариантов, как разыграть момент. Он может пропустить мяч в свободный, может отыграть вратарю, может ударить в аут, может, наконец, ударить в корнер. Все это простые, но надежные решения. Та самая простота, которая ценнее замысловатых ходов у своих ворот и которая, к сожалению, часто встречает реакцию осуждения у неквалифицированного зрителя.

Александр не желает сыграть просто. Он выбирает классный и при обычных условиях не трудный для исполнения вариант. Он решает ударить мяч в поле. Для этого надо развернуться на сто восемьдесят градусов. Все делается технически верно. Но бегущий по пятам Живкович разгадывает намерение Александра и в момент удара высоко прыгает. Мяч попадает в Живковича. И вот здесь происходит непоправимое. На мокром грунте, круто разворачиваясь, Александр, поскользнувшись, падает. Живкович выскакивает на лицевую линию с мячом один, оставив позади себя лежащего Александра.

Позже, анализируя этот момент, я вспоминал, когда и при каких обстоятельствах я переживал такой же немой страх, ужас неминуемой катастрофы. При игре в сыщики, когда тот же Шурка выстрелил в меня

в упор? Нет. Под трамваем, когда меня выдернул из-под колес Василий Захарович? Нет! Это было, когда я тонул. В весеннее половодье на реке Шахе в селе Елизарово подо мной, двенадцатилетним мальчонкой в зипуне и в валенках, обломилась кромка льда, я рухнул в черную стремнину реки. Отчаянно я хватался за ноздреватую кромку уходящего от меня ледяного берега. Невероятным усилием выкарабкался из воды. Но за то короткое время, что я барахтался в бурлящей черной воде, в моем охваченном ужасом воображении промелькнула вся моя недолгая жизнь. Так и сейчас. Когда Живкович остался вблизи ворот один, сердце мое сжалось. Как в калейдоскопе, промелькнули лица знакомых, друзей, обманутых в своих ожиданиях. А в ушах откуда-то из глубины гудел голос дяди Мити: «Осрамили Россию, голоштанники!»

А Живкович делает свое дело. Он мгновенно передает мяч как из-под земли вынырнувшему Куару. От удара Куара мяч попадает в ближнюю стойку, Но мяч мокрый, он падает, срезается в ворота.

Все это происходит так неожиданно и быстро, что стадион, ошеломленный случившимся, первые секунды молчит. Возникает пауза недоумения. Только когда судья приказывает начать игру с центра, трибуны сотрясаются от ликования.

Наш мощный бросок всей командой на штурм «Рэсинга» результата не меняет. Траурным финальным аккордом звучит сирена судьи, извещающая об окончании матча. Мы проиграли.

Мы уходим с поля так же организованно, как и пришли. Рукопожатие и дружное приветствие победителям. Под шумные одобрительные крики зрителей Александр уводит команду с поля. Необычно ссутулился широкоплечий капитан. Лица игроков влажны. Что это? Следы дождя, пот, слезы? Всё вместе. Великие радости сопровождаются великим шумом, великие печали — тишиной. В раздевалке царит гробовое молчание. А Москва уже названивает по телефону: «Результат известен. Сообщите подробности». Толпы болельщиков у репродукторов в Москве ждут сообще-

ний из Парижа. Да, невесело начали мы новый, 1936 год!

На следующий день в Париже нет газеты, не откликнувшейся на прошедшую игру. Вот некоторые выдержки:

«Московская команда подтвердила международный класс русского футбола. Счастье изменчиво. Вчера оно оказалось на стороне «Рэсинга», но ничейный результат матча был бы более справедливым. Обе команды полностью оправдали доверие и чаяния своих сторонников. Исключительно хорошо играл Акимов, показавший технику, ставящую его в один ряд с такими международными знаменитостями, как вратари Хиден, Заморра, Комби и Планичка».

«Эксцельсиор».

«Советские футболисты покорили вчера Париж. Никто не ожидал такого блестящего зрелища. Московские футболисты выявили бесспорное техническое превосходство. Их стиль — форменное откровение. Мы увидели команду, играющую с большим изяществом, легкостью и непринужденностью».

«Пари суар».

«Качество игры русских футболистов тем более достойно похвал, что они редко встречаются с первоклассными иностранными командами. Москвичи произвели прекрасное впечатление. Отличное владение мячом, хорошая обводка и ловкость — вот что характерно для них. Не хватает им умения завершать комбинации ударом по воротам».

«Журналь».

«Московская команда проиграла, но она ничуть не разочаровала многочисленных зрителей. Она дала нам возможность насладиться тонкостью игры и виртуозностью своих игроков».

Из всей команды лучше всех, бесспорно, играл вратарь Акимов — «человек-угорь», игрок очень высокого класса. Также нужно отметить Смирнова, обладающего великолепной обводкой и подвижностью, левого края Ильина, испортившего много крови за-

щите «Рэсинга», Якушина, забившего единственный мяч, и полузащитников А. Старостина и Леуту».

«Эко де Пари».

«Счет два — один свидетельствует о том, что команды равны по силам. Если бы русские лучше заканчивали комбинации ударом по воротам, счет был бы иным. Русские прекрасно владеют мячом и умеют его хорошо и точно передавать. Манера их игры во многом напоминает чехословацкую. В целом русская команда несколько грешит защитой, но обладает блестящим нападением».

«Републик».

«Москва обладает великолепным нападением. Мне иногда казалось, что передо мной австрийская «Вундертим» («Чудо команда»), несколько лет тому назад считавшаяся непобедимой, так как она обладала тем самым качеством, которого не хватало сегодня нашим противникам, — умением бить по воротам. По мнению Жордана, центра полузащиты «Рэсинга», это лишило москвичей заслуженной ничьей».

«Эксцельсиор».

Это в парижских газетах. Пришли и иностранные.

«То, чему мы были свидетелями, просто невероятно. Русские нападали с первых минут и до конца матча. Они форменным образом штурмовали французские ворота. Между тем они проиграли. Французы же, все время защищавшиеся, ограничивавшиеся всего лишь несколькими прорывами, победили».

«Прагер Тагеблатт» (Прага).

«Русская команда выступала явно не тренированная. Этим, по-видимому, объясняется ее проигрыш «Рэсингу». Несмотря на это, русские на протяжении всего матча держали под угрозой французские ворота».

«Эндепанданс Бэльж» (Брюссель).

«Счет два—один в пользу «Рэсинга» еще не означает перевеса одной команды над другой».

«Морнинг Пост» (Лондон).

Хорошие отзывы. Но они не вскрывали главного. Скрытые действующие пружины матча оставались

вне поля зрения газетных обозревателей. Их нам объяснил Кэмптон. Он любезно согласился прочесть лекцию о системе игры английских профессионалов, о той системе, которой придерживался «Рэсинг» в матче с нами.

Ровно в назначенный час Кэмптон приехал в гостиницу «Кавур». С английского на русский нам переводил Алексей Алексеевич Игнатьев, автор популярной книги «50 лет в строю». Он добродушно иронизировал по поводу незнакомой ему футбольной терминологии:

— Что такое атака, мне, как военному человеку, понятно. Защита тоже не ставит меня в тупик — по военному это будет оборона. Но вот что такое полузащита — увольте, не постигну! — шутил он.

Кэмптон объективно проанализировал матч. Отдал должное каждому из нас в отдельности, сказал, что потенциал игроков Москвы больший, чем у игроков «Рэсинга». Но лучшая система игры французской команды лишила нас победы. Из его слов мы поняли, что главное отличие сводится к другой расстановке игроков. Центр полузащиты играет центра защиты.

— Вот почему Жордан успевал на все ваши проорывы!

— А кто же держит центровую тройку? — задал я вопрос.

— Центрфорварда держит центр защиты, а инсайдов держат крайние хавбеки.

О том, что на Западе играют по новой системе, «дубль-вэ», мы слышали и раньше. Несколько лет назад Вахаб нам рассказывал об этом. Были отрывочные сведения и в нашей прессе. Однако конкретного изложения схемы расстановки игроков, их персональных функций мы не знали. Были и другие секреты новой тактики, которые сейчас известны любому нашему тренеру.

Да, нам было над чем призадуматься!

Ломались представления об игре, которые складывались годами. Лекция Кэмптона породила споры, мнения разделились. Одни говорили, что это защитный вариант и потому порочный. Другие опровергали.

Споры продолжались долго, до тех пор, пока команда басков практически не внесла ясность в этот вопрос.

В плохом настроении поехали мы из Парижа на юг Франции. В Марселе, в Лионе, в Ницце мы обыгрывали слабых противников. Но это не приносило нам утешения. Нас пригласили в Испанию, и мы отказались. В Прагу мы тоже не поехали. Мы жаждали реванша с «Рэсингом». Под каким-то предлогом Бернар Леви не дал согласия на реванш, мы вернулись в Москву.

Пограничник на станции Негорелое Мартыненко на этот раз остался без трофея.

XVII. ПРОКЛЯТЫЕ ШИПЫ

«Тридцать лет, или жизнь игрока». — Трудный орешек. — «Банкротство!» — Шипы и тернии. — Сильнодействующие яды. — «И это будет «Спартак»!» — Тарасовка. — Состязание клубов. — Шипы выдержали.

Безвозвратно миновала пора мятежной юности. То, что казалось раньше простым, ясным, понятным, оказывалось сложным. Менялся взгляд на события, на людей, изменился и наш быт. Все мы, четверо братьев и две сестры, обзавелись семьями. Появились дети. Каждый из нас имел собственный круг друзей. Покинут домик на Камер-Коллежском валу. Николай уже перестал играть, теперь он заместитель председателя общества. Мы по-прежнему дружили и часто встречались. Кроме родственных отношений, нас всех связывала любовь к спорту, который, как всегда, был нашей главной страстью. Но изменилось отношение и к спорту. Хотелось осмыслить процессы, происходящие в отечественном футболе, постигнуть смысл недавнего поражения в Париже. Чувство неудовлетворенности не покидало меня. Мы не нашли правильного ответа, да и найдем ли когда-нибудь, неизвестно. А мне уже тридцать лет!

Я попробовал поделиться своими мрачными переживаниями с другом детства Сергеем Ламакиным.

Он выслушал меня, зевнул и сказал:

— Была такая старинная французская мелодрама «Тридцать лет, или жизнь игрока». Коронная роль провинциальных трагиков. Поступай в трагики.

Вот и делись переживаниями с друзьями детства!

— Ну что, не по зубам орешек оказался? — обращается к нам, четверым братьям, Клавдия. Мы все — Николай, Александр, Петр и я — участники поездки в Париж, и мы в ответе. Однако ответить нечего. Зубы у нас оказались недостаточно крепкими.

— А Куар действительно сильный игрок? — продолжает допрашивать Клавдия.

Она сама опытный, классный спортсмен — центр-форвард хоккейной команды мастеров «Буревестника», игрок сборной Союза по волейболу, теннисистка, — она разбирается в спорте, и ей надо отвечать квалифицированно. Пока я думаю над ответом, Клавдия добавляет, обращаясь ко мне одному:

— Сам-то ты как сыграл?

— Люди говорят, неплохо.

— А по-твоему?

— А по-моему, хоть и неплохо, да неверно.

— То есть как это «неплохо, но неверно»? Абсурд какой-то. Раз неверно, значит плохо! — резюмирует Клавдия.

— Тактически неверно, — защищаюсь я. Но чувствую, что ничего не могу противопоставить железной логике Клавдии.

— Неверно — значит плохо. Именно так! Но кто виноват в этом «неверно»?

Да, кто виноват? Действительно, наши тренеры не нашли правильного ответа на тактику «Рэсинга». Но и я ничего не сделал, чтобы локализовать Куара. Где же творческая инициатива игрока, о которой я так много ораторствовал? Зачем обвинять других в том, в чем сам виноват не меньше?

— Банкротство! — говорю я. — Неожиданное и закономерное. Тут дело не в технической ошибке Александра. Даже сыграй мы вничью, ничего бы не изменилось: наша тактическая незрелость от этого бы не уменьшилась.

Нужно думать, не бояться поломать голову, не

амнистируя себя. Футбол — игра творческая. Как и все в жизни процессы, спортивная тактика не стоит на месте, она развивается, совершенствуется, изменяется. А мы, «старики», не должны плестись в хвосте у этого процесса, мы должны понять его, возглавить. Наша ответственность вдвое возрастает — ведь мы капитаны, воспитатели молодежи, у нас есть последователи, ученики. От наших решений в значительной степени зависит рост советского футбола, спортивная честь страны.

Все больше и больше внимания спорту уделяло наше государство, нам давались большие средства, были созданы условия, каких нет ни в одной стране мира.

Вот, например, наша фабрика «Спорт и туризм». Мы были завалены заказами. Расширялось производство, осваивались новые виды продукции, вводились в строй новые цехи. Но и тут было не гладко. Возникали с каждым днем новые трудности. Нам никак не удавалось добиться выпуска хороших легкоатлетических туфель для бегунов. Металлический шип замучил нас. Мастера фабрики не могли уловить нужную степень закалки стали. Во время испытаний на дорожке шипы или ломались, или гнулись. Знаменитые бегуны братья Серафим и Георгий Знаменские попробовали десятки образцов, но после каждого очередного испытания следовало самое отрицательное заключение. Перевернутая подошвой вверх туфля являла собой печальное зрелище: вместо стройного ряда шипов виднелись торчащие в разные стороны обломки или какой-то кустарник с изогнутыми стволами. Проклятые шипы!

Ко всему этому прибавились еще новые неприятности. В «Рабочей Москве» появилась статья о нарушениях хозорганами правил кредитной реформы. В числе нарушителей упоминалась фабрика «Спорт и туризм». Через несколько дней вызов к районному прокурору. Последовала беседа «с внушением» о том, что выписка бестоварных счетов, даже в целях выплаты зарплаты рабочим, есть дело незаконное. В случае повторения к нарушителю будут применены

более строгие меры. И вдруг прокурор задал вопрос, который вконец мне испортил настроение:

— Ну, расскажите, товарищ Старостин, как же это вы французам-то проиграли? Что это у них за Куар такой?

Как мог я ответить на этот вопрос?

Несколько времени спустя меня телефонным звонком вызвали в другое учреждение. Военный в чине майора вежливо, но сухо поздоровавшись со мной, когда я вошел в его кабинет, предложил присесть.

— У вас какой профиль производства?

— Мы изготавливаем мягкий спортивный инвентарь.

— А сильнодействующие яды у вас в производстве употребляются?

— Яды? — переспросил я, недоумеваю.

— Да, яды. Цианистый калий, например.

Я в неведении пожимал плечами и никак не мог сообразить, для чего бы нам мог понадобиться цианистый калий. «Это похлеще иммобилей», — думал я про себя.

— Да знаете ли вы, что у вас на складе фабрики без соблюдения профилактических мер хранения лежит несколько десятков килограммов цианистого калия?

Меня холодный пот прошиб, когда майор сказал, что такого количества хватит, чтобы отравить всю Москву.

Впредь до выяснения обстоятельств дела майор взял у меня подписку о невыезде.

Дело разъяснилось просто. Цианистый калий в очень малых дозах шел для изготовления пресловутых шипов, производство которых мы осваивали очень долго. Кто-то перепутал граммы с килограммами, кто-то просмотрел ошибку, и, пока я в Париже постигал секреты кэмптоновской тактики, к нам на склад попал цианистый калий в количестве, обеспечивающем изготовление шипов на несколько веков вперед.

— Неудачный, неудачный год! — жаловался я Николаю, рассказывая о неприятностях на работе. Настроение и у него было плохое. В эту весну впервые разыгрывалось футбольное первенство между клуб-

ными командами. «Спартак» играл плохо. Надежды болельщиков на то, что новое общество сразу заявит о себе большими победами, не оправдались. «Спартак» потерял все шансы на первое место. Естественно, что Николай, как один из руководителей «Спартака», нервничал.

Следует вернуться немного назад и рассказать о рождении нового общества «Спартак».

В начале 1935 года Николая вызвали в ЦК ВЛКСМ. Наверное, нет у нас такой физкультурно-спортивной организации, которая в истории своего возникновения и развития не знала бы влияния комсомола.

Так было и со «Спартаком».

— Подумайте над организацией добровольного спортивного общества, которое объединило бы всех физкультурников промысловой кооперации, и помогите им организовать такое общество, — предложил Николаю Александр Васильевич Косарев.

— Пример у вас есть — «Динамо». Дела у них неплохо идут, — в заключение добавил он.

— Зайди вечером ко мне домой, надо посоветоваться, — сказал мне по телефону Николай.

Вечером я застал у него своих старых знакомых. За чашкой чаю начался разговор об организации нового общества. Разногласий больших не было. Все сходились на том, что основным условием устава должна быть выборность органов управления и контроля, выборность общественных секций и тренерских советов при них. Это обеспечит широкую демократию, повысит ответственность всех членов общества.

— А как же назвать общество?

Этот вопрос возник одним из первых.

— Мы не уйдем отсюда, пока не придумаем названия.

Здесь, в большой столовой, присутствуют люди, связанные спортом добрых полтора десятка лет: Петр Исаков, Иван Филиппов, Станислав Леута, Петр Попов, нас четверо... С начала двадцатых годов мы играли в одной команде. Волею обстоятельств наша команда последовательно называлась «МКС», «Красная

Пресня», «Пищевик», «Дукат», «Мукомолы», «Промкооперация». Названия менялись, но долгие годы организационные формы оставались неизменными. Сейчас другое дело. Создавалось добровольное спортивное общество, и задачи его были гораздо сложнее и обширнее. Ведь раньше это были всего лишь низовые коллективы физкультуры. Мы угадывали широкий и славный путь нового общества и с волнением обсуждали формы его работы.

— Да, но как же назвать общество? — в который раз спрашивает нас Николай. — «Динамо» — сила в движении — хорошее название, отражает суть физической культуры. Вот такое бы короткое, выразительное название надо дать и нашему обществу.

Много разных вариантов предложено: «Штурм», «Феникс», «Атака» и даже «Промкооп». Все отвергались. «Штурм» — такой клуб был в Харькове, «Феникс» — мы не из пепла возрождаемся. «Атака» звучит по-военному, а мы не армейское общество. «Промкооп» на ларек похоже. Несколько часов бились и вконец запутались.

За окном уже брезжил рассвет, старейшины, занимавшие красный диван, любимое место в столовой при спортивных дискуссиях, давно уже сняли пиджаки и сменили заседательские позы на небрежно-домашние. В комнате дым столбом, и даже курящие требуют прекратить курение. После плотной вечерней закуски опять захотелось есть. Но название общества все еще не найдено.

«Вымпел», «Звезда», «Вперед», «Сокол»... Монотонно звучат очередные предложения. И тут же хоронятся.

— Куда это «Вперед»? Что это за «Звезда»? Чей «Вымпел»? Почему «Сокол»?

После вспышки наступают паузы. И опять: «Верность», «Отвага», «Победа»... Нет, нет, нет...

Вдруг взгляд Николая падает на книгу, лежащую на столике. Николай берет книгу и говорит:

— Нам нужен девиз, отображающий лучшие качества атлета: мужество, волю к победе, стойкость в борьбе, ловкость и силу, верность идее. Вождь рим-

ских гладиаторов Спартак имел все эти качества. Давайте предложим назвать новое общество «Спартак», — закончил он, показывая книгу Джованьоли.

Всем это нравится. На том и порешили.

Вскоре новое общество было организационно оформлено. Нас троих — Николая, Александра и меня — избрали в состав президиума. Мы отказывались — неудобно, дескать, семейщина. Но выборы есть выборы, пришлось подчиниться голосованию.

«Спартак» располагал большими финансовыми возможностями. Промкооперация была богатым ведомством, отчисления на культурно-массовую работу, в том числе на физическую культуру, выражались в крупных суммах. Слабым местом вновь организованного общества было отсутствие спортивных баз. Со стадиона Юных пионеров нам пришлось уйти: профсоюзы стали нашими «конкурентами». Спортивная площадка на подмосковной станции Тарасовка по Северной дороге отныне стала основной базой московского «Спартак».

Сегодня стадион «Спартак» в Тарасовке — благоустроенный современный спортивный объект. Прекрасное основное ядро стадиона — гаревая и опилковая беговые дорожки, зеленое травяное поле. Гостиница, столовая, горячие души, павильон, теннисные корты, площадки для баскетбола и волейбола...

Тогда, двадцать лет назад, все было куда скромнее. Ну что ж, и Москва не сразу строилась.

В добрый час остановился наш выбор на Тарасовке. За двадцать лет своего существования этот стадион вырастил десятки первоклассных мастеров советского футбола. Здесь вырабатывали удар, технику, выносливость уже апробированные кадровые футболисты. Здесь воспитывались детские, юношеские команды. Мальчишками пришли на этот стадион, да так на долгие годы и остались в спорте Владимир Демин, Серафим Холодков, Олег Тимаков, Анатолий Башашкин, Анатолий Сеглин, Игорь Нетто, Сергей Сальников... Кем они стали, вы сами знаете. Имена их известны далеко за пределами Тарасовки.

Все мы были тогда полны радужных надежд.

И пока организовывалось наше новое общество, строились планы немедленных побед, пришло решение комитета весной начать розыгрыш первенства СССР между клубными командами. Было где показать себя.

Зимой объединенная команда «Спартак» и «Динамо» отправилась в Париж. Чем это кончилось — вы знаете.

Итак, весной начался розыгрыш первенства, начался неудачно.

В Москве, на квартире у Николая, в Тарасовке непрерывно заседал тренерский совет. Заседал час-стенько до рассвета.

Горячие споры и дискуссии шли и в других обществах.

Теперь, когда сборные команды на долгое время перестали существовать, в клубах, выступающих на первенство, шла кипучая деятельность по комплектованию составов. Были заметны активные попытки в области теоретических исканий. У московского «Металлурга» намечались тенденции к персональной опеке в защите, тбилисское «Динамо» практиковало игру с блуждающим центрфорвардом, у динамовцев Москвы отмечалось стремление к смене мест в линии нападения. Однако все команды, в том числе и «Спартак», решительных шагов к перемене системы игры не предпринимали.

— Мы должны сменить систему игры! — кричал я на тренерском совете. — Рано или поздно мы к этому придем!

— Да, мы должны перейти на новую систему, но прежде мы должны воспитать для нее игроков. Нельзя лошадь впрягать сзади телеги, — рассудительно возражал Николай.

Иногда, после горьких неудач, наша полемика на тренерском совете принимала характер откровенной ссоры. Иногда я подумывал: а не кончить ли играть? Но тут же упрекал себя в малодушии, в утрате спортивного самолюбия. Нельзя сдавать позиции, когда команда проиграла первый чемпионат СССР. Нельзя

сдаваться, когда команда потерпела поражение в первом розыгрыше Кубка страны. Успех «Локомотива», недавно организованного общества и уже выигравшего кубок, был прекрасным примером. Московское «Динамо» стало лидером первого чемпионата СССР весной 1936 года.

— Учись бороться у «Локомотива» и «Динамо», — подзадоривал меня Николай. — Невелика честь бросить играть, когда твоя команда находится в беде.

Играть я не бросил. Но внутренний мой кризис продолжался. Да и не только мой. Многие мои товарищи были весьма в смутном настроении.

Это был переходный период. Периодом собирания сил следовало бы назвать это время. Раньше игроки, входившие в состав сборных команд, половину сезона за свои коллективы не играли. Не было времени: сборные городов выступали часто. Это не могло способствовать росту футбола: городские календари теряли спортивный накал. При новом положении надо было всемерно укреплять клубы, выступающие в первенстве СССР.

На тренерском совете мы подсчитывали людские ресурсы. Нечем было похвалиться. Перестали играть Иван Филиппов, Петр Попов, Сергей Егоров, Петр Исаков. Скрепя сердце сменил амплуа правого края на должность заместителя председателя общества Николай Старостин. На возрастном пределе были ветераны футбола Александр Старостин и Станислав Леута. Мне уже было тридцать. Надо воспитывать и как можно быстрее вводить в строй новые силы. А это дело трудное, кропотливое. Быстро его не решишь. Ну что ж! Надо! Будем стараться, будем думать, будем работать. Не пасовать же перед трудностями, черт возьми! Не для того мы посвятили столько лет спорту, чтобы ныть и прятаться в кусты. Так думал я ранним воскресным утром на тарасовском стадионе, занимаясь с детской командой...

— Андрей Петрович! Вас срочно к телефону из Москвы по делам вашей фабрики.

В бутах и трусах я сломя голову бросился к телефону.

Звонил Серафим Знаменский. Он гудел в трубку, по обыкновению растягивая слова:

— Выдержали!

— Кто выдержали? Что выдержали?

— Шипы выдержали! Я десять километров пробежал по очень твердой дорожке. Стоят как новые.

Проклятые шипы! Выдержали все-таки! Сколько усилий было вложено в них! Сколько вариантов их было забраковано! Сколько испытаний они прошли! А теперь они, наконец, выдержали.

XVIII. БАСКИ

Испанский футбол. — Генрих интервьюирует. — Самое крупное поражение. — Традиция московского стадиона. — Кафе «Националь». — Честь столичного футбола в опасности. — Лошадиное средство. — Тарасовка в эти дни. — Новая тактика побеждает. — «От Романиста».

Больше года испанских футболистов не видели в Европе. Фашистская интервенция нарушила мирную жизнь Испании. Многие футболисты с оружием в руках защищали демократическую свободу от фашистского варварства. Как говорится, когда гремят орудия, музы молчат.

Испанский футбол являлся лучшим образцом стиля, называемого на Западе латинским. Ловкость и быстрота, высокое техническое мастерство, сочетание индивидуальной игры с комбинационной придавали игре испанцев «волшебную», по выражению некоторых газет, прелесть.

В активе испанского футбола имелись победы чуть ли не над всеми странами Европы. Австрия, Франция, Чехословакия, Венгрия, Швеция, Италия, Германия не избежали поражений от испанцев.

Особенно знаменательную победу одержал испанский футбол в 1929 году, когда сборная профессиональная Англии впервые потерпела поражение в Европе. Испанцы выиграли этот матч у «непобедимых» англичан.

Теперь, после годичного перерыва, сборная коман-

да Басконии снова появилась на футбольных полях Европы. Прежде всего баски поехали в Париж и обыграли нашего недавнего грозного соперника—команду «Рэсинг» с «сухим» счетом. Забили три гола и ни одного не получили в ответ. После Парижа — Прага, затем Варшава... Все противники были побеждены. Теперь баски направлялись к нам.

Вечером 16 июня 1937 года баски прибыли из Варшавы в Москву. Через людское море, залившее всю привокзальную площадь, не было возможности пробиться поближе к гостям. Их буквально засыпали цветами, и взволнованный руководитель делегации, представитель революционного правительства Басконии Мануэль де ла Сота воскликнул:

— Да здравствует Советский Союз, который не забывает нас в самые трагические минуты!

Это были дни, когда лозунг испанских патриотов «Но пасаран!» поддерживался всем прогрессивным человечеством. Все честные люди мира сочувствовали справедливой борьбе испанского народа за свою независимость.

Куда бы ни приезжали испанские спортсмены, всюду приветствовали в их лице героев-республиканцев. Тысяча пятьсот испанских детей, родители которых погибли в боях с контрреволюционными мятежниками, прибыли в те дни в Советский Союз из Бильбао. Впоследствии из их среды воспитались мастера футбола, хорошо известные любителям спорта Августин Гомэс и Руперто Сагаста.

Кто будет состязаться с командой Басконии?

В Комитете по делам физкультуры и спорта было созвано широкое совещание с представителями команд класса «А».

Большинством участников совещание решило, что играть с гостями будут не сборные, а клубные команды. Какие же?

«Спартак», правда, выиграл минувшее осеннее первенство, но в календаре этого года выступал неудачно, реорганизация команды все еще продолжалась.

Представитель «Локомотива», обладателя Кубка СССР, убедительно доказывал право своей команды

первой сражаться с прославленными гостями. И хотя «Локомотив» еще не имел опыта международных встреч, воодушевление, энтузиазм молодой команды казались залогом будущей победы.

Так говорил представитель «Локомотива» и всех убедил. Железнодорожники получили почетное право первой игры с испанскими футболистами.

Второй матч с ними предстояло провести московским динамовцам.

Советские футболисты готовились к встречам с грозным противником.

Движимый любопытством, я на следующий день после приезда гостей отправился к гостиницу «Метрополь». Хотелось рассмотреть гостей поближе.

Они завтракали в ресторане. За длинным столом сидела вся делегация. На председательском месте восседал... болельщик Генрих. Он интервьюировал Луиса Регейро, капитана команды басков.

Гости выглядели импозантно. Держались непринужденно, разговаривали весело. Чувствовалась уверенность в своих силах.

Поражал физической 'мощью Исидро Лангара. Этот «Красный Лангара», который, по сообщению франкистских газет, якобы «был убит наповал» при обороне Барселоны, сейчас с аппетитом доедал отбивную котлету.

Рядом с Лангарой сидит Хосе Ирарагорри, участник знаменитой атаки республиканцев на Вильярреаль. Он лучший нападающий Испании.

Меня представляют гостям. Разговор заходит о системе игры. Да, да, они тоже играют по системе «дубль-вэ».

«Достанется Михаилу Жукову, центральному полузащитнику «Локомотива», — думаю я, глядя на могучего Лангара.

Вместе с гостями мы едем на малый стадион «Динамо». Они проводят здесь свою первую тренировку.

Тренировал басков Педро Вальяно. Давным-давно, в полуфинале Олимпийских игр 1924 года, на стадионе «Коломб», перехватывая пас итальянского форварда, капитан испанской команды Педро Вальяно

забил мяч в собственные ворота и упал в обморок. Вот какие бывают случаи! Тем не менее Педро Вальяно, очень опытный знаменитый игрок в прошлом, теперь отличный тренер.

Баски подтвердили на тренировке то, о чем говорили спортивные обозреватели в зарубежной прессе.

Их отмечала прямо-таки артистическая работа с мячом. В особенности меня поразила точность удара. Попадание в ворота было безошибочное.

К матчу готовились не только футболисты. Московские болельщики осаждали кассы стадиона, заявки на билеты следовали со всех концов Советского Союза. Не без труда я достал для себя и для жены два билета в двадцатом ряду Северной трибуны. Сегодня я зритель. Отсюда, с двадцатого ряда, хорошо виден тактический план игры басков. Конечно же, они играют «дубль-вэ». Их центральный полузащитник держится в глубине обороны. Оттянуты полусредние. А центрфорвард и крайние нападающие остро выдвинуты вперед.

«Локомотив» попадает в ту же игровую обстановку, какая сложилась у нас с «Рэсингом» полтора года тому назад. Две системы: прогрессивная у басков, ныне всеми называемая «три защитника», и отжившая, старомодная «пять в линию» у «Локомотива».

Однако у железнодорожников есть преимущество, в которое я и мои соседи в двадцатом ряду верим. Это воля к победе, быстрота, напористость в постоянном стремлении к результату. Но, как показывает игра, эти преимущества реализовать не удастся. Высокая техника гостей позволяет им снижать темп по своему усмотрению, навязывая свой, удобный баскам и крайне невыгодный «Локомотиву». Нервозность нашей молодой команды еще усугубляет положение. А баски тем временем хозяйничают на поле. Знакомая и грустная картина.

Надо отдать справедливость московскому зрителю. Я бывал на многих стадионах нашей страны и на стадионах других стран. Нигде я не видел такой объективной публики, как здесь. Всегда гостеприимные, сочувствующие слабым и восторгающиеся сильными,

московские болельщики выше всего ставят настоящее спортивное мастерство. Дух местничества чужд зрителям наших стадионов. Это замечательная традиция, свойственная советским людям. Зрители на «Динамо» сегодня полны сочувствия к испанскому народу-герою. И чувства эти щедро выражаются рукоплесканиями, восхищением мастерской игрой басков.

Но все-таки обидно, ужасно обидно, что наши товарищи-локомотивцы так нехорошо проигрывают. Я мысленно ставлю себя на место Миши Жукова: да, не сладко ему сейчас.

Ну что ж, соревнование так соревнование! Пусть побеждают сильнеешие.

«Локомотив» проигрывает со счетом 1 : 5. Это самое крупное поражение советских футболистов в международном матче.

Ценители футбола отдают предпочтение баскам в их техническом мастерстве; они в восторге от испанских гостей и предрекают неизбежное поражение всех советских футболистов во всех последующих встречах.

Я в меньшинстве. Я все-таки возлагаю надежды на успех московских динамовцев в следующей игре.

В те годы в кафе «Националь» было нечто вроде клуба художественной интеллигенции. Сюда днем забегали, для того чтобы выпить чашку кофе, узнать последние спортивные новости, поговорить о новой книге, о новом спектакле, писатели, артисты, художники, спортсмены...

Мы сидим за столиком у окна: писатель Олеша, артист Яншин, режиссер Арнольд, старый футболист член тренерского совета «Спартака» Архангельский, я... За окном нескончаемым потоком движутся москвичи по Охотному ряду к Манежу, к университету, к Красной площади, к площади Свердлова, к улице Горького.

Юрий Карлович Олеша, старый одессит, друг Богемского и Злочевского, поклонник футбола, спрашивает меня:

— В чем дело? Почему наши проиграли?

И сам же, не давая мне открыть рот, отвечает:

— Они сильнее! Вариантов нет.

— Варианты есть! — кричу я. — Есть!

Но Михаил Михайлович Яншин морщится.

— Вряд ли!

— Все зависит от того, как построят свою оборону динамовцы.

— Как бы ни строили, все равно проиграют, — мрачно изрекает Архангельский.

За мной заезжает Роман Робертович Граслов. Нужно ехать на фабрику. Я покидаю собеседников.

— Что, — говорит Граслов в машине, — торговали — веселились, подсчитали — прослезились?

Это явный намек.

— Обыграли «Жиденице» и решили, что вам уже равных нет?

Вечером я спрашиваю у тренера динамовцев Виктора Ивановича Дубинина:

— Как вы думаете ответить на выдвинутых вперед Лангару, Горостицу и Алонсо?

Я помнил, как жарко спорил Дубинин в Париже по поводу куаровских вылазок на наши ворота.

— Центрального и крайних нападающих надо персонально закрывать, — отвечает Дубинин.

«Правильно решают динамовцы, — думаю я. — Закрывать их, конечно, надо, но как? Закрывание выдвинутого вперед Лангары ломает всю схему привычной расстановки защитных линий».

Ах, если бы выиграли динамовцы!

Но они не выиграли. Баски победили и во втором матче со счетом 2:1. На этот раз они выиграли у команды, имевшей в своем составе опытных, испытанных в международных встречах спортсменов.

Динамовцы проявили в этом матче свои лучшие качества и провели игру как бесспорно достойный противник, но победы достигнуть не смогли. Стоило на секунду оставить открытым Лангару, как этот по первому впечатлению неповоротливый человек молниеносно распоряжался мячом. Он нанес сильнейший удар, и мяч, как пушечное ядро, влетел в верхний угол ворот. А бил он далеко, из-за штрафной площади. Динамовцы не смогли изменить счета. И опять десят-

ки тысяч зрителей наградили басков дружными аплодисментами.

Честь столичного футбола была в опасности. Да и не только столичного. Московские команды были ведущими командами в стране. Ленинград выставил против басков сборную города. Но добился лишь ничьей.

Пока в Тарасовке шли обычные тренировки «Спартак», а в перерывах бесконечные обсуждения последней сенсации — блестящих гастролей басков, комитет решил, что следующие две игры с гостями проведут снова «Динамо», а затем «Спартак».

— Готовьтесь! — приказал нам Николай, приехавший из Москвы в Тарасовку.

— Как у тебя с ногой? — спросил меня брат.

А я сам не знаю, как у меня с ногой. Уже около месяца, как я повредил себе ногу, поскользнувшись во время удара на тренировке, но нога не поддавалась излечению. Я не мог сделать резкого рывка: в паху при малейшем ускорении бега отдавало острой болью. Грязи, соллюкс, массаж, грелки, компрессы — ничего не помогало.

— Попробуй активный способ лечения, — посоветовала мне жена Ольга Николаевна. Она артистка балета театра «Ромэн» и уверяет, что растяжения лечат увеличением нагрузки на больной сустав.

— Встань в пятую позицию. Выполни батман-танцю! — командует Ольга.

Я старательно раздвигаю носки, пытаюсь вытянуть ногу «впереднос», как говорят гимнасты. Но нога бесильно опускается на пол.

За этими упражнениями, происходившими на дачной террасе, меня застал Евгений Захарович Архангельский.

Узнав, в чем дело, он иронически сказал:

— Балетом футболу не поможешь. У вас «брокдаун», и лечить его надо сильными средствами.

Любитель рысистого и верхового спорта, он сторонник лошадиных лекарств в лошадиных дозах. Его предложение показалось мне интересным. Все равно хуже не будет. Нужно попробовать.

Наутро я был на ипподроме. Старый знакомый мастер-жокей Джамбо Михайлович Камбегов, тренер скаковых лошадей, внимательно выслушал меня. Пригласил к себе. Жил он неподалеку от ипподрома. В углу небольшой комнатки стояла укладка — кованный железом небольшой сундучок. На дне ее, после долгих поисков, Джамбо обнаружил желтый, в четвертину сложенный ветхий лист бумаги и осторожно, боясь порвать на сгибах, развернул.

— Вот рецепт лекарства. Благодаря ему Романист выиграл Всероссийское дерби. Мне этот рецепт сам Вильям Франкович Кейтон записал. Лекарство называется «навикулин». Романист-то хромой был. Втерли ему навикулин перед стартом, и побежал! Записывай состав лекарства, Петрович. Может, и ты, как Романист, возьмешь приз на дерби. Если лекарство останется — принеси.

Компонентов, входящих в состав навикулина, было более двух десятков. Тут и камфара, и муравьиный спирт, и эфир, и много всякой всячины, в том числе даже яичный желток. Вроде того лекарства, каким лечил в рассказе Чехова запойного трагика театральный парикмахер.

В готовом виде кейтоновский навикулин представлял прозрачную желтую жидкость, которую я не без робости принялся втирать в себя. Не знаю, как чувствовал себя Романист, но я после первой процедуры заржал от боли. Кожу опалило огнем, и мышечную ткань пронизывало, как иглами.

Однако лекарство оказалось действительно чудодейственным. После нескольких втираний боли в нсге ослабли, и я снова стал тренироваться.

Тренерский совет «Спартак» любил позаседать. Теперь, расширив состав, совет заседал с вечера до утра ежедневно. Подбор игроков усложнялся поисками правильного тактического варианта. Но даже любители экспериментов настораживались, когда заходил разговор о том, что крайние полузащитники должны сменить функции и держать не крайних нападающих, а полусредних.

Не жалея ни сил, ни времени, спорила вся Тара-

совка о самой лучшей тактике и самом верном составе команды. Ажиотаж возрос после второго матча динамовцев с басками.

Испанцы тоже готовились к реваншу. На первых же минутах игры они обрушили на динамовцев всю мощь и силу своей футбольной машины. Да, именно машины, которая слаженно, четко и планомерно развивала атаки. К тридцатой минуте счет был 4:0 в пользу испанцев.

Вся наша команда приехала смотреть этот матч. Теперь нам нужно было до тонкости изучить все тактические приемы нашего будущего соперника.

Растерянно глядели мы на поле, когда по влажной после дождя траве катилась эта казавшаяся неудержимой лавина испанского нападения и пушечными ударами расстреливала динамовские ворота.

В начале игры четыре — ноль! Да что же это такое!

Динамо́вцы сделали почти невозможное. К началу второй половины игры они сравняли счет. Какое титаническое усилие! Но у басков оказался еще не исчерпанный запас энергии. Лангара, Эчебария и еще раз Лангара заставили динамовцев трижды начать игру с центра поля. «Динамо» проиграло со счетом четыре — семь.

Теперь вся надежда была на нас, на «Спартак».

Вот когда Тарасовка попала в фокус внимания всей футбольной общественности.

Гости из ЦК комсомола, из комитета физкультуры, из Всекопромсовета, представители партийных, советских, профсоюзных организаций приезжают на скромный загородный стадион, чтобы посмотреть на тренировку. Они все интересуются состоянием команды, желают нам успеха, подбадривают, дают советы... Машины то и дело подкатывают к стадиону. И письма, письма, телеграммы со всех концов Советского Союза: «Спартак, не осрами!»

Странное впечатление на постороннего человека произвела бы группа здоровых рослых парней, бродивших на заре по аллеям стадиона, азартно жестикулирующих, спорящих...

Тренерский совет заседал на террасе, на даче у Николая. Когда сидеть уже было невмоготу, заседания продолжались на ходу.

Урок последнего матча, конечно, помог нам. Крайние защитники не должны стоять так широко. В момент атаки они должны держаться ближе к центру. А игрок, держащий Лангару, не должен бегать за ним всюду. У нас возникли первые наметки сочетания зональной игры и персональной опеки у центрального защитника. Но это были еще первые робкие шаги в поисках той тактики, которую в дальнейшем разовьют, углубят и усовершенствуют советские тренеры.

...После многодневных дебатов большинство тренерского совета склонилось к мнению: играть по системе три защитника и два полузащитника.

Важнейшее решение. Начало нового этапа в тактике спартаковского футбола, принесшего в последующие годы хорошие плоды. Нам разрешили усилить слабые места в команде «Спартак» игроками других клубов. Ведь мы же играли против сборной Басконии, а по существу, против сборной Испании. Мы выступали в составе: Анатолий Акимов, Виктор Соколов, Андрей Старостин, Александр Старостин, Александр Михайлов (все «Спартак»); Константин Малинин (ЦДКА); Виктор Шиловский (киевское «Динамо»); Владимир Степанов, Виктор Семенов («Спартак»); Константин Шегодский (киевское «Динамо») и Григорий Федотов (ЦДКА). Кроме того, в игре принимали участие заменявшие выбывших в ходе матча Петр Теренков («Локомотив»), Станислав Леута, Петр Старостин и Георгий Глазков (все «Спартак»).

В день матча мы выехали из Тарасовки на сорок пять минут раньше обычного. Но напрасно ревели сирены наших «линкольнов». Мы продвигались черепашьям шагом по улицам Москвы. Все шоссе и улицы, ведущие к стадиону, были запружены. Мы явно опаздывали на матч.

Напрасно мы кричали милиционерам и пешеходам:

— Мы футболисты! Мы едем на стадион! Пропустите нас! Без нас матч все равно не начнут!

Пробиться через заторы машин было невозможно.

Было приказано, чтобы не тратить времени, одеваться прямо в машинах. Пока тащились от Садово-Триумфальной до «Динамо», игроки успели обрядиться в футбольную форму. Это и спасло нас от опоздания. Сразу из машин — к выходу. Ровно в назначенное время раздался свисток, заиграл марш, и команды вышли на футбольное поле.

Уже на первых минутах игры левый край нашей команды заставил басков забеспокоиться.

Это был молодой футболист, еще не обладавший славой, которую он обрел в дальнейшем. Вкрадчивая манера игры, перемежающаяся молниеносными бросками на ворота, простота и содержательность игры сразу приковали к нему внимание. Вот наш левый край, как ветер, пронесся по полю и нанес сокрушительный удар мячом по воротам басков. Но подлая стойка ворот отразила удар, и мяч отскочил обратно. На четырнадцатой минуте левый край заставил все-таки вратаря Григорио Бласко достать мяч из сетки ворот. Это был Григорий Федотов, впоследствии прославленный центрфорвард. Рядом с ним играли Константин Шегодский, Виктор Семенов, Владимир Степанов и Виктор Шиловский. Неудержимо штурмуя ворота испанцев, они забили шесть мячей. Баски забили всего два гола. Один подарил нам все же Исидро Лангара. Это был случайный, не по вине центра защиты забитый гол.

Новая схема системы расстановки игроков оправдала себя на опыте. С первой до последней минуты игры не было и следа той растерянности и неразберихи, погубивших нас в матче с «Рэсингом». А ведь против нас стояла пятерка сильнейших в Европе форвардов: Горостица, Регейро, Лангара, Ирарагорри, Алонсо!

После матча, на приеме, сидя за столом рядом с капитаном басков Луисом Регейро, я обменивался с ним впечатлениями.

— Как вы расцениваете нашу систему игры? — задал я Регейро вопрос.

— У вашей команды вполне современная, зрелая тактика, и это в первую очередь определило ваш успех, — ответил мне Регейро. — Мы не знали до матча, что «Спартак» такая сильная команда. Нам казалось, что, выиграв у «Динамо», мы добились победы над самым лучшим, чем располагает Москва. Дайте нам реванш!

Дать реванш баскам мы не смогли. У нас не было для этого времени: «Спартак» отправлялся на международную рабочую олимпиаду в Антверпен и оттуда опять в Париж, на турнир в честь Всемирной выставки 1937 года.

В Антверпене реванш за басков нам дали каталонцы. Об этом матче я уже рассказывал в четвертой главе. Там нас всех поразил неистовый каталонец.

Окрыленные успехом, мы выиграли все матчи и в Антверпене и в Париже. Играли по новой тактике.

По возвращении в Москву я не забыл зайти к жокею Камбегову.

— Ну как, жеребенок-то побежал? — спросил меня Джамбо.

— Еще как! Дерби выиграл!

Я вернул ему флакон с остатками лошадиного средства и вручил привезенный из-за границы подарок — жокейский хлыст с надписью: «От благодарного Романиста».

ХІХ. БОЛЕЛЬЩИКИ

Высший судья. — Гюбиев и золотой хронометр. — Представитель династии болельщиков. — Первая сборная болельщиков. — Константин Есенин. — Письма. — Лекция в клубе МГУ. — Двести тысяч глаз.

«Болельщик» — слово новое. Его нет ни в словаре Даля, ни в словаре Ушакова. Есть слова «боль», «больница», «больно», «больной». Откуда появилось в спорте, школе здоровья, это новое слово? Слово это придумал народ. «Болеет душой за

кого-то», близко принимать к сердцу то, что происходит с любимым спортсменом, чувствовать и переживать его удачи и горести — вот откуда идет это слово. Болельщик — прозвище благородное, немного ироническое и, как все народные определения, удивительно меткое... Когда произносишь это слово, представляется тебе человек азартный и бескорыстно увлекающийся, готовый помочь, прийти на помощь, защитить, охранить. Болельщик является самым справедливым и страстным почитателем честного соревнования. Ему чужды мелкие личные интересы. Он любит ум, силу, высокое мастерство. Он ненавидит грубость, бездушие, жульничество, политиканские махинации. Он высший судья в футболе.

Страсть к футболу роднит игроков и болельщиков. Пожизненно привязавшиеся к спорту, и те и другие предпочитают футбол любым развлечениям. Предпочитают, невзирая на огорчения, разочарования и обиды от несбывшихся надежд, от несостоявшихся радостей. Радости побед стоят всех огорчений. Болельщик знает об этом по опыту. И потому его любовь к футболу постоянна и не боится испытаний.

Сколько я себя помню в футболе, столько помню и фигуру Николая Александровича Гюбиева. Еще до революции, работая у Мюра и Мерилиза (ныне универмаг Мосторга № 1), Николай Александрович организовал спортивный кружок. В дальнейшем он стал одним из руководителей Замоскворецкого клуба спорта. Всегда несколько старомодно, но аккуратно и чисто одетый, носивший черную бородку клинышком и усы, когда они были черными, и сбривший их, когда они стали седеть, Николай Александрович был деликатнейший, корректнейший и уравновешенный человек. Но футбол выбивал его из равновесия.

— Николай Александрович, а верно рассказывают, что вы с досады золотые часы во время матча разбили?

— Да, было такое дело, — добродушно посмеиваясь, отвечает Николай Александрович.

Этот случай с часами широко известен в футбольных кругах. До революции в жаркое время лета в го-

роде в футбол не играли: в календаре делался перерыв. На это время организовывались так называемые «дачные лиги». Каждая железная дорога имела свой футбольный календарь для подмосковных дачных мест. Хорошие команды из года в год собирались в Краскове, Быкове, Вешняках, Мамонтовке, Новоигрееве, Тарасовке, Малаховке.

Игроки ЗКС играли за Красково. Николай Александрович был шефом этой команды.

В одном из матчей команда Краскова проиграла, и когда в ее ворота влетел очередной гол, стоявший у штанги Николай Александрович не выдержал. Он со всего размаха хватил о штангу свой тяжелый золотой хронометр, разбил его вдребезги и, крикнув игрокам: «Ничтожества!», пошатываясь, пошел к поезду.

В Ленинграде в пылу болельщицких переживаний, когда Константин Блинков сыграл неудачно и выпустил Петра Григорьева на ворота с мячом, Николай Александрович упал с верхнего ряда трибун и вывихнул себе ногу. Это был редкий казус, когда после матча все игроки остались целы, а медицинская помощь оказывалась зрителю.

Не было случая, чтобы он признал чью-то команду сильнее той, за которую болел, или игрока своей команды слабее игрока другой.

— Наши выиграют! — утверждал он на трибуне, когда положение команды было безнадежным. Ударил уже гонг, команда проигрывала, 3 : 0. — Выиграют!

— Ну что, Николай Александрович, ошиблись? — спрашиваю после проигрыша.

— Я ошибся? — возмущался Гюбиев. — Они ошиблись, отдали свою игру!

Мы уже отпраздновали его семидесятилетний юбилей, а он по-прежнему, не пропуская, посещал заседания футбольной секции.

— Николай Александрович, может быть, отдохнуть хотите? — вежливо спросит кто-нибудь, увидя, что он дремлет, закрыв глаза рукой.

— Ничего подобного! Обдумываю состав пятой команды.

Николай Александрович относился к разряду ботьшиков первого футбольного поколения. Теоретическими глубокими футбольными познаниями он не обладал. Зато опыт у него был богатейший. Он говорил просто: футбол это честная и темпераментная спортивная борьба. Товарищество и энтузиазм — залог успеха команды. Вышел на поле — играй! Играй изо всех сил!

Это он, Гюбиев, сочинил знаменитую афишу для встречи давних соперников на звание чемпиона Москвы — спортивного кружка «Замоскворечье» и Замоскворецкого клуба спорта. За несколько дней до игры весь город был заклеен афишами, на которых было напечатано:

ЗКС — СКЗ

Враги на поле, друзья вне поля.

Круто сказано! Мы, мальчишки, читая эту афишу, холодели от восторга. Впрочем, к счастью, лозунг этот не получил дальнейшего распространения.

Энтузиазм на поле, конечно, необходим, — кто этого не знает! Но всему же есть мера!

Вспоминаю, как лет десять тому назад на Дальнем Востоке, обсуждая предстоящую игру с сильным противником, командир подразделения, при котором была команда, так говорил футболистам:

— Умрите, умрите на поле, но чтобы тела ваши лежали головой к воротам противника!

Конечно, гипербола, как говорится, сверхмощная. Футболисты потом много смеялись по поводу азарта командира.

А вот на Северной трибуне «Динамо», недалеко от меня, рядом с неистовым горлопаном, ничего не признающим, кроме своего субъективного и потому неверного мнения, сидит парнишка. Это трезвый, рассудительный аналитик, вооруженный превосходной памятью. Он прямо-таки удивляет меня. По возрасту он не должен знать того, о чем говорит. А он вспоми-

нает, как Николай Евграфович Соколов, знаменитый вратарь, корифей советского футбола, взял пенальти в 1926 году. Да парнишка этот появился на свет через пятнадцать лет! Оказывается, он отпрыск болельщицкой династии. Болел дед, болеет отец, теперь болеет внук. Семейные предания. Дома сохранилась целая литература: таблицы розыгрышей, афиши, газетные вырезки, альбомы с фотографиями всех знаменитых футболистов...

— Я помню, как вы забили гол в финале кубка 1938 года в матче с «Электриком», — говорит мне другой молодой болельщик.

— Сколько же вам было лет?

— Девять.

— Как же я забил этот гол? — припоминаю я. — Кажется, с подачи Малинина?

— Нет! Вы его забили со штрафного удара, метров с восемнадцати от ворот.

— Да, да...

— Вы еще тогда были капитаном команды?

— Да, я тогда был капитан.

— А почему же в справочнике по футболу (он назвал мне год издания и автора) гол, который вы забили, приписан Виктору Семенову, а капитаном команды назван Василий Соколов?

— Опечатка, вероятно.

Придя домой, проверил. Действительно, в справочнике была ошибка. Как писали раньше, «вкралась опечатка». Вольно или невольно, но «вкралась». Вот какой дотошный болельщик попался! Таких болельщиков следует побаиваться составителям справочников, авторам статей, воспоминаний. Увидят вранье — обязательно уличат!

Знаю я одного московского болельщика, Валентина Дмитриевича Дубровицкого. Вы всегда встретите его на любом мало-мальски интересном матче. У него есть не только альбомы с фото игроков, у него есть фотоальбом болельщиков! И из самых неистовых и преданных футболу любителей он составил первую сборную команду болельщиков Москвы. Под фотографиями помещены справки: сколько лет «болеет», за кого

«болеет», краткие биографические данные. Весьма интересный альбом!

А вот еще один постоянный посетитель, и не только посетитель, а и строитель Большого имени Ленина стадиона в Лужниках инженер Константин Сергеевич Есенин. Сын великого поэта Константин Сергеевич не пишет стихов. Но о футболе говорит поэтически.

Еще в юношеском возрасте К. Есенин стяжал славу знатока футбола. В 1938 году выиграл конкурс болельщиков, устроенный газетой «Красный спорт». Он угадал, кто будет победителем кубка и с каким счетом разыграется финальный матч. Фото юного Константина Есенина, победителя конкурса, поместил «Красный спорт». С тех пор прошло много лет, но стаж футбольного болельщика у Константина Сергеевича не прерывается.

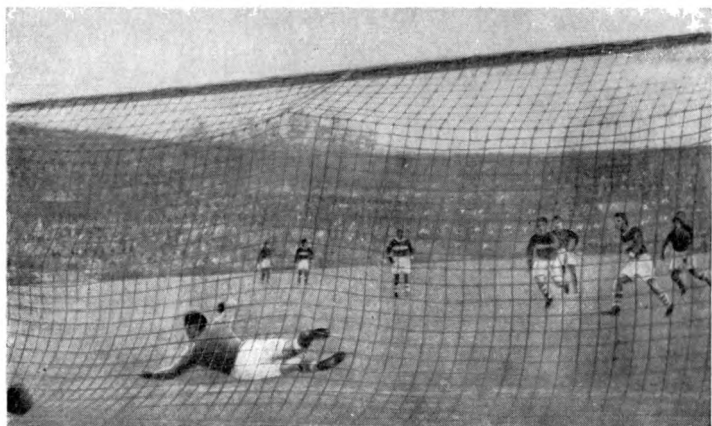
— Вы хотите знать коэффициент встреч сборной СССР с экстра-классными командами Европы в общем балансе международных матчей советских футболистов в 1956 году? Сейчас я вам скажу. — И Константин Сергеевич достает из кармана записную книжку. Я заглядываю в нее, она вся испещрена записями. Названия команд, страны, даты, результаты... Расчеты, итоги, сопоставления.

Диаграммам и таблицам о делах футбольных может позавидовать кафедра института физкультуры. «Живая энциклопедия» — зовут Константина Сергеевича друзья. Любую справку по футболу можно получить у него. Как сыграли «Спартак» — «Динамо» в 1935 году? Пожалуйста. Состав тбилисской команды в финале кубка 1937 года? Пожалуйста! Кто забил гол в матче «Динамо» — «Челси»? Пожалуйста! На все вопросы дается исчерпывающий ответ.

Константин Сергеевич очень занятой человек, много работает на стройках Москвы. Но если кто-нибудь из футболистов или тренеров хочет спросить о чем-нибудь у Есенина, посоветоваться, Константин Сергеевич всегда находит для этого время, говорит охотно, страстно, поэтично. Невольно после беседы с ним хочется не потерять его любовь, быть достойным внимания, оправдать надежды болельщика!

«Спартак» в Болгарии, 1940 год. Жеребьевка.

«Спартак» — баски. В. Шиловский с одиннадцатиметрового удара забивает третий гол в ворота испанцев.

«Динамо» в Англии, 1945 год. Слева: Якушин, Семичастный, Хомич, Л. Соловьев, Архангельский, Радикорский, Бобров, Станкевич, Блинков, Соловьев, Бесков, Карцев.

Заполяный Норильск. Спортивный праздник на стадионе.

Сборная СССР — сборная Франции, 1955 год. Стенка против штрафного удара не помогла. Стрельцов забивает гол.

Сборная СССР — сборная ФРГ. Штурм германских ворот, Сальников и Либрих в борьбе за высокий мяч.

*Центральный стадион имени В. И. Ленина в Лужниках,
Москва.*

*Сборная Венгрии — сборная СССР, 1956 год. Л. Яшин
в прыжке на высокий мяч.*

Перечисляя заслуженных болельщиков футбола, начиная от веселой армии мальчишек всех школьных возрастов и кончая прославленными учеными, министрами, маршалами, мне хочется сказать несколько слов и о многолетних друзьях московских футболистов — артистах, писателях, журналистах. Дружба с ними и на стадионе и вне его — в личной жизни, постоянное общение с образованными, талантливыми людьми чрезвычайно помогает спортсменам, расширяет круг их интересов, заставляет требовательнее относиться к себе и на поле и в быту.

Как счастлив должен быть молодой футболист, зная, что портрет его висит в кабинете у композитора Д. Шостаковича, или в артистической уборной Р. Симонова, или в комнате М. Яншина! Как счастлив и как озабочен — не уронить своего высокого звания, не разочаровать болельщиков!

Каждый футболист из команды мастеров знает, что он находится в центре внимания многих любителей футбола. Настоящая дружба всегда заставляет человека стремиться стать лучше, еще лучше...

Как приятно, например, когда в далекой поездке за границы нашей страны ты вдруг получаешь слова приветов с Родины. Как подбадривают, вдохновляют телеграммы, письма из Москвы, от знакомых и незнакомых друзей! Письма, полные надежды, пожелания бодрости, счастья, победы...

Конечно, письма бывают разные. Бывают и восторженные, и поздравительные, и нравоучительные, иногда даже ругательные, иногда просительные.

В 1939 году команда московского «Спартака» второй год подряд выиграла дубль — первенство и Кубок СССР. Я, как капитан команды, пригласил игроков к себе домой отпраздновать победу. За столом собрались знатные футболисты: Анатолий Акимов, Василий, Виктор, Алексей Соколовы, Владимир Степанов, Георгий Глазков, Виктор Семенов. Гости выходили на балкон, напротив которого помещалась средняя школа. Вдруг звонок в дверь. Пришел завуч школы...

— Извините, товарищ Старостин, но у нас к вам просьба.

— Что такое?

— Не выходите с вашими товарищами на балкон: не можем занятий вести. Ребята в классе от окон не отрываются. Узнают вас всех, прямо хоть уроки прерывай.

Пришлось запереть балкон и спустить шторы. А когда кончились у них занятия, мы вышли во двор, ребята окружили нас. Они буквально засыпали нас вопросами, приглашали к себе в школу, домой, хотели фотографироваться, но было темно. Так началась у нас дружба с этой школой. Частенько школьники приходили домой ко мне, некоторых из них я брал с собой на матчи. Один такой мальчик-энтузиаст никому не позволял носить мой чемоданчик на матч — сам тащил. Другие ребята ему завидовали и дали кличку «комендант Старостина». «Комендант» был всегда в курсе футбольной жизни, знал всех игроков, иногда даже ездил с нами в недалекие поездки. Лучших из школьников, отличников учебы мы премировали билетами на матчи, и страсть к футболу была еще одним из стимулов в учебе.

Теперь, много лет спустя, я часто встречаю взрослых людей, бывших учеников этой школы. Мой «комендант» стал фоторепортером, его работы часто можно увидеть на страницах газет и журналов. Некоторые из ребят стали известными спортсменами, другие работают на производстве, в лабораториях, стали врачами, учителями. Когда мы встречаемся — всегда вспоминаем школу, спорт и прекрасные дни нашей дружбы.

И сегодня футболисты — желанные гости школ, домов пионеров, студенческих клубов. Но все же, мне кажется, что встреч футболистов и болельщиков мало, недостаточно. Я говорю не об официальных торжественных вечерах, в которых нет недостатка. Я имею в виду повседневный контакт спортсменов и любителей спорта. В общежитиях, в рабочих клубах, в школах... А такое общение всегда плодотворно. Я это знаю по собственному опыту. В довоенное

время мне приходилось выступать с лекциями о футболе.

В клубе МГУ народу столько, что, как говорится, яблоку упасть негде. Собрались болельщики всех чинов, рангов и возрастов.

Кончается лекция, сопровождаемая диапозитивами, иногда короткометражным кинофильмом... Вопросы будут? Еще бы не будут! Этого только и ждут болельщики. Вопросы сыплются как из рога изобилия.

— Почему так давно не играл Жмельков?

— Откуда появился Акимов?

— Почему «Спартак» переманил Семенова?

— Почему за «Спартак» против басков играли футболисты из других клубов?

— Почему вы и Степанов много кричите на поле?

Вопросы прямые, не всегда приятные, но всегда задаваемые глубоко заинтересованными людьми. И в этом их ценность. Личные контакты со зрителем помогают футболу. Волнующие вопросы, на которые не отвечают прямо, вызывают раздражение зрителя. Болельщик свистит и устраивает обструкцию с трибуны, часто в адрес неповинного футболиста или команды. Со зрителем надо объясняться. Так где же лучше всего это сделать? Конечно же, в цехе, в красном уголке, в аудитории, в клубе. Кому же? Конечно же, судье, тренеру, игроку.

И я, как капитан команды, с трибуны перед громадной аудиторией болельщиков обязан дать серьезный ответ на заданные вопросы.

В самом же деле, ведь вопросы-то серьезные — о переходах. Сколько копий переломали и представители, и болельщики, да и сами футболисты в спорах на эту тему!

На мой взгляд, переход игроков из клуба в клуб должен быть свободным. Футбол — дело добровольное, и принуждать Семенова играть именно и только здесь было бы неправильным. Конечно, речь идет не о «летунах», перебегающих из клуба в клуб, а о футболистах, имеющих основательные причины для перехода. Я так и отвечал. Подкрепление

«Спартак» другими игроками в матче против басков имело смысл. Советский футбол к моменту встречи с басками всего лишь год разыгрывал первенство страны командами. Естественно, что в командах были слабые места. Разумеется, лучше играть своими силами, но если этих сил не хватает, то почему не воспользоваться помощью других команд, если противник против этого не возражает?

Что же касается поведения на поле, крика во время игры — я пообещал исправиться. Вот этот ответ сразу вызвал одобрение в зале. В следующих играх мы со Степановым старались сдерживать свой темперамент, выражать его не в криках, а в игре.

Рассказывая о частых встречах со зрителем не на стадионах, а в дружеской, непринужденной обстановке, мне хотелось бы, чтоб и Борис Кузнецов, и Михаил Огоньков, и Эдуард Стрельцов, и любой другой мастер футбола были бы постоянными гостями у широкой футбольной общественности. Это полезно и еще как полезно!

Осенью 1956 года в матче с «Динамо» спартаковцы огорчили своих почитателей неожиданной демонстрацией.

— Да они что, с ума сошли?

— Что же это такое с ними? — недоумевали зрители на трибунах, когда спартаковцы митинговали с судьей, протестуя по поводу назначенного в их сторону одиннадцатиметрового удара, кстати сказать, назначенного справедливо. А в матче с венграми грубая игра Огонькова и Стрельцова вызывала такую же возмущенную реакцию зрителей.

Так вот придите к этим зрителям, объяснитесь с ними, выслушайте их справедливые упреки и сделайте необходимые выводы. В другой раз неповадно будет так себя вести.

Сто тысяч зрителей. Двести тысяч глаз. И каких зорких, заинтересованных, дружеских глаз! От них не скроется ни доблесть, ни трусость, ни грубость. Не бойтесь этих глаз! Болельщик — главный двигатель спорта. Он строго вас осудит, если вы виноваты

ты, он великодушно простит, если по молодости вы невольно ошиблись — он любит вас. Любит широко, мужественно, нежно. Он лучший в мире зритель, болельщик советского футбола.

XX. БОЛГАРЫ

Новая тактика в действии. — Неудачная тренировка. — Комната при центральной ложе. — София. — «Добре дошли!» — «Василий Блаженный или Святая София?» — «Милый танк». — Итого 13 : 2. — Олимпийские игры. — Молодцы болгары!

Последний предвоенный год, 1940-й. Два года подряд команда мастеров «Спартак» выигрывала первенство и Кубок Советского Союза. Редчайший рекорд — два дубля за два года. Московский «Спартак» был в зените своей футбольной славы.

Наша команда раньше и смелее других перешла на новую, сейчас повсеместно распространенную систему игры в «три защитника».

Как все новое, новая схема расстановки игроков внедрялась трудно, далеко не безболезненно. Один известный спортивный обозреватель даже писал в газете:

«Игра Андрея Старостина тактически не может быть оправдана. Занятая им позиция в глубине своей обороны лишает спартаковское нападение должной поддержки со стороны своего центрального полузащитника».

Друзья упрекали меня:

— Что это ты так трусливо держишься сзади?

— Устаешь, братец, не успеваешь за форвардами!

— Почему ты занимаешь такую пассивную позицию? Это же оборонительная тактика!

Но у нас-то за плечами уже была горечь поражений, теоретические споры с Вахабом в Стамбуле, с Жюлем Лимбеком в Париже и, самое главное, практические уроки в играх против Куара и Лангары.

Теперь самые ярые противники новой тактики увидели нашу правоту. Постепенно все советские коман-

ды переходили к системе «трех защитников». И восприняли ее не механически, а творчески — развили и улучшили. Тренеры московского «Динамо» широко применяли перемену мест в линии нападения. Динамовцы же применили до сего времени существующий принцип — сочетание в игре защитных линий зоны и персональной опеки. Тбилисские динамовцы практиковали тактику игры с блуждающим центром нападения. Блестящий дриблер, обладавший незаурядной быстротой и превосходным ударом, Борис Пайчадзе добился превосходных результатов — его как огня боялись защитники.

Совершенствовалась и техника тренировки. При всех командах, играющих на первенство СССР, теперь работали штатные тренеры. К тому времени появились высококвалифицированные тренеры, принесшие своим командам заслуженную славу. Некогда известные футболисты Аркадьев, Квашнин, Товаровский, Козлов, Попов, Бутусов смело внедряли новую систему, совершенствовали, развивали ее.

Но в те годы не было встреч с зарубежными командами. Нужно было проверить класс нашего футбола не только в матчах друг с другом, но и с иностранцами. Как там у них теперь? Ведь после басков мы ни с кем из европейских команд не играли... Чего мы достигли за период реконструкции советского футбола? Как мы ответили на повседневную заботу партии и правительства о всемерном развитии физической культуры и спорта? А эта забота была огромной — подобного внимания не знали спортсмены ни одной страны.

В августе 1940 года была назначена встреча с футболистами Болгарии.

Через шестнадцать лет, в конце 1956 года, газета «Советский спорт» поместила заметку о том, что в Болгарии вышел спортивный роман под названием «Красная Поляна». Вторая часть романа посвящена встрече и пребыванию московского «Спартака» в Болгарии в 1940 году. В романе говорится о большом значении приезда советских футболистов для

команды «Красная Поляна», которая впервые переняла опыт спартаковцев.

Автор романа Антони Тониш не случайно остановился на этой встрече. Она действительно была забываемой.

Баланс международных встреч у наших будущих противников был довольно внушительный. Болгария в списке своих побед имела выигрыш Кубка Балканских стран в 1932 и 1935 годах. В 1937 году в матче с Чехословакией Болгария сыграла 2 : 2. А какова сила чехословацкого футбола, мы знали по своему опыту. В 1938 году болгары выиграли у Югославии со счетом 4 : 0 и проиграли Венгрии с минимальным счетом 0 : 1 и 1 : 2.

— Солидный паспорт! — рассуждали мы, готовясь к поездке.

Вместе с нами, спартаковцами, ехало и несколько игроков из «Динамо» и ЦДКА. Среди них был и Григорий Федотов.

Перед отъездом у нас состоялась тренировочная игра с молодежной командой на московском стадионе «Динамо». Нужно признаться, что мы едва-едва справились с молодежной командой. Это обычная история, когда отъезжающая за границу команда плохо играет в проверочных матчах. Отъезжающие берегут ноги, а остающиеся доказывают, что они не хуже отобранных в поездку, и стараются во всю мочь.

После игры ко мне подошел дежурный работник стадиона и сказал:

— Товарища Старостина и товарища Федотова просят пройти в помещение при центральной ложе.

— Ну что, Григорий, будет сейчас нам с тобой на орехи, — подмигнул я Федотову, предполагая, что нас вызывает комитетское начальство по поводу плохой игры команды.

Но не тут-то было! Оказалось, что в комнате у ложи нас встретили Александр Сергеевич Щербаков, Лев Захарович Мехлис и Андрей Януарьевич Вышинский. Нет, нам не попало на орехи. Наоборот, начался долгий, дружеский, внимательный разговор.

Правительство интересовалось нашими футбольными делами, настроением команды, нашими нуждами.

— Так что же, атаман,— обратился ко мне в конце беседы Лев Захарович,— завоюем Балканы?

— Постараемся не проиграть, — отвечал «атаман».

Все интересовало их: режим питания, культурный досуг футболистов, спортивный инвентарь, распорядок дня. Они вникали во все мелочи нашей жизни, внимательно слушали нас...

А когда я, желая оправдать нашу проверочную игру, начал говорить о том, что по этому результату нельзя судить о фактическом состоянии команды, Александр Сергеевич Щербаков перебил меня:

— Не надо оправданий. Оправдываться будете в Софии на стадионе.

6 августа мы вылетали в Софию.

До этого мне много пришлось поехать по разным зарубежным странам. И всюду, куда бы мы ни приезжали, везде простые люди восторженно встречали нас. Но встреча, которую нам пришлось пережить в Болгарии, превзошла все наши ожидания.

Вот уж где симпатии одного народа к другому поистине перешагнули все административно-полицейские барьеры! Как ни велико было спортивное значение этой первой встречи советских футболистов с болгарскими, оно отошло на второй план в сравнении с тем стихийно возникшим энтузиазмом, который выразили встречавшие нас люди, собравшиеся на эту встречу в небывалом для Болгарии количестве. Конечно, прием этот относился не столько к нам, футболистам, сколько вообще к советским людям, к русским.

Аэродром, на который сели наши два самолета, находился в нескольких километрах от Софии. И на протяжении всего этого пути по обеим сторонам дороги густыми толпами стояли мужчины и женщины, улыбающиеся, с букетами цветов, с детьми на руках.

Наверное, вся София вышла встречать нас. По улицам города машины двигались со скоростью черепахи. На балконах, в окнах, на крышах, на деревьях и решетках — всюду возбужденные, радостные люди, без конца выкрикивающие:

— Добре дошли! Добре дошли!

Мы не смогли проехать к гостинице «Славянская беседа», вынуждены сделать крюк и завернуть в наше посольство. Забавно было смотреть на беспомощность полицейских. По-видимому потеряв всякую надежду навести порядок, они примкнули к встречающим и вместе с ними кричали:

— Добре дошли!

— Попадет им от царя Бориса, — шутили болгарские футболисты по адресу блюстителей закона, когда наши машины, как в замедленной киносъемке, проползали мимо царского дворца.

В советском посольстве нам показали стопку приветственных писем и телеграмм на имя нашей команды. Стопка эта росла с каждым днем, до самого нашего отъезда из Болгарии.

«Поздравляем первых борцов за спортивное сближение двух братских народов. Добро пожаловать!» — приветствует нас доктор Бончев, председатель Болгаро-Советского общества.

Счастливые молодожены пишут: «У нас сегодня родился сын. В честь приезда вашей команды в Болгарию мы решили назвать его — Спартак».

«Братушки, не подкачайте!» — телеграмма из Мурманска от Ивана Дмитриевича Папанина.

Мы, «братушки», прекрасно понимали, что подкачать сейчас никак нельзя.

Серьезная задача стояла перед нами. Нет, не только репутация советского футбола волновала нас. Симпатии простого народа, его надежда и вера в успех советских спортсменов, так ярко выраженная при встрече, в высшей степени повышали ответственность за результат поездки.

Нам предстояло играть первый матч с чемпионом Болгарии столичной командой «Славией». Теперь уж мы знали, как опасно недооценивать такого

сильного противника. Да и любого, даже кажущегося слабым, противника недооценить весьма опасно. Слишком дорого обходится такая недооценка. В конце тридцатых годов «Спартак», находившийся тогда в зените славы, встречался в матче на кубок со сталинградской командой «Трактор».

— Какой это там «Трактор»?! — пренебрежительно говорили спартаковцы до игры. — Периферийная команда какая-то!

И вот эта «периферийная команда» дала такую встрепку чемпиону страны, что только удачный удар Глазкова за несколько минут до конца матча спас спартаковцев от поражения.

Не такой ли недооценке в значительной степени были обязаны венгерские футболисты в розыгрыше первенства мира 1954 года? Выиграв крупно первый матч у команды ФРГ, они были побиты немцами же в финале со счетом 3 : 2.

Да, тогда в Софии мы уже знали, что в ответственных соревнованиях слабых противников не бывает.

А тут еще, как назло, страшная жара. Температура воздуха под сорок градусов.

Обливаясь потом, заседал наш тренерский совет. В составе команды Акимов, Василий Соколов, я, Виктор Соколов, Николай Ильин, Малинин, Гринин, Якушин, Федотов, Семенов, Корнилов.

Мы узнали, что болгары играют по-старому — «пять в линию». Глава нашей делегации Н. Романов, его заместитель К. Андрианов, тренер Н. Попов, доктор Д. Дешин, Гр. Федотов, М. Якушин и я, мы все сошлись в едином мнении. Наша система игры прогрессивнее. Мы не станем ее как-либо видоизменять и подлаживаться под расстановку игроков противника. Технически мы не слабее их, а присущая болгарам в игре резкость и агрессивность придадут встрече спортивный интерес. Будем состязаться!

А вот болгары нас, кажется, тогда недооценили. Этому в значительной степени помогла их пресса. Мы перед игрой провели довольно неудачную тренировку. Чужое, да к тому же плохое поле. Устали от дороги, от встречи. Вяло работали с мячом... О, как это ожи-

вило буржуазных газетчиков! Они предсказывали нам поражение, выдумали и пустили по газетам утку о якобы проигранном нами матче в Прибалтике. Три года «Спартак», дескать, боялся и поэтому не играл ни с одной европейской командой.

Словом, на софийском стадионе «Юнак» в сорокаградусную жару, под палящим солнцем, на песчаном неровном поле мы обыграли «Славию» со счетом 6 : 1.

На другой день вся болгарская пресса старалась разгадать причину такого крупного поражения. Обозреватели писали, что подобный счет не отражает действительного соотношения советского и болгарского футбола. Давали советы, как следует составить сборную Софии для следующей игры с нами.

Одна из газет выступила с призывом проявить в предстоящем матче «высший национальный дух». Как смысл «национального духа», с правой стороны газетной полосы было помещено фото собора Святой Софии. Слева — фотография Кремля, Спасской башни и на переднем плане храм Василия Блаженного. А над этим «шапка»: «Кто победит? Василий Блаженный или Святая София?»

Так странно ставился вопрос о предстоящем спортивном матче.

Другая газета вспоминала, как в одной встрече болгарской и турецкой сборных (а всегда встречи этих команд проходили в острейшей спортивной борьбе) болгары, игравшие в Стамбуле, попали в трудное положение. Турки забили в ворота гостей гол. А затем, когда оставалось играть несколько минут, в ворота болгар влетел второй гол. Положение критическое. Турецкие болельщики ликовали. Казалось, ничто не может спасти болгарскую команду. И вот тут-то их капитан, получив на центре поля мяч, остановил его и, подняв вверх руку, во всю силу легких запел национальный болгарский гимн. Игроки подхватили гимн и ринулись в атаку на турецкие ворота. Неукротимый дух Святой Софии, писала газета, вселился в болгарских футболистов. Оборона турок была сломлена, и в их ворота один за другим влетели три гола!

Из газет мы также узнали, что сборная Софии

комплектуется преимущественно из игроков старшего поколения. В состав команды введен и прославленный Лозанов. Это был игрок мощного сложения, напоминавший фигурой Лангару. «Наш милый танк», — любовно называл его автор статьи. Мы впервые слышали эпитет «милый» применительно к танку. Но Лозанов был действительно отличный игрок, агрессивный, маневренный.

Если в первом матче с нами болгарская печать недооценивала наши силы, то теперь, перед вторым состязанием, главная ставка делалась на патриотизм и боевой дух болгарской команды.

Впрочем, тренер болгар австриец Келлер надеялся, кроме духа, еще кое на что.

Выйдя на поле, мы сразу обратили внимание, что наши противники расставились по-новому. Они приняли нашу схему игры. Тренер решил играть с нами в «три защитника».

Сборная Софии была сформирована из четырех клубов: «Славия», «АС-23», «Левски», «Ф-К — 13». В воротах у них стоял Мазников; в защите — Арманжиев, Милев, Стамболиев; в полузащите — Стефанов, Петров; в нападении — Ангелов, Лозанов, Николов, Стоиков, Ташков.

У нас в составе тоже произошли изменения. На левом крыле нападения играли Сергей Соловьев и Сергей Ильин. А в ходе игры вместо выбывших Николая Ильина, Анатолия Акимова, Сергея Соловьева и Алексея Гринина на поле вышли Иван Кочетков, Борис Кочетков, Виктор Семенов и Георгий Глазков.

С первых же секунд игры мы разгадали тактический план противника. Болгары решили подавить нас ошеломляющим натиском, неудержимым стремлением в самом начале игры добиться результата. И они в самом деле предложили нам бешеный темп. Первые пятнадцать минут матча они сильно нас погнули. Но сломить нас не удалось. Мы выдержали этот тотальный нажим на наши ворота. А дальше все пошло своим чередом. Наш противник устал раньше, чем мы. Чаша весов все больше и больше склонялась в нашу сторону. Мы выиграли со счетом 7 : 1.

Большое удовлетворение мы получили от побед в Софии. Теперь уже и болгарские газеты писали о преимуществе советского футбола, о заслуженных победах.

Когда у капитана сборной Софии Ангелова спросили, что нужно, по его мнению, сделать, чтобы поднять класс болгарского футбола, он ответил:

— Если бы я получил задание улучшить наш футбол, первым моим приказом я изъясил бы из обращения до особого распоряжения все футбольные мячи в стране. В продолжение определенного времени я приказал бы заниматься только легкой атлетикой, бегать, прыгать и так далее. Только когда мы станем хорошими атлетами, мы сможем стать и хорошими футболистами. По этому пути шли советские футболисты, и это привело их к результатам, которыми мы восхищались в Софии.

Помимо того, что это высказывание было весьма лестным для нас, оно было еще и весьма трезвым. Расчет на один только энтузиазм — дело ненадежное. Голый энтузиазм — это что надутая футбольная камера без крышки: раз ударил — полетела, второй раз ударил — лопнула. Энтузиазм должен быть одет в броню мышц и обладать крепким тренированным сердцем. А если к этому прибавить техническое мастерство и тактическую зрелость, тогда энтузиазму нет цены. Но только при этих условиях.

Через полтора месяца болгарские футболисты приехали к нам с ответным визитом. Против них выступали клубные московские команды «Динамо» и «Спартак». Реванш в Москве болгарам не удался. Оба матча они проиграли с одинаковым счетом — 4 : 0.

Прошло шестнадцать лет с тех пор. Жребий свел советских и болгарских футболистов в полуфинальном матче в далеком Мельбурне на XVI Олимпийских играх. Вернувшись домой, наши игроки рассказывали, как трудно пришлось советской команде. Пожалуй, еще потруднее, чем четыре года назад в Хельсинки на XV Всемирной олимпиаде. И в Хельсинки и в Мельбурне состязались советские и болгарские футболисты как равные и достойные друг друга противники. И в Хель-

синки и в Мельбурне болгары вели почти до последних минут игру со счетом в свою пользу. И в Хельсинки и в Мельбурне советские футболисты выиграли, но приложили немало сил, играли с предельным напряжением, и перевес был минимальным, только в один гол.

О чем же говорят Олимпийские игры, да и другие выступления на полях Европы болгарской команды? Ну, конечно же, об огромном росте, о замечательных успехах. Откуда они взялись? Начали тренироваться и вот разыгрались? Нет. Мы, старшее поколение советских спортсменов, хорошо помним, как сразу после Октябрьской революции распахнулись двери клубов и ворота стадионов и сотни тысяч молодых людей, до тех пор отгороженных от спорта, хлынули на эти стадионы. Власть народа, свободного, независимого, жизнерадостного создала условия для широчайшего развития спорта и в том числе футбола. Народные таланты получили возможность полностью раскрыться, расцвести. То же произошло и в Болгарии.

Браво, болгарские футболисты! От всей души мы, ваши братья, радуемся вашим успехам, желаем приумножать эти успехи, еще более повышать уровень футбольного мастерства ваших команд. Это, несомненно, живительно отразится на технике и тактике и повысит класс игры других, в том числе и наших советских футболистов.

XXI. СЕВЕР

Первые дни войны. — Снова Тарасовка. — Черноголовый бесенок. — Теплоход «Серго Орджоникидзе». — Великий Енисей. — Полярная ночь. — За елками. — «Пясинский». — Спортивное воспитание. — Каток за Полярным кругом. — Край физкультурников.

Победами в Софии советские футболисты как бы подвели итог достижениям нашего довоенного футбола. Тогда мы и не предполагали, что в течение долгих лет не будет больше международных футбольных встреч, розыгрыша первенства, кубка...

Утром 22 июня я крепко спал в ленинградской «Астории». Предстояла игра с ленинградским «Спар-

таким». Нужно как следует отоспаться, утром сделать гимнастику, принять душ, быть бодрым, свежим... Стоит ли говорить, что матч наш не состоялся. С трудом пробравшись через разного рода оцепления — к Ленинграду подтягивались войска, артиллерия, шли демонстрации рабочих, — мы, спортсмены, приехали на стадион имени Ленина. Там было полно народу. Все четверо братьев — Николай, Александр, я, Петр, — мы в эти дни оказались в Ленинграде. С нами были наши многолетние друзья — футболисты: москвичи, ленинградцы. Где мы окажемся через несколько дней? Куда забросит нас война? Увидимся ли мы еще? Вернемся ли когда-нибудь на этот красавец стадион, где так недавно кипели спортивные страсти? Какими маленькими в свете страшных событий сегодняшнего дня показались мне вчерашние горести и радости этого стадиона! Но вместе с тем каким нужным показался мне футбол, когда я оглядел моих товарищей, сколько было силы, ловкости, мужества в каждом из них! Как пригодится все это особенно теперь, в годы грозной военной схватки с темными силами!

Да, война на долгое время перепутает все страницы наших жизней. То, что казалось невероятным, станет реальностью. То, что было реальностью, составляло основу нашего быта, уйдет далеко. Изменится даже география вокруг нас. Москва, любимая мирная Москва, где прошла вся наша жизнь с колыбели, будет казаться нам такой недостижимой, такой далекой... Мы, все четверо братьев, как и многие наши товарищи, готовились уйти на фронт, с оружием в руках защищать Родину. Пока же каждый из нас был начальником какого-либо оборонного объекта. Я не покидал своей фабрики, которая выпускала уже не бутсы и тапочки, а противогазы, вещевые мешки, военную амуницию. Мы работали три смены подряд, выполняли, перевыполняли план, дежурили во время воздушных налетов на крышах, гасили зажигательные бомбы, разгребали разбитые фугасками обломки соседних с нами домов. Все меньше и меньше спортсменов оставалось в Москве... А из тех, кто остался, формирова-

лись части московского ополчения. Николай организовывал военные занятия, он был председателем совета «Спартака», Александр — директор фабрики, Петр — начальник производственного комбината. Они готовили обмундирование для армии. Мы, братья, почти не встречались, каждый проводил все время на своем объекте. Шел третий месяц Великой Отечественной войны.

Однажды, утомленный бессонницей, я выбрал свободный час и поехал в Тарасовку. Нужно было проверить состояние нашей летней спортивной базы. Вместе со мной поехали и мои друзья: артист Яншин, режиссер Арнольд. Там, в Тарасовке, тоже стало все по-другому. На зеленом поле стадиона росли сорняки. Несколько мальчишек гоняли по полю старый мяч. Свежий осенний воздух опьянил нас. Мы разделились и в трусах выбежали на поле, присоединились к мальчишкам. Было нас мало, для двух команд игроков не хватает. Будем играть поперек поля. Поставили из кирпичей условные ворота. Под ногами у меня вертится маленький черноголовый мальчишка. Он ловко принимает от меня мяч, обводит Яншина, снова пасует назад — хитро!

— Будет футболистом! — кричит мне Яншин, показывая на черноголового. — Экий бесенок!

Бесенок действительно удивляет нас верткостью, быстротой.

— Как твоя фамилия, Сережа? — спрашиваю я после этой кратковременной игры, одеваясь, чтоб снова ехать в город.

— Сальников, — застенчиво отвечает мне черноголовый.

Да, это был Сергей Сальников, прославленный инсайд «Спартака»! В этот день начиналась его футбольная карьера, длительная и славная карьера игрока экстра-класса.

Для меня же это был мой последний матч. Больше в футбол мне уже играть не пришлось.

Начиная эту книгу, я решил быть правдивым, а иначе зачем же было бы и писать ее. Так вот, для того чтобы восстановить всю правду, следует сказать,

что с нами, четырьмя братьями, произошло несчастье. По ложному, злему обвинению, сфабрикованному врагами советского народа, мы были арестованы, а затем сосланы в разные далекие места нашей страны. Давно уже разоблачены подлые враги, которые в угоду империалистическим разведкам убивали и ссылали невинных людей. Давно сняты с нас все обвинения, мы снова вернулись в родной город, и все четверо работаем, воспитываем молодежь, участвуем в спортивной жизни столицы. Мудрая и решительная политика нашей партии, Советского государства исправила ошибки, реабилитировала невинно пострадавших людей, сделала невозможным повторение подобных преступлений. С нами случилось несчастье, но и там, в отдаленных местах нашей Родины, мы оставались коммунистами, советскими людьми, мы знали, что справедливость обязательно восторжествует, и она, эта справедливость, конечно же, восторжествовала.

Я оказался далеко от братьев, от любимого города...

Теплоход «Серго Орджоникидзе» дал третий протяжный басистый гудок и отвалил от причала Норильскстроя в городе Красноярске. Предстоял долгий путь. Пассажиры знали, что плыть придется не менее шести суток. Пароход довольно быстроходный, течение Енисея что-то около двенадцати километров в час. Но я никак не предполагал, что он такой большой и широкий, этот сибирский великан Енисей. Впереди популярный город Норильск.

Когда выходили из Красноярска, было еще тепло. А здесь уже белые мухи летят над Енисеем. Среди команды теплохода разговоры о конце навигации.

— В Норильске уже зима, — убежденно говорит мне бывалый заполярник, матрос нашего теплохода.

Что это за Норильск? Две тысячи километров на север от железнодорожной магистрали. Зимой сообщение только самолетом.

А теплоход все идет и идет вперед. Тайге, окаймляющей живописные берега Енисея, нет конца и края, как видно, нет его и самому Енисею. Давно уже остался позади бывший губернский город Енисейск.

Прошли Верхне-Имбатское. Прошли Нижнюю Тунгуску, Туруханск.

Вот мы миновали историческую Курейку и подходим к широко известному порту Игарке. В начале тридцатых годов в журнале был помещен снимок. Несколько деревянных домиков. Это было начало строительства Игарки. Сейчас я был поражен, увидев море электрических огней, раскинувшееся по обеим сторонам Енисея.

— Да это же город, большой город! — радостно говорю я стоящему рядом со мной матросу.

— Конечно, город, — не без гордости отвечает матрос.

И, перечисляя все достопримечательности Игарки, он заканчивает:

— Здесь даже в футбол играют. Спорт любят.

— Неужели играют? — сомневаюсь я.

— Не-е-уже-ели! — презрительно передразнивает меня матрос. — Еще как любят!

Молодецкая выправка, широченные штаны, заправленные в сапоги с низко завернутыми голенищами, мощный торс, распирающий стеганую телогрейку, открытая обветренная шея, круглая шапчонка, заломленная на затылок, буйно треплющийся на ветру светлый чуб... Матрос просто восхищал своим богатырским видом. С таким парнем можно играть в футбол и за Полярным кругом.

Близился конец нашему плаванию. Енисей становился почти необозримым. Качало как на море.

От Дудинки до Норильска по узкоколейной железной дороге около ста километров.

Полярная ночь оказалась не такой уж непроглядно темной, как об этом говорили. День, скорее похожий на сумерки, но все же более светлый, чем ночь, часа на два в сутки появляется. И морозы большие, конечно, есть. И пурга бывает. Но все это оказалось совсем не таким страшным, как представлялось по рассказам.

Судьба свела меня в Норильске с Павлом Павловичем Тикстоном. Еще со времен Горючки мы знали близко друг друга. Хороший футболист, Павел

Павлович играл за нашу первую команду Московского клуба спорта еще в 1922 году.

Норильск начала сороковых годов был мало похож на Норильск сегодняшнего дня. Сегодня это благоустроенный, культурный, многонаселенный город, отличающийся от района, скажем, Песчаных улиц в Москве только тем, что находится за семидесятой параллелью. А кругом на много сотен километров полярная тундра. Что же касается городского хозяйства, то Норильск может не завидовать самому современному городу на Большой земле.

Но тогда город только начинал строиться. В упорной борьбе со стихией были уже возведены корпуса промышленных зданий. Комбинат работал на оборону страны. Передовики промышленности, не щадя сил, несли фронтовые вахты и удивляли бывалых производственников трудовыми рекордами. В городе был жилищный кризис. Аварийный поселок со своими стандартными домиками не мог вместить все увеличивающееся население Норильска. Маленькие деревянные самодельные домики, называемые здесь «балками», вырастали как грибы. Пурга заносила их снегом поверх крыш. Люди не сдавались, прорубали в спрессованном, как камень, снегу проходы, переулки, улицы. Наперекор стихии возводились новые промышленные корпуса, театр, клубы. Закладывали фундаменты будущего города. Норильчане как зеницу ока берегли свою гордость — ТЭЦ. Энергию, тепло и свет в необходимом количестве гнало это сердце комбината во все уголки заполярного города.

Героический подвиг нашего народа, вложенный в создание этого города, заслуживает быть специально описанным и ждет своего автора. Я же счастлив, что в какой-то мере участвовал в этой замечательной работе.

Но работы без досуга не бывает. И досуг должен быть интересным, разнообразным, культурным. Тогда и работа будет лучше спориться. Вот тут-то вспомнили и о футболе.

Меня вызвал один из руководящих работников комбината Николай Андреевич Даманов.

— Давайте подумаем, как наладить нам физкультуру и спорт в Норильске. Вам поможет руководство комбината, комсомол, а вы засучив рукава приступайте вместе с Тикстоном к работе.

Мы с Павлом Павловичем «засучили рукава». Опыт про привлечению общественности к спорту у нас был. С большим удовольствием мы принялись за дело.

Первые наши шаги были к руководителю норильских комсомольцев Антошкину.

Сам он был не очень-то большой спортсмен и лишь для примера показывался иногда в спортивном зале у волейбольной сетки. Но роль комсомола в организации физкультурно-спортивной работы понимал прекрасно.

Кайло и лопата стали первыми спортивными снарядами норильских комсомольцев. Вооружившись ими, они шли на субботник по оборудованию наливного катка и строительству подсобных помещений для малого спортивного зала.

Тысячи кубометров спрессованного, твердого, как гранит, снега надо разрыхлить и убрать с площадки. Надо вгрызаться в вечную мерзлоту земли, чтобы прорыть траншею для укладки труб сантехнического узла малого спортивного зала.

— Ну что же, надо — значит, надо! — отвечали привычными для себя словами норильские комсомольцы и с несгибаемым упорством кайлили окаменевший снег и вгрызались в промерзшую заполярную землю.

— Зачтем норму ГТО, — весело шутил опытный спортсмен Дима Муравьев, ловко работая лопатой, — каждый комсомолец обязан быть значкистом.

Пурга и мороз были нашими постоянными противниками. Простаивая со шлангами по несколько часов, в условиях, когда температура воздуха такова, что льющаяся из шланга речная вода кажется теплой, мы все же создали ледяное зеркало. Перед открытием катка мне пришлось испытать на собственном опыте коварство заполярной погоды.

Стоял прекрасный зимний день. «Как на материке», — обычно говорят в Норильске в такие дни. На-

кануне Нового года я собрался в тундру за елками для украшения катка.

Молодой ездовой, мой земляк москвич Володя сидел в розвальнях, укутавшись в овчинный тулупчик. Я даже пошутил над ездовым:

— На Северный полюс едем, Володя?

— Напрасно вы этим делом шутите, Андрей Петрович, — серьезно возразил ездовой. — Северный полюс может нам показаться курортом.

На улице было так тепло и тихо, что я не обратил внимания на эту остроту. Низким баритоном загудела ТЭЦ, возвещая обеденный перерыв. Мглистые сумерки оживились спешащими на обед норильчанами. Я повалился рядом с Володей в розвальни. Небольшой, но гладкий и ладный гнедой взмахнул хвостом и рысцой двинулся по Октябрьской улице.

— Погодка-то наша, Володя!

— Наша, Андрей Петрович, московская, — умиленно отвечает мне Володя.

Норильск расположен посреди тундры. Две горы — Шмитиха и Гудчиха — прикрывают его с юга. Но образующееся между ними ущелье создает как бы трубу, в которую с широчайших просторов заполярной тундры дуют неумные ветры, часто переходящие в пургу со скоростью свыше тридцати метров в секунду.

Однако это не самый свирепый ветер. Южный ветер сильный, но не злой. Вот когда задует ветер с севера, тогда норильчане говорят:

— Пясинский задул!

Тут уж чуть зазеваешься — щеки и нос вмиг как огнем обожжет, обморозит. Не зевай!

...Больше двух часов мы с Володей по чахлому, реденькому лесу лазаем по колени в снегу. Хорошие лесные массивы под Норильском есть, но ехать надо за три десятка километров. А поблизости стволы у деревьев кривые, листвы мало. Ходили мы, ходили по этому лесочку, с трудом набрали полтора десятка совсем незавидных елок. Цвет у них какой-то рыжеватый. Чуть ее топором тронешь, хвоя так дождем и сыплется. Ветви ломаются. Устали мы порядком, пока выбрали нужные елки.

Вот тут-то и задул «пясинский». Разогревшись в работе, я не сразу понял, что дело принимает серьезный оборот. Володя натянул на себя тулуп, поднял высокий воротник, глубоко запахнул и уселся на передке розвальней. Теперь он был непроницаем для «пясинского»

Я был одет довольно легко. Максимум защиты, которую я мог предпринять, это опустить уши пыжиковой шапки. Так и сделал. Ветер усиливался с каждой минутой. Начиналась пурга. Погодка была уже далеко не «наша». Термометр, наверное, показал бы что-нибудь вроде сорока градусов ниже нуля. Через пять минут после того, как мы тронулись, я почувствовал, что ехать в санях не могу. Легкая телогрейка и «гражданские» брюки были ненадежной защитой. Ноги как голые — ветер обжигает колени. Наш гнедой натруженно вышагивает в темноте, иногда оступаясь с узкой дороги и проваливаясь на обочину. Чертовски медленно мы продвигаемся. Сколько же времени потратим, чтобы добраться до дому?

— Я пойду вперед, — прокричал я Володе и вылез из саней.

В обычных условиях наш путь был не так уж долг: километров пять-шесть. Но сейчас этот путь казался непреодолимым. Главное, я стал обмерзать, ноги и руки зашлись, я не чувствовал их. Между воротником и шапкой на шее образовался ледяной пояс, который, как я ни старался отдираť своими бесчувственными пальцами, возникал вновь и вновь.

Я уже плохо понимал, сколько времени я бегу. Ясно одно: останавливаться нельзя, замерзну!

Вот когда мнегодились спортивные качества! Большие нагрузки, тренировки... Я вспомнил знаменитые квашнинско-гороховские кроссы. Как я их проклинал тогда и как я их благословлял сейчас!

— Упорство, упорство, упорство...

Буду считать до тысячи, потом опять до тысячи, еще до тысячи... Вот и второе дыхание появилось. Пурга сильнее, а бежать легче.

Сквозь мрак, и холод, и ветер я пробирался к спасительному жилью.

Спортивное воспитание помогло мне сейчас уже не побеждать на футбольном поле, а жить, жить!

О таких же или о весьма похожих эпизодах, спасших жизнь, рассказывали мне и другие спортсмены, сражавшиеся в дни войны на поле боя, в окружении, в партизанских отрядах... Нет, спорт — это не только отдых, досуг, страсть. Это школа, большая школа жизни, сопротивления стихиям, побед над ними.

Обо всем этом я думал, пока Павел Тикстон ругал меня за легкомыслие и растирал спиртом мои руки и ноги.

На Новый год каток, украшенный иллиминированными елками, под звуки духового самодетельного оркестра был открыт. За руку с девушкой мимо меня промчался молодец в широченных штанах, в круглой, лихо заломленной на затылок шапчонке, с буйно треплющимся по ветру светлым чубом. Матрос с «Серго Орджоникидзе».

— Здорово, матрос!

— Здорово, пассажир! — узнал и он меня. — Я же вам говорил, что здесь любят спорт! Прав?

— Прав, матрос, прав!

Как это ни парадоксально звучит, в условиях Крайнего Севера зимние виды спорта культивировать труднее, чем летние. Пурга, мороз, туманы мешают нормальной эксплуатации катка. Так же трудно и лыжникам. Ветры спрессовывают снег, создают на нем заструги, и скольжение по такой лыжне затруднительно.

Однако норильская молодежь преодолевает и это. Северяне совсем не слабы духом. Много спортсменов-разрядников воспитывалось на лыжных базах и катках Норильска. Красноярск и Красноярский край имеют давнюю спортивную культуру. Много чемпионов и рекордсменов Советского Союза вышло из этих мест. Заслуженные мастера спорта братья Виталий и Евгений Абалаковы, Галина Турова, мастера спорта Александр Новокрещенов, Василий Бузунов, Анатолий и Николай Мартыновы — все они начинали свой спортивный путь на Севере.

В соревнованиях, проходивших в Красноярске, столице самого большого на административной карте Советского Союза края, спортсмены Норильска заняли почетное место.

Переходящее Красное знамя за лучшую постановку физкультурно-спортивной работы в крае нередко гостит у спортсменов Норильска. Конечно, такие победы пришли не сразу. Годы упорного труда, силы и внимание партийных организаций, забота государства о строительстве нового комбината, комсомол помогли преодолеть все трудности. Пока же, в середине сороковых годов, спортивная жизнь в поселке только-только возникала. С нетерпением ждал я окончания необычно долгой для меня зимы.

Всему бывает конец. В июне наступил конец и норильской зиме. А там, где конец зимы, там начало футбола.

XXII. ФУТБОЛ ЗА СЕМИДЕСЯТОЙ ПАРАЛЛЕЛЬЮ

Норильский стадион. — Забава. — Вот он, большой футбол! — Заполярный сюрприз. — Как я стал тренером. — «Лекарство». — «В натуре вор». — В Красноярск за проигрышем. — У радиоприемника. — Поражение «волшебников мяча». — Заграничные триумфы. — Кубок Красноярска. — Пятнадцатая олимпиада. —
Домой!

Далекие времена первых лет революции напомнило мне норильское футбольное поле. Вспомнилась Горючка и другие пустыри... Покрытый то крупной галькой, то вязким песком, жесткий, как древесина, грунт. Неровный квадрат поля с уклоном около двух метров от одних ворот до других. Ворота без сеток. А между ними носятся два десятка парней, одетых весьма фантастично. Все в трусах. Но один в огромных сапогах, другой в черных дамских чулках на толстенных ногах, третий в распахнутом бушлате, четвертый в макинтоше... Игра идет, но судьбы нет. Судят своими силами сами же игроки, причем ругаются и спорят на чем свет стоит.

Я стою в сторонке, наблюдаю. Меня очень интересуется парень в черных дамских чулках. Почему

у него такие чудовищно толстые икры? Присматриваюсь. Оказывается, под чулками подложены две пары ватных щитков. Одна пара спереди, другая сзади. Для страховки от ударов партнера. А вот и поклонник современной моды! Песочный развевающийся, как парус, макинтош. Сиреневые ботинки и длинные космы. Наперерез бежит защитник в кирзовых сапогах. Мгновенье, оба — франт и кирзовые сапоги — лежат на земле и отчаянно ругаются. К ним бегут и валяются на них черные дамские чулки.

Рядом со мной стоит мрачный, очень худой мужчина. Он тоже наблюдает за игрой.

— Как он его по костям-то ожер! — одобрительно говорит сосед, глядя на схватку. Потом смотрит на меня и вкрадчиво спрашивает: — А вы что, нас тренировать собираетесь?

— Да, собираюсь, — неопределенно отвечаю я.

Это был Александр Арсентьевич Забавляев, в последующем игрок сборной команды Норильска, интересный человек со странной кличкой «Забава», так ужасно контрастирующей с его мрачным худым лицом.

Он энтузиаст футбола, знает всю подноготную местных игроков. Очень красочно рассказывает мне о состоянии футбола в Норильске, характеризует всех играющих.

— Вы встретитесь здесь, — сообщает он, — с людьми, прошедшими воспитание в трудовых колониях и в исправительно-трудовых лагерях. При этих условиях воспитательная роль футбола очень велика, а педагогический подход сложен.

Я и сам знаю, что сложен, и поэтому с большим интересом слушаю откровенные рассказы Забавляева.

Забава уснащает свою речь жаргонными словечками. Получается это у него так произвольно, что ясно: сам он прошел школу, о которой говорит.

— Я ведь тоже во всех этих местах чалился, отсюда прибыл, — откровенно признается он, имея в виду свое недавнее пребывание в исправительно-трудовом лагере. — А сейчас работаю машинистом на паровозе. Все остальное «завязал».

Забава действительно нашел в себе силы резко переменить образ жизни и встать на честный трудовой путь. Он один из лучших машинистов Норильского железнодорожного узла.

Мы разговорились. Забава был защитником и всей силой своей страстной натуры любил футбол.

— Справляетесь, Александр Арсентьевич, с нападающими? — спрашиваю его и показываю на форварда в песочном плаще.

— Мне таких нападающих по семь штук на завтрак нужно.

— А как удар у вас сейчас на тренировках идет?

— Как удар? Штанги мячом корчую на тренировках, — скромно отвечает он.

Долго слушал я повествование Забавы о его футбольных подвигах, наблюдал за игрой в поле. Да, после столичного футбола я попал на целину, где надо начинать все сначала.

— В форточку! — вдруг слышу на поле истошный крик прорывающегося форварда. Это он требует от партнера пас вразрез.

Сколько мальчишества и дешевки во всех этих выдумках со щитками, с натянутыми выше колен чулками, в жаргонных словечках, во всей этой псевдоромантике и псевдогероике! Как им объяснить, что футболу это мешает, что игра эта и без всякой наносной дешевки сама по себе романтична, жизнерадостна?

Надо, не откладывая, приступить к налаживанию тренировок, к календарным играм. Ведь здесь такое короткое лето...

К концу летнего сезона я окончательно убедился в том, что в Норильске футбол популярен отнюдь не в меньшей степени, чем в любом городе нашей страны. Нашлись свои страстные болельщики, которые, не жалея сил и времени, включились в общественную работу по футболу. Городская секция футбола бурно заседала, решала самые разнообразные вопросы — от организации субботников для постройки стадиона до очередного протеста по календарной встрече.

Два десятка лет я играл в футбол, выступал перед сотнями тысяч зрителей во многих городах страны.

И все же никогда не предполагал, что эта игра имеет такое поистине широчайшее распространение.

«Играют ли в Норильске в футбол?» — сомневался я, едуци сюда на пароходе. А уже через год календарь игр не мог уложиться в короткое летнее время. На участие в первенстве города подали заявки тридцать шесть команд! Это взрослые. А кроме того, есть еще и юношеские и детские команды.

Вот он, большой футбол! От Сахалина до Таллина, от Ужгорода до Норильска.

А страстей и волнений здесь не меньше, чем на любом столичном стадионе.

Запомнилась мне первая тренировка с норильскими футболистами. Я прекрасно понимал, что ребята ждут от меня каких-то футбольных чудес. Шутка сказать, заслуженный мастер спорта, игрок сборной СССР! Мою спортивную биографию они знали отлично. В предварительных беседах я не раз повторял им, что у многих преувеличенные представления о каких-то сверхмощных качествах мастеров футбола.

Сперва они не понимали меня, просто не хотели понять. Ведь футбольные легенды очень живучи. Все те же сказки о неповторимой силе удара мастеров. Убийственные броски и сломанные штанги ворот...

При первом знакомстве с техникой удара я увидел, что у большинства игроков одна и та же ошибка. При подходе к мячу опорная нога не доходит до мяча. В момент удара ступня опорной ноги устанавливается не на линии мяча, а сзади ее. Эта элементарная техническая ошибка, как правило, влечет за собой неточность удара, чаще всего мяч летит выше ворот.

Я подсказал раз. Подсказал два. Слова не действовали. Требовался практический показ. Тогда я установил мяч и стал отходить на позицию для разбега. Мне много приходилось бить ответственных ударов: штрафные, одиннадцатиметровые... Но вряд ли я когда-нибудь так волновался, как сейчас, под взглядами этих пятнадцати молодых ребят, ожидавших от меня какого-то чуда точности и силы.

С точки зрения технологии удара я все сделал правильно. Но Заполярье преподнесло мне сюрприз. В по-

следнее мгновение перед ударом шквальным порывом дунул ветер, мяч неожиданно покатился вперед и... моя опорная нога оказалась сзади линии мяча. Удар, и мяч взвился выше перекладины!

— Не пофартило, — мрачно произнес Забава.

— Это я показывал вам сейчас, как не надо бить, — смущенно отшучивался я.

А Валерий Буре, в прошлом вратарь сборной СССР по ватерполо, старый заполярник, теперь вратарь нашей футбольной команды, желая поддержать меня, добавил:

— Как не надо бить даже за Полярным кругом.

У меня не было специального тренерского образования. Мой стаж сводился к эпизодическим проведениям занятий, как капитана московского «Спартака», в отдельных случаях заменявшего тренера или помогавшего ему. Но у меня был большой практический опыт учебы под руководством лучших тренеров советского футбола. Это и помогало мне организовать учебно-спортивные занятия с футболистами Норильска. Нет, мне нелегко было стать тренером. Многого надо было исправлять, многому научиться.

Кто работал в массовом футболе, тот хорошо знает, как внимательно следят футболисты периферии за мастерами футбола, выступающими в первенстве СССР. Любая новинка в тактике принимается как новое веяние, а любой новый технический термин, упомянутый в отчете или обзоре спортивной прессы, находит быстрое распространение в массовом футболе. Иногда и без должного к тому основания.

«Одно касание». Пожалуй ни один термин в футболе не имел такой популярности в широких кругах периферийных команд.

— Игра в одно касание! — только и слышно было на поле.

Болельщики тоже, не желая отставать от времени, кричали с трибун:

— Нужно играть в одно касание!

А получалось так, что совсем юный игрок, еще не овладевший как следует техникой обработки мяча, стремился к этой модной и самой, как ему казалось,

прогрессивной тактике, совершенно не зная, что игра «в одно касание» — это не тактика, а всего лишь один из тактических приемов. Пользоваться этим приемом начали очень давно. Еще в двадцатых годах левое крыло сборной команды Москвы — Павел Канунников и Александр Холин, — играя в превосходном темпе, с одного касания передавали мяч друг другу. Но они широко пользовались и другими многочисленными тактическими приемами.

Наблюдая в Норильскé за играми молодежи, мне без конца приходилось слышать и видеть, как на крик «в одно касание!» игрок, находясь в выгодной позиции, вдруг ни с того ни с сего бездумно отдавал мяч партнеру. А партнер находился в окружении противников, и позиция у него была совсем невыгодная.

— Зачем ты это сделал? — спрашиваю я способного молодого игрока, так нерасчетливо отдавшего мяч.

— Как зачем? Ведь я же в одно касание сыграл.

— Тебе бить надо было по воротам, а не играть в одно касание.

Немало пришлось потратить усилий, чтобы доказать простую истину — играть только «в одно касание» так же неразумно, как неразумно играть только индивидуально.

Работая с норильскими футболистами я старался передать им свой опыт, раскрывал перед ними «секреты» тактики советского футбола: атлетические качества, позволяющие выдерживать самый высокий темп состязаний, перемена мест в нападении, игра на флангах, персональная опека в защите, взаимодействия зоны и персональной опеки. И главное, воля к победе. Воля, основанная на строжайшей спортивной дисциплине.

А вот с дисциплиной поначалу у нас было не все ладно.

Имела хождение «теория» о том, что в Заполярье спирт — обязательное лекарство от всех болезней. Витаминов в нем до черта! Заменяет все микстуры и обеспечивает хорошее настроение.

Любители этого лекарства рассуждали:

— Чистый нехорошо, а пополам с водой — огромная сила.

Хотя я и не врач, однако взял на себя смелость утверждать, что алкоголь враг, самый подлый враг спортсмена. Я категорически предупредил ребят, что буду жестоко расправляться с любителями «лекарства».

На следующий день был назначен товарищеский матч. Когда я вошел в раздевалку перед матчем, по запаху почувствовал, что заполярное лекарство в действии.

— Кто нарушил режим?

Ребята на меня смотрели в недоумении. По выражению их лиц я видел, что они не понимают вопроса.

— Кто пил спирт? — резко повторил я.

— Я принял, — недоумевая, ответил Забава.

— И я! И я! И я! — раздалось несколько голосов.

— Ребята, как же вам не стыдно? Ведь я же вас предупреждал вчера.

— Да ведь мы по сто граммов всего, Андрей Петрович! Это как слону дробина, — совершенно искренне ответил Забава. — Мы не пили, только прикоснулись. Для бодрости духа. Профилактика.

Я отменил матч. Предупредил, что каждого, кто прибежит к «профилактике», исключу из команды без права возвращения! И ушел со стадиона.

Внушение подействовало.

Были и другие случаи. Однажды ко мне на стадионе подошел молодой паренек. Светловолосый, ясноглазый, аккуратненький такой. Поеживаясь и пряча смущенную улыбку, он задал мне вопрос:

— В футбол записаться можно?

— А вы где работаете? — спросил я.

— Да я нигде не работаю.

— Почему?

Он на минуту задумался. Посерьезнел. И увесисто, четко выговорил:

— Я вор.

— То есть как вор? — Я был обескуражен таким признанием. — Профессия у вас такая или узкая специальность?

— Нет. Я в натуре вор. Карманник.

История паренька оказалась нехитрой. Отец ушел на фронт. Мать погибла. Пятнадцатилетнего подростка затянула улица. Связался с дурной компанией, начал воровать. Недавно прибыл из места заключения. В детстве играл в дворовых командах.

— Болею за «Спартак», — закончил он свою анкету. — Зовут Виктор.

Он стал заниматься в нашей центральной спортивной секции. Поступил слесарем на завод. Дал слово, что навсегда «завязал». Виктор был одаренный парень и быстро прогрессировал в игре. Вел себя примерно. Лишь однажды, когда мы поехали на состязания в другой город и в поездке испытали финансовые затруднения — нам вовремя не перевели деньги, — он опять ошеломил меня.

— Андрей Петрович, ребята без денег. Занимают друг у друга.

— Раз занимают друг у друга, значит еще с деньгами, — попытался успокоить его я. — А перевод нам уже сделан. Завтра деньги получим.

— А то развяжите, Андрей Петрович.

— Что развязать? — не понял я.

— Отпустите на пару часов. Два обратных конца на автобусе, туда — назад, — и ребята с деньгами.

Я от неожиданности подпрыгнул на стуле.

— Да ты с ума сошел! Ты же слово дал!

— Я и держу. Неужели же без вашего разрешения? Да пусть у меня лучше руки отсохнут!

В дальнейшем, встречаясь через несколько лет с Виктором, мы неоднократно весело смеялись, вспоминая этот эпизод. Теперь он уже отец семейства, уважаемый человек у себя в цехе.

— Кто знает, может быть, именно футбол вовремя вмешался в мою судьбу, — говорит мне Виктор, провожая меня из Норильска в Москву.

Может быть, может быть... А вероятнее всего то, что ты, дружок, попал в хороший коллектив, поумнел, понял, что честно жить гораздо веселее, легче. Во всяком случае, увлечение спортом, общение с коллективом ускорило процесс твоей перековки. Будь здоров и сча-

стлив, Виктор! Ты никогда не раскаешься, что навсегда «завязал» и расстался с уголовным миром.

Руководители Норильского комбината, вся общественность города высоко ценили значение физкультурно-спортивной работы в условиях Заполярья. У спортсменов появилась неплохая база: переоборудованный стадион, спортзал, тир, водная и лыжная станции.

В первый мирный год после Отечественной войны в параде в честь Дня физкультурника участвовало свыше пяти тысяч спортсменов Норильска. В колонне футболистов шло четыреста человек.

В Красноярске разыгрывался футбольный кубок края.

После физкультурного праздника меня вызвали начальник комбината Александр Алексеевич Панюков и главный инженер Владимир Степанович Зверев. Они повседневно заботились о развитии физкультуры и спорта в городе и были заслуженными футбольными болельщиками.

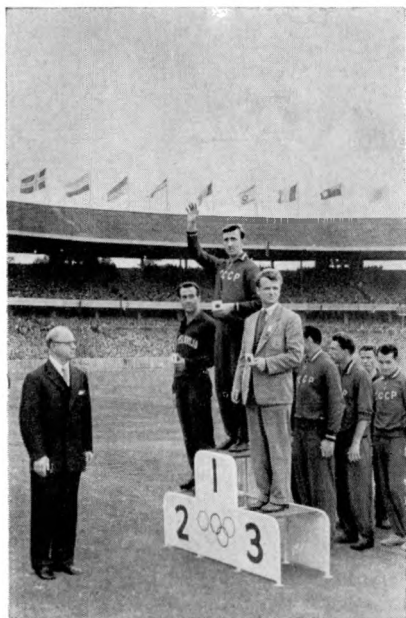
— Ну что, Старостин, сумеем мы оказать сопротивление командам краевого центра, если пошлем нашу сборную в Красноярск? — спросили они меня.

— Красноярск — город большой спортивной культуры. Насколько мне известно, футбол там неплохой. Вряд ли мы, впервые встречаясь с командами Красноярска, можем рассчитывать на успех. А поехать надо. Эти встречи для нас нужны, — высказал я свое мнение.

— Приступайте к подготовке команды, — заключил начальник комбината.

Для каждого города выступление сборной команды всегда волнующее спортивное событие, тем более если предстоит встреча с противником более высокой категории. Стремление футболиста участвовать в соревновании высшей группы вполне естественно. Всегда хочется померяться силами с тем, кто считается сильнее тебя. Поэтому правильно, когда, например, игроки поселка получают возможность сыграть с игроками районного центра и так далее.

Олимпийские игры в Мельбурне. Награждение призеров футбольного турнира.

Сборная СССР — сборная Венгрии, 1956 год. Стрельцов атакует, однако Грошич успевает блокировать мяч.

Олимпийские чемпионы: Нетто, Яшин, Башакин, Сальников, Огоньков, Масленкин, Симонян, Ильин, Кузнецов, Исаев, Татушин.

В этом замечательное свойство и популярность розыгрыша Кубка Советского Союза. В этом громадное стимулирующее значение футбольных турниров на Спартакиаде народов СССР. В этом смысл наших футбольных календарей и, наконец, в этом необходимость участия в международных соревнованиях.

Мы поехали в Красноярск и проиграли красноярским футболистам. Но поражение — мать победы. Поражение наше было закономерно, чемпионы рождаются не сразу. Меня не очень беспокоило разочарование любителей обязательных побед. Важно другое. Ребята были «обстреляны». Их опыт обогатился встречами с противником более высокой категории. Сделан робкий шаг, но это шаг вперед.

Никогда не следует уклоняться от встречи с сильнейшим противником. Такие встречи всегда на пользу слабейшему, вне зависимости от результата. Так я и докладывал на заседании футбольной секции, вернувшись из Красноярска. И тут же, на заседании, мы узнали волнующую спортивную новость: московские динамовцы поехали в Англию, матч из Лондона будет транслироваться по радио.

В Лондоне было три часа дня, когда 13 ноября 1945 года в девять часов вечера я с группой футболистов пробивался через ураганную пургу со стадиона в спортзал. В спортзале был радиоприемник. Он должен донести до нас голос Вадима Синявского. Через моря, горы, степи, тайгу, тундру, пургу... Пурга разгулялась не на шутку. Ветер со свистом нес тучи снега, сбивал дыхание, гнул к земле. Мы упрямо продвигаемся вперед, прижимаясь к дсам и через каждые пятнадцать шагов останавливаясь, чтоб отдышаться.

— Когти рвет, подлюга, — говорит, отряхиваясь от снега, Забава.

Наконец мы в спортзале. Здесь тепло, светло.

Костя Александров, правый край нашей команды, засел у приемника чуть не с утра. Он возвещает:

— Через тридцать минут начнут!

За эти тридцать минут я должен ответить на многочисленные вопросы ребят:

— Как наши сыграют? В чем сила английского

футбола? Кто сильнее — мы или англичане? Верно, что они непобедимы?

Попробуйте ответить на такие вопросы, если советские и английские футболисты встречаются впервые! Конечно, баланс международных встреч западных стран, наши встречи с другими зарубежными командами позволяют строить всевозможные догадки. Да, действительно, английские футболисты не знали до этого времени поражений у себя, на полях Англии.

Пять лет не встречались динамовцы с западными командами. Двадцать восемь лет ждали советские футболисты встречи с англичанами. Сыграть с ними было заветной мечтой. Англия — признанный гегемон мирового футбола. Были, конечно, и у них поражения в Европе, но на континент английские футболисты выезжали, как на гастрольные поездки, к результатам относились безразлично. Другое дело у себя дома. Там неудачи прямо отражаются на финансовом благополучии английских футболистов, которые уже давно являются профессионалами. Сумеют ли динамовцы развеять миф о непобедимости английских профессионалов в Англии? В течение восьмидесяти лет никому не удавалось выиграть у англичан на островах.

Вот сейчас, в эту минуту, московские динамовцы обувают бутсы в раздевалке стадиона «Стамфорд Бридж». А мы здесь, в норильском спортзале, волнуемся за них.

Я рассказывал ребятам, в чем, по-моему, сила английского футбола. Прежде всего в стаже. Английский футбол на несколько десятков лет старше нашего, да и вообще старше всех футболов в мире.

Когда в Англии уже существовали первоклассные команды, во многих странах Европы, в том числе и у нас, футбол был еще в зачаточном состоянии. понадобились долгие годы, чтобы свести этот разрыв к минимуму. В восьмидесяти восьми клубах Англии, игравших до войны, в профессиональной лиге выросли десятки мастеров очень большого класса. Много лет назад вице-президент футбольной ассоциации Англии Пикфорд заявил, что Англия настолько богата игроками экстра-класса, что может выставить десять нацио-

нальных сборных одинаковой силы. «Футбол — прежде всего игра командная. Индивидуальные качества должны быть подчинены одному понятию — команда». Так говорят английские тренеры. Конечно, подобные истины всем давно известны. Однако долгие годы, культивируя футбол на этих принципах, англичане воспитали игроков экстра-класса, умеющих сочетать коллективную игру с высокотехнической индивидуальной игрой. Причем техническое мастерство английских футболистов отличалось отсутствием малейшего признака трюкачества. А коллективность игры отмечалась еще и способностью предугадывания игры противника — качество высокой зрелости футболистов. Если к этому добавить, что английские футболисты прекрасно умеют играть корпусом и в Англии родилась система «дубль-вз», будет понятно, почему никому до сих пор не удавалось победить «Англию в Англии». Правда, в конце тридцатых годов в европейской прессе появились критические нотки в адрес английского футбола в связи с неудачными выступлениями англичан в Брюсселе, где английская сборная проиграла не считавшейся сильной сборной команде Бельгии. Однако отдельные неудачи еще не дают особых оснований для решительных выводов. Упрекали их также в проведении матчей «без души», в «автоматизме», свойственном английскому футболу.

И все же англичане продолжали оставаться «волшебниками мяча». Никому еще не удавалось «связать им ноги» у них в Лондоне.

— Наши их обстреляют, — мрачно сказал Забава после моей импровизированной лекции.

Заговорил Синявский. О чем он поведал, любители футбола помнят. Мы прослушали трансляцию о матче с «Челси». Боевая ничья! Потом разгром «Кардиф Сити» со счетом 10 : 1. Потом выигрыш у знаменитых бомбардиров «Арсенала» — 4 : 3. И, наконец, ничья с «Глазго-Рейнджерс» в Шотландии.

Триумфальная поездка!

Как помогли эти победы массовому футболу! Чувством гордости и уверенности наполнили они сердца молодежи за своих любимцев, мастеров кожаного

мяча! Сколько молодых ребят захотели стать Бесковыми, Карцевыми, Трофимовыми и в особенности Бобровыми! Игры в Англии предсказывали грядущие большие победы советского футбола.

Действительно, их было много, этих побед. В том же 1945 году московская команда «Торпедо» успешно выступала в Болгарии. Одновременно с торпедовцами выступали армейские футболисты в Югославии. Они вернулись на Родину, выиграв у сильнейших югославских команд три встречи из четырех и одну сведя к ничьей. А тбилисские динамовцы приумножили успех советского футбола, вернувшись из поездки в Румынию без поражения. Во всех трех матчах с румынами грузинские футболисты вышли победителями. Годом торжества советской школы футбола следовало бы назвать первый послевоенный сезон 1945 года.

Мне не довелось быть участником этих побед. Но я всеми своими помыслами, трудом своим хотел хоть немного, хоть отдаленно способствовать развитию советского футбола.

...Летом в Норильске удобно: солнце светит двадцать четыре часа в сутки. Компенсирует долгую разлуку за время полярной ночи.

На стадионе оживленно. У обоих врат групп футболистов тренируется с мячом. На трибунах болельщики обсуждают шансы любимых команд с не меньшим азартом, чем на Восточной трибуне московского стадиона «Динамо». На голубом небе красное солнце, как яблоко на тарелке. На часах два. Вы думаете, два часа дня? Ничего подобного! Ночи! Заполярные эффекты.

— Большой футбол у нас, очень большой, — говорит один из самых ярких общественников спорта бухгалтер Леон Агасьевич Айвазов.

Он прав, футбол у нас в стране очень большой.

Хорошая физическая подготовка, соревнования с сильнейшими командами помогли нам выиграть кубок Красноярского края. В дальнейшем норильские футболисты не раз выходили победителями в красных соревнованиях. Но не в этом заключалось главное. Главное в том, что в Норильске создан крупный

спортивный центр Таймырского полуострова с многотысячным коллективом физкультурников.

Мы все волновались не только за судьбы своего коллектива. В одинаковой степени волновали нас футбольные события там, на Большой земле.

А там спортсмены всего мира собрались на XV Олимпийские игры в Хельсинки. Мне опять вспоминается «спортивная Цусима» 1912 года.

Нет, нет, Стокгольм никогда не повторится!

И вот мы опять у приемника. Напряженно ждем последних известий.

— Я думаю, наши сейчас выиграют,—оптимистично, как всегда, заявляет Александр Арсентьевич Забавляев. Он сейчас работает тренером-общественником у железнодорожников.

Мы все согласны с ним.

Действительно, советские спортсмены вышли на первое место, набрали наибольшее количество очков в Хельсинки. Но вот футболисты подкачали. Не дошли даже до четвертьфинала. Разочарованы были мои друзья ужасно.

В особенности огорчалась молодежь, которая привыкла уже к победам нашего футбола за последние годы.

Почему так часто меняли состав сборной? Почему сломали календарь первенства СССР? В чем причина поражения?

Вопросам не было конца. И причины неудачи изыскивались пачками.

Однако среди немаловажных, хотя и не главных, причин была одна, составлявшая, я бы сказал, органический недостаток нашего футбола. Отставание в технике. Вот что давно, как мне казалось, было заметно у наших мастеров. Это отставание еще более увеличивалось тем, что скоростной фактор, темп игры, приносил убаюкивающие победы.

Уже после победы в Англии в отчетах и обзорах, правда, весьма робко, но все же упоминалось о техническом преимуществе англичан. Но эти признания утонули в победных восторгах. Техническое мастерство игрока продолжало находиться на втором плане.

По свидетельству самих участников сборной команды — они мне потом много об этом говорили, — наши игроки, даже лучшие техники того времени Николай Дементьев, Василий Трофимов, Константин Бесков, уступали в техническом мастерстве игрокам зарубежных команд.

Конечно, неправильно было бы думать, что наши игроки технически были примитивны и умели только долго и быстро бегать. А вся методика тренировки была подчинена только этому. Нет, это не так. Техническим элементам на тренировках отводилось порядочное время. Но, поскольку темповый накал соревнования рассматривался как основа основ, гарантирующий успех прежде всего, то и внимание ему уделялось на тренировках первостепенное.

К моменту Олимпийских игр в 1952 году обнаружилось отставание в технике советского футбола. И опять, как пятнадцать лет назад, когда после уроков поражения от «Рэсинга» и басков советский футбол стал тактически перевооружаться, так сейчас, после поражения на олимпиаде в Хельсинки, стал вопрос о всемерном техническом совершенствовании. Новая веха на пути развития нашего футбола!

Истину эту пытался познать я тогда в далеком Норильске, и не только познать, но и практически претворить в жизнь. За семь тысяч километров от Москвы заполярные футболисты изменили методику тренировки и, так же как столичные мастера, перенесли упор в тренировках на разучивание технических элементов...

Однако пора мне собираться в путь-дорогу. Тринадцать лет не был я в своем родном городе, не видел близких, друзей, товарищей моих — спортсменов. Как выглядит сегодня столичный футбол? Какое впечатление произведет он на меня после долгой разлуки?

Меня провожали полярные друзья, ставшие такими близкими за эти годы. До свиданья, Норильск!

Под крылом самолета проплывает серебряная лента Енисея... Туруханск, Подкаменная Тунгуска, Верхне-Имбатское, Енисейск... Я еду в Москву! Домой!

ХХІІІ. МНОГО ЛЕТ СПУСТЯ

Возвращение. — В зеленой «Победе». — Встреча с прошлым. — Венгрия. — Опять в семье. — Тренировка в Тарасовке. — Минский «Спартак». — Немцы. — Неудачная установка. — Спор со старым болельщиком.

За окнами вагона — просторы пшеничных полей, лесные массивы, трубы заводов, мосты... Экспресс «Пекин—Москва» мчит меня в столицу. Позади Сибирь, Урал. Вот уже и Волга. И, наконец, Подмосковье, родные места. Ведь по этой же дороге Тарасовка! Прижимаюсь к пыльному стеклу. Дачные платформы пробегают так быстро... Вот она, Тарасовка! Виден стадион. Какой зеленый! Панорама окраины Москвы. Ярославский вокзал.

Я еще не успел поздороваться со всеми друзьями и родственниками, встречающими меня на перроне, как Яншин, будто мы расстались только позавчера, спрашивает:

— На венгров-то пойдем?

— На каких венгров?

— Первая сборная Венгрии приезжает. Билет для вас брать?

— Брать! Конечно, брать!

Мы едем по улицам Москвы в зеленой «Победе». Рядом со мной Михаил Михайлович Яншин и режиссер Арнольд Григорьевич Арнольд. За рулем драматург Исидор Владимирович Шток. Летнее солнце щедро заливает столицу. Я не успеваю удивляться облику города, так изменившегося за эти годы. А мои спутники, привыкшие и к высотным зданиям, к зеленым липам улицы Горького, к калейдоскопу новеньких, блестящих лаком машин, вперебой рассказывают последние футбольные новости.

Им есть что рассказать о футболе. Каждый имеет стаж болельщика по несколько десятков лет. Еще на заре советского футбола они были постоянными посетителями деревянных трибун ЗКСа, ОЛЛСа и других стадионов, когда в газетных отчетах о матче сообщалось, что на трибунах собралось рекордное количество — до двух тысяч зрителей!

— За что была распущена команда ЦДСА? — задаю я им вопрос, на который, будучи в Норильске, не мог ответить ни себе, ни многочисленным любителям футбола. В кругах спортивной общественности на периферии роспуск команды объяснялся как наказание за проигрыш на XV Олимпийских играх. Я категорически опровергал эту версию. Однако официальной причины ликвидации команды в спортивной прессе опубликовано так и не было. Роспуск одного из сильнейших коллективов страны, вписавшего столько славных страниц в историю нашего футбола, отбросил ныне восстановленную команду на несколько лет назад в ее развитии. Об этом, может быть, не стоило бы вспоминать, если бы пример не нашел себе подражателей. Мне неоднократно приходилось слышать, как разгневанный проигрышем руководитель грозил «провинившейся» команде:

--- Что, захотели судьбы ЦДСА?

А вся вина команды сводилась к тому, что она проиграла в честной борьбе состязание.

В спорте, как и во всем, наказывают за проступки. Однако никогда поражение нельзя рассматривать как проступок команды. Очевидно, случай с ЦДСА тоже был одной из грубых ошибок, повторения которых никогда больше не будет.

Через несколько дней друзья повезли меня на встречу первых сборных Венгрии и Советского Союза.

...Знакомая картина предматчевого ажиотажа. В потоке машин мы движемся по Ленинградскому шоссе на стадион «Динамо». Вот и стадион Юных пионеров. Но уже не деревянный заборчик окружает его. Монументальная ограда из чугуна опоясывает площадь стадиона с внушительной железобетонной трибуной основного ядра. Большой комбинат для спортивной работы среди юных пионеров столицы вырос на месте трамвайного кладбища, которое в двадцатых годах физкультурники профсоюза пищевиков использовали для строительства скромного стадиона.

У «Динамо» разливанное море народу. Что бы подумала старушка с Калужской улицы, ужаснувшаяся тем пятнадцати тысячам, которые «валом валили» на

первый матч сборной команды СССР с Турцией в 1924 году?

У входа на Северную трибуну несть числа знакомым лицам. Вон молодежавый на вид человек. Энергичное, сухое лицо со здоровым загаром. Улыбающиеся серые глаза.

— Здорово, Андрей!

— Привет, Павел! — И мы дружески жмем руки. Это Павел Канунников. Директор спортивного магазина, он продолжает быть активным общественником в московском футболе.

— И битвы, где вместе рубились они! — Это зычный голос Матвея Гольдина, так хорошо знакомый спортивной Москве, приветствует нас. Энтузиаст спорта, игравший еще в дореволюционное время, он на Горючке приводил в бешеный восторг болельщиков своей мощной комплекцией. Седой, но такой же энергичный и темпераментный, Матвей не потерял любви к спорту и по сие время. Главный инженер стадиона в Лужниках, он не пропускает интересных футбольных матчей.

А это, конечно же, Ваня Артемьев! Как мало тронуло его время! Ведь ему, наверное, около шестидесяти лет. Но все так же приветливо улыбаются его монгольские глаза. Кажется, дай ему сейчас мяч, он тут же предложит: «Ну, попробуй обведи, обведи меня!»

— Чем занимаешься, Ваня? — любопытствую я.

— Как чем? Работаю. Тебя в команду-то уж не ставят, — иронизирует он, — а то приходи ко мне, знаешь, какие бутсы сошью, мастеровые!

Он по-прежнему работает мастером-обувщиком и по-прежнему самозабвенно любит футбол.

А вот навстречу мне ковыляет полный мужчина. Да это же Владимир Степанов, правый инсайд «Спартака»! «Болгар», как звала его вся футбольная Москва, сейчас руководит клубным футболом московского «Спартака».

Трагически сложилась его судьба. Другой на его месте мог бы и не выдержать. В военные годы несчастный случай лишил его ступней ног. Прославленный

футболист, еще полный сил, после операции вынужден был стать на протезы. Сильный характер надо иметь, чтобы заставить себя не уйти от, казалось бы, навсегда потерянного любимого дела. У него нашелся такой характер. Он успешно руководит сейчас командами «Спартак», выступающими на первенство города.

— Ну как, Володя, дела?

— Как видишь, Андрей Петрович, не сдаемся.

И он рассказывает мне, как несколько лет подряд спартаковцы выигрывают клубное первенство столицы.

— Марка такая — «Спартак». Хочешь не хочешь, а выигрывать надо.

Торопясь, видно, распорядиться по футбольному хозяйству, как вьон, пробирается через толпу динамовец Сергей Ильин, администратор команды мастеров сегодня, когда-то грозный левый край сборной команды СССР.

Окруженный мальчиками, шествует, видимо закончив тренировку с динамовской юношеской командой, Василий Павлов. Знаменитый в свое время левый инсайд, стяжавший себе славу одного из результативнейших игроков Советского Союза и прозванный в Турции «королем голов».

— Ну, Василий Сергеевич, твое мнение: каков будет результат сегодняшней встречи? — спрашиваю я его. Мое любопытство не случайно. За эти дни я наслушался самых разноречивых оценок соотношения сил встречающихся команд. Мнение специалистов по этому меня очень интересует.

— Мало бьют теперь по воротам. Ежели не будут бояться бить — выиграют.

Мы проходим на трибуну, к своим местам.

Пока ждем торжественного церемониала международного состязания, традиции и порядок которого не изменились — приветствия, выпелы, цветы, государственные гимны, — среди бесконечного потока зрителей я вновь и вновь узнаю спешащих на места встеранов футбола.

Вот возвышающаяся над окружающими златокудрая голова. Эту голову с другой не спутаешь. Сам

Федор Ильич Селин знакомой, чуть покачивающейся походкой поднимается по лестнице.

Да, сегодня, как говорится, «сбор всех частей». Венгры — фавориты современного футбола после олимпиады в Хельсинки. Поражение от Германии в мировом чемпионате не лишает их заслуженной славы.

Рядом сидят незнакомые мне молодые люди. Они жарко спорят. Один из них доказывает неизбежность поражения венгров. А тот, что постарше, придерживается диаметрально противоположной точки зрения.

Я слушаю их, и невольно в памяти всплывают не менее жаркие споры на трибуне парижского стадиона в декабре 1935 года. Мы тогда смотрели игру венгерского «Ференцвароша» и австрийской «Виенны».

Линию нападения венгров возглавлял знаменитый Сароши. Австрийцы были разбиты с крупным счетом.

— А как бы мы сыграли с «Ференцварошем»? — спрашивали мы друг друга.

И, так же как сегодня, одни были убеждены, что проиграем, другие — что выиграем.

Сегодня предстоит решить спор двадцатилетней давности.

Окончен торжественный церемониал. Сборные начинают игру. Сидящий рядом Сергей Ламакин знакомит меня с игроками. Я новичок на столичном стадионе, поле которого когда-то избегал вдоль и поперек. Вот на поле «хитрый бесенок» — Сергей Сальников. В какого он выработался мастера! Скоординировавшись в высоком прыжке, он играет головой. Мастерское исполнение! Гул восторга на трибунах. Легкий кивок, скользящее касание, и мяч, изменив направление, влетает в сетку венгерских ворот. Бросок замечательного вратаря Грошича не помог. Сборная СССР ведет, 1 : 0.

А потом все происходит по тем неписаным спортивным законам, которые хорошо известны любителям футбола. Никита Симонян неудачно бьет по воротам с такой позиции, когда гол кажется неизбежным. Мяч обижается: «А-а, вы не хотите, чтобы счет стал два — ноль? Тогда пеняйте на себя!» И буквально через не-

сколько секунд влетает от ноги Кочиша в ворота Яшина. Так вничью и завершается эта интереснейшая игра двух замечательных команд, не решив спора, который в футболе никогда не кончается, — спора о том, кто же лучше.

Споры эти продолжаются и дорогой, когда мы большой группой идем по Ленинградскому шоссе к Аэропорту, на квартиру к Николаю. Нужно по старой традиции поделиться впечатлениями. Мать, не выдавшая нас всех вместе долгие годы, только головой качает и добродушно улыбается.

— У всех головы седые, а все как тридцать лет назад: только о футболе и спорите, — говорит мама.

Да как же не спорить! Ведь за эти годы накопилось столько невыясненных вопросов, столько проблем, требующих обсуждения. И опять спорим, обсуждаем до утра.

— Вот вы все говорите — Яшин, Яшин! Что же он действительно сильнее Соколова играет? — спрашивает мать.

В начале двадцатых годов однажды, увидев на Трехгорке игру знаменитого тогда вратаря Николая Евграфовича Соколова, кумира московских любителей футбола, мать была им восхищена и с тех пор не может себе представить, как это можно быть лучше Соколова.

Ей уже семьдесят пять лет, и на стадион она больше не ходит, смотрит только телевизор. Но она внимательно следит за всеми футбольными событиями. За полвека она наслушалась о футболе столько, что хорошо знает фамилии игроков всех поколений. Многие из них начинали на ее глазах в детских командах, а сейчас уже работают тренерами.

Младшее поколение — Андрей Старостин, сын Петра, и Александр Попов — сын Веры, — улыбаясь, переглядываются: куда, мол, бабушка-то хватила — за тридцать лет назад! Оба они молодые футболисты, спартаковцы. Напрасно они улыбаются. До сего времени в памяти нашей не потускнела артистически изящная, других слов и не подберешь, игра Евграфыча. Так запросто звали москвичи своего любимца.

Стройный, легко передвигающийся в воротах, Соколов обладал прямо-таки сверхчувствительной реакцией. Его коронные броски в нижние углы ворот были стремительны. Чувство предвосхищения поразительное.

«Соколовская хватка», — говорили болельщики о каком-либо вратаре, если хотели похвалить его.

Наверное, игра Яшина у многих вызывает такое же восхищение, как в свое время вызвала игра Соколова.

Я долго не мог заснуть. Вновь и вновь перед глазами возникали эпизоды сегодняшнего матча. Мелькал быстроногий Татушин. Вспоминалась отшлифованная техника и разумная работа Сальникова. Нетто, Яшин, Башашкин... Ничего не скажешь, сила!

...Опять я в гуще столичного футбола. Николай теперь начальник команды мастеров московского «Спартака». Я занял его место в Центральном совете общества, членом которого состоял со дня его организации.

Семь спартаковских команд выступают в классе мастеров на первенство СССР. Две из них по классу «А». Это команды Минска и Москвы. Но неудачно начался сезон для спартаковских команд в 1955 году. Причин много. Футбол — дело сложное, и успех в нем переменчив.

Знакомясь с делами, поехал я в Тарасовку. Как изменился за эти годы стадион! Маленькие деревца и кустики превратились в большие деревья, и за густой зеленой стеной кустарника не видно поля. Вот и аллеи, по которым в поисках лучшей тактики против басков до утра бродил наш тренерский совет! А вот и поле! На ровном зеленом газоне тренируются мастера. Бьют по воротам. Кто сказал, что культура упала? Бьет Никита Симонян. Я считаю попадания. Очень высокий процент. Сергей Сальников, Игорь Нетто, Анатолий Ильин — все демонстрируют превосходно поставленный удар.

Позднее, глядя на матчи с участием всех этих мастеров, я буду вместе с болельщиками недоумевать: почему они так редко используют свой превосходный удар по воротам?

Тренировка продолжается. Индивидуальная работа с мячом производится непринужденно и разнообразно. Вся команда выполняет технические элементы на высоком уровне.

— Посмотри, как работает Сальников, — говорит Николай.

Я засекаю время, когда Сальников легким движением подбрасывает мяч в воздух и начинает жонглировать им. Проходит три, пять, семь минут, а он все ударяет мяч. То подъемом, то бедром, то пяткой, потом переводит мяч на голову. Ударяет несчетное количество раз головой, подбрасывает плечом. Сначала одним, потом другим. И, не опуская мяча на землю, продолжает заново. Какое чувство мяча!

И это не только у Сальникова. Весь состав команды прекрасно жонглирует мячом.

И опять позднее я буду удивляться: почему так редко используют они в играх свое индивидуальное мастерство? Лишь Игорь Нетто не заслуживает этого упрека. Этот мастер современного футбола прекрасно сочетает комбинационную игру с индивидуальной в той мере, в какой это наиболее эффективно.

После тренировки я спрашиваю Сальникова:

— Сколько же ты можешь жонглировать мячом, не опуская его на землю?

— Пятнадцать-двадцать минут. Пока не устану.

Мы вспоминаем игру поперек поля на третьем месяце войны: «Как твоя фамилия, Сережа?» — «Сальников...»

Сергей напоминает мне еще один эпизод, о котором я совершенно забыл.

Здесь, в Тарасовке, мы с Георгием Глазковым готовились к матчу с басками. Тогда еще не было единого учебного плана и обязательных норм по техническим элементам для мастеров спорта. Мы тренировались на точность удара. Глазков без ошибки клал мяч в любой угол по заказу тренера.

— Подумаешь! — подзадорил я его. — С линии штрафной площадки и новичок исполнит удар. А вот ты попробуй попади в ворота из центрального круга.

— Сколько раз подряд попадать?

— Десять.

Жорж презрительно хмыкнул и повел мяч к центровому кругу. Конечно, нам и в голову не приходило обратить внимание на то, что у ворот рядом со штангой стоит одиннадцатилетний парнишка, у которого сердце замирает от этого спора.

Неторопливо, уверенно Глазков с точностью катапульты направлял мяч в ворота. А паренек после каждого удара усердно доставал мяч из сетки и посылал обратно в центр.

— Семь... восемь... девять... — отсчитывал Жорж удары. И радостным шепотом вторил ему поклонник у ворот.

Жорж и паренек уже торжествовали победу. Но не тут-то было! Десятый удар мимо.

— Вы тогда, Андрей Петрович, рассмеялись. А я расплакался. Мой кумир проиграл пари, — закончил свои воспоминания Сальников. — Я с детства очень ревниво относился к технике.

— Сколько же ты работаешь теперь с мячом индивидуально? — спросил я Сальникова.

— Во время сезона от двух до трех часов в сутки.

Я с уважением посмотрел на него. И вспомнил неустаревшую заповедь футболиста: упорство, упорство, упорство! То, что кажется зрителям с трибун таким легким, само собою разумеющимся, дается упорным, повседневным трудом.

...Председатель ЦС «Спартака» Геннадий Трофимович Михальчук попросил меня поехать в Минск.

Минский «Спартак» дышал на ладан. Всего четыре очка набрали минчане после первого круга. Вновь футболистам Белоруссии грозил переход во вторую группу. Однажды они уже пережили подобное огорчение. Я поехал.

Из разговора со старшим тренером команды Михаилом Георгиевичем Бозененковым стало ясно, что команда переживает серьезный внутренний кризис. Полоса неудач нарушила согласие в коллективе. Обычное при таком положении экспериментирование с составом только ухудшало дело. Как всегда при неудачах, остро встал вопрос о возрасте игроков.

— Нужны радикальные меры, — говорит мне Бозененков. — Следует омолодить команду, пополнить ее местными молодыми игроками.

— А пока?

— Сезон пропал. Переход в класс «Б» неизбежен, — мрачно говорит тренер.

Назавтра минчанам предстоит встреча с тбилиским «Динамо». В случае поражения — всё.

— А в случае победы?

— Тогда теоретически еще шансы есть.

Я застал футболистов «Спартака» на загородной даче, где они готовились к предстоящей игре. Пасмурные лица. Даже в походке какое-то неторопливое безразличие.

— Ну что, Леша, как дела? — спрашиваю вратаря Алексея Хомича.

— Настроение бодрое, идем ко дну, — изрекает Хомич.

...Мне вспомнилась тут одна восторженная поклонница футбола, приехавшая из Москвы в Норильск.

— Тигр, тигр, тигр! — рассказывала она мне об игре Хомича. Это было всего десять лет назад. Сейчас Хомич уже в разряде «старичков»: ему тридцать с лишним лет.

— Быстро ты кладешь на полку свои когти, тигр!

— Так ведь не во мне одном дело, Андрей Петрович.

Не вижу я бодрого настроения и у других игроков. Сейчас начнется установка на игру. Тренер по заведенному порядку определит задачи каждого, изложит план игры против данного противника.

Но главное-то сегодня не это. Нужно зажечь погасший огонек, оживить умершую в коллективе веру в себя. Воспламенить сердца. Без энтузиазма нет футбола.

Общими усилиями нам удалось это сделать. Я видел, каким задорным огоньком загорелись глаза ветерана Павла Мымрика, комсомольцев Ивана Мозера, Анатолия Ероховца, когда мы заговорили о престиже белорусского футбола.

— А ведь верно, давайте сыграем завтра из всех сил! — предложил тигр Хомич. — Попробуем!

Ребята попробовали и выиграли.

Золотое правило — изо всех сил! Не щадить себя, не смиряться раньше времени с неудачей. В противном случае это значит проиграть игру еще до игры.

Но сил на то, чтобы остаться в этом году в классе «А» у минчан не хватило. Бывает так в футболе: команда выиграла все то, что ей положено выиграть. Организм коллектива требует свежих сил. Упустили этот момент, не омолодили в нужное время команду — ждите черных дней. С горечью поражений, с печалью неудач. Какая из команд не переживала таких кризисов!

С минским «Спартак» так именно и произошло. Выиграв в 1953 году право на переход в класс «А», нашумев успехами в 1954 году, спартаковцы Минска в упоении непрочной славы ожидали нового взлета от перезревшей по возрасту команды. Но мяч строг. Он не терпит необоснованного оптимизма.

В Минске, да и не только в Минске, но и в Центральном совете «Спартак», в Комитете по делам физкультуры и спорта правильно расценили горькую неудачу этой команды. Партийные, комсомольские, советские организации долго и всесторонне обсуждали проблему восстановления престижа белорусского футбола. Восторжествовала точка зрения большинства.

Команда была пополнена молодыми силами. И молодежь, как вы знаете, не подвела. Через год в розыгрыше первенства по классу «Б» 1956 года минский «Спартак» провел труднейшие состязания с семнадцатью командами, набрал рекордное количество очков, стал победителем и с триумфом вернулся в группу мастеров класса «А». В 1957 году он снова выступает вместе с сильнейшими командами страны, как равный среди равных.

Высокое мастерство, воля к победе, подкрепленная энергией молодости, — это всегда оправдывает себя.

Вот мы опять говорим о воле к победе. И не можем не говорить, ибо спорт и воля к победе неразделимы. Лучше всего это можно продемонстрировать, ну, хотя бы на примере матча сборных Советского Союза и Федеративной Республики Германии летом 1954 го-

да. Не часто спортивное зрелище создает такое напряжение на трибунах, какое царило на выдавшем виды московском стадионе «Динамо». Когда центрфорвард гостей Морлок ввел мяч в игру, казалось, что напряжение достигло предела. Но так только казалось. Кульминация еще не наступила. Мы сидели всем кланом — четыре брата, жены, сестры, шурины, свояки, племянники — на Северной трибуне по соседству друг с другом. Сидели молча, скованные величайшим волнением. Паршин забил гол. Радость трибун. Мы переглянулись с Николаем. Вот тебе и Паршин! А ведь сколько сомнений было, ставить его на игру или нет!

Однако чемпион мира не собирался щадить наши нервы. Прошло несколько минут, и Отто Вальтер уравнил счет. А на сорок восьмой минуте Яшин вынул второй мяч из сетки ворот. Вот тогда и началось самое тяжелое. Неужели наши дрогнут? Дрогнули... Неудачно вступил в борьбу Башашкин. Срезал мяч Огоньков. Не успел прервать пас Масленкин. Явно наши форварды потеряли уверенность. Мяч не задерживается на половине поля противника. Каждый удар по мячу, каждая минута игры подтверждают опасения; команда действует несогласованно. Но вот начинает проявляться могучая движущая сила советского футбола — воля к победе.

Наступили двадцать минут незабываемого штурма ворот противника. Начинался он от наших ворот, от Яшина. Начинался планомерно, неудержимо. Гости защищались самоотверженно. Их центр защиты Либрих превосходен. Но на поле действовал слаженный ансамбль мастеров советского футбола. Стремление победить сквозило в каждом движении. Спортивный энтузиазм окрылял их и придавал неиссякаемые силы. Они выдерживали этот непостижимый темп наступления.

А когда матч уже шел к концу, наступила развязка. Нетто, овладев мячом, обманными действиями оттянул на себя противника, высвободил Масленкина, передал ему мяч, и Масленкин нанес четкий, плассированный удар. Счет уравнился. И минуты через две кинжальный удар Анатолия Ильина принес еще одну

победу. Взметнулся шлейф в углу сетки, и... над трибунами стаями взмыли в небо голуби. Болельщики приветствовали успех гвардейцев советского футбола! Славный был штурм. Немецкие футболисты, наслышанные до игры о высоком темповом выражении советского футбола, готовились встретить мощный натиск. Но то, что они испытали в течение этих двадцати минут, по признанию их тренера Гербергера, превзошло все ожидания.

Если бы так играть всегда!

К прискорбию, так играют не всегда. Нет, далеко не всегда.

Сезон приближался к концу. «Спартак» предстояло играть полуфинальный матч с московской командой «Динамо».

В комнате отдыха гостиницы тарасовского стадиона спартаковцы собрались на установку. Все идет своим чередом. Каждый по традиции занимает свое место на кресле или диване. За столом начальник команды Николай Старостин, старший тренер Николай Гуляев, тренер Виктор Соколов. На полу расстелен картонный лист с рисунком поля, а на нем фигурки футболистов. За окном золотая осень. Ясно. Тихо. Свежий воздух наполняет комнату через приоткрытую на балкон дверь. Футбольная пора.

Пока Гуляев докладывает план игры, или, как принято говорить, «дает установку», я приглядываю к аудитории. Через четыре часа шестьдесят тысяч москвичей будут свидетелями этой игры. Но что-то я не вижу озабоченности на лицах футболистов. Не чувствуется обычной сосредоточенности, внимания. По беспокойному движению рук Николая — то барабанит пальцами по столу, то катает в пальцах бумажный шарик, то трет подбородок — я замечаю, что он нервничает. По-видимому, он тоже угадывает, что собрание идет без сердца. Его попытка внести оживление результата не дает. Да и сам он что-то сегодня говорит без всякого энтузиазма. А может, мне это только кажется?

В коридоре, когда после собрания мы идем к машине, Николай, отозвав меня в сторону, спрашивает:

— Как прошло собрание?
— Для такого матча холодно, — отвечаю.
— Холодно, и я чувствую, что холодно, — озабоченно соглашается он.

Мы вдвоем с Сальниковым едем в машине к Москве.

— Каковы ваши прогнозы?
— Вы проиграете, — без обиняков говорю я.
— Необоснованный пессимизм, Андрей Петрович! — Сергей посмеивается.

— Трижды обоснованный, и вот тебе все три обоснования: во-первых, вы не подготовлены; во-вторых, плохо подготовлены; в-третьих, совсем не подготовлены.

— В чем же мы не подготовлены?

— Трое из вас опоздали на собрание, и в их числе капитан команды. Собрание перед матчем с «Динамо» началось не вовремя. И еще, прошу отнестись к этому серьезно, вы отвратительно сидели на собрании. Да, да, так сидят на вокзалах в томительном ожидании опаздывающего поезда — поудобней развалясь, полулежа, полусидя. Это свидетельствует о вашей безучастности к грядущему матчу. Наконец — и это самое главное — вы психологически разоружены. Вы уже подстелили себе соломки на случай проигрыша: трудно, мол, у «Динамо» выиграть три раза подряд. Об этом уже мне успел шепнуть и ты сам, и Нетто, и Татушин.

Сергей задумывается. И через минуту задает мне вопрос:

— А почему же вы не сказали об этом на собрании?

— Почему не сказал на собрании? — Я был застигнут врасплох. Действительно, почему я об этом не сказал? На собрании команды в Норильске я бы ни за что не промолчал.

— Пощадил ваши нервы, по-видимому, — неубедительно оправдываюсь я.

Динамо́вцы выиграли эту встречу у «Спартака» в разносном стиле. Не успели болельщики как следует разместиться на трибунах, а Шабров и Федосов уже сделали два глубоких рейда от центра к воротам

«Спартак». И оба прорыва закончились голами. А потом последовали еще два, на которые спартаковцы ответили лишь одним.

Мы пощадили нервы игроков, они тоже себя пощадили. Так взаимная пощада и кончилась поражением.

И опять, как много лет назад, по соседству скептик-большацкий заворчал:

— Нет, раньше лучше играли. В мое время...

Я не сдержался. В твоё время, в твоё время... Твоё время было и моим временем. Да, конечно, в наше время были и прекрасные игроки, и боевой дух, и техника. А всё же, нужно быть уж откровенным и объективным, сегодня класс советского футбола бесспорно выше, техника богаче, тактика разнообразнее. Да разве была раньше такая огромная рать спортсменов, столько прекрасных футболистов! Конечно, мне, как спартаковцу, больно за проигрыш моих одноклубников. Но ведь динамовцы-то заслуженно выиграли! Они сегодня показали всё лучшее, что дала им советская школа футбола. Вот и нужно радоваться за победивших, а не только огорчаться за проигравших. Пусть побеждает сильнейший! Так было, так есть и так всегда будет в футболе. Нужно стараться стать сильнейшим.

XXIV. ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА...

Сезон 1956 года. — Ужгород. — Черноморская лаборатория. — Матч судей. — Итоги календаря. — Лужники. — Что же такое красота? — Венгерские футболисты. — В гостях у Сальникова. — Сверхбетон. — Драма в полуфинале. — Заключение.

Весь летний спортивный сезон 1956 года проходил под знаком подготовки к Мельбурну. Смотром достижений легкоатлетов, штангистов, борцов, боксеров, пловцов, гребцов, футболистов была Спартакиада народов СССР. Во всех уголках необъятной страны шли предварительные состязания. К открытию спартакиады Москва сделала спортсменам замечательный подарок — огромный, один из самых усовершен-

ствованных в мире Центральный стадион имени В. И. Ленина.

По установившейся традиции ранней весной, когда в Москве еще лежал снег и в разгаре был хоккейный сезон, на юг потянулись команды мастеров. В Среднюю Азию, в Прикарпатье, к Черному морю...

В составе бригады Всесоюзного комитета по физической культуре и спорту поехал и я инспектировать весенние тренировочные сборы. Вместе с государственным тренером Г. Жарковым мы направились в Закарпатье. Невеселую картину увидели мы в Ужгороде. Поехали к весне, а приехали в самую злую зиму. Старожилы, которые, как известно, никогда ничего не могут забыть, клялись, что такой погоды они не помнят за много лет. Футбольные поля были покрыты снегом. Тренировочная работа под угрозой. Однако наперекор стихии был все же составлен и разыгран календарь для проходящих сборы команд.

Разработанный Управлением футбола единый план учебно-спортивной работы для команд мастеров помогал футболистам и тренерам. Оставляя широкое поле действия для творческой мысли, этот документ дает основные рекомендации по организации учебно-спортивного процесса. Хороший компас для капитанов футбола.

Много их, этих капитанов футбола, встретил я в Ужгороде.

Вот Евгений Елисеев, бывший игрок сборной команды СССР. Он тренирует рижскую «Даугаву». Здесь Алексей Лапшин тренирует динамовцев Таллина. А вот и Владимир Лукьянович Васильев, администратор команды вильнюсского «Спартака». Это тот самый Лукьяныч, о котором я писал в связи с футбольными схватками в Турции. Четверть века прошло с тех пор, а он, как и многие другие, по-прежнему всей душой в футболе. Такова уж традиция — живая связь мастеров разных поколений. Здесь же и Stanislaw Побержис, старший тренер команды вильнюсского «Спартака».

Многим из нас кажется опасной тенденция к сугубо техническому, комбинационному футболу, почти

игнорирующая силовой момент. Не влияет ли эта тенденция в значительной мере на «габаритность» команд? Футболисты крупной комплекции в командах пасчитываются единицами. Маленький юркий игрок быстрее принаравливается к мелкой комбинационной игре. И тренеры, культивирующие такой стиль, невольно отдают им предпочтение. Хотя, может быть, в душе сожалеют о недостаточном росте, малом весе игроков.

Техника техникой, а нужно думать и об атлетике, о мощности, о силе. Недооценка этой силы сказалась в международных встречах с Венгрией, с Францией. Впрочем, дойдем и до этого.

Снег в конце концов растаял, весна вступила в свои права, тренировки в Ужгороде шли полным ходом. Оттуда я отправился в Сочи.

Подъезжая к Черному морю, из окна вагона увидел, как на аэродроме, расположенном на окраине Сочи, взмывали мячи, мелькали красные, белые, голубые, зеленые майки. Группами за воротами и за линиями границ полей болельщики. Южное солнце заливает эту яркую весеннюю картину. Узнаю красные майки московских спартаковцев. А вон на другом поле их минские одноклубники. Даже не верится, что где-то сейчас мороз, снег.

По всему кавказскому побережью рассыпались команды мастеров. В Сочи московские, ленинградские, минские спартаковцы. В Хосте — «Локомотив». В Леселидзе — динамовцы Москвы. В Гагре — киевляне и ереванцы. В Сухуми — ЦДСА.

Планомерно и методично работает эта весенняя лаборатория советского футбола. Проверяется молодежь, восстанавливают свои силы «старички». Определяется степень подготовки всех игроков к началу календарных соревнований. Бригада врачей ведет опытные наблюдения за участниками сборной СССР. Научные сотрудники ставят опыты по выработке лучшей методики скоростной выносливости футболистов.

А на одном из полей происходит странная игра. В бешеном азарте игроки, не щадя ни себя, ни противника, мечутся по полю в погоне за плохо слушающимся мячом. Вокруг стоят футболисты и с изу-

млением следят за беспорядочной игрой. Некоторые хохочут и подбадривают играющих. То и дело свистит судья, делая замечания и наказывая провинившихся. Мелькающие лысины свидетельствуют о возрасте игроков, далеко выходящем за пределы детства, отрочества и юности. Присоединяюсь к болельщикам. Приглядываюсь и узнаю знакомые лица. Среди игроков Саар, вон он сшиблен на штрафной площадке. Мяч перехватывает Латышев. Вот он столкнулся с Хлопотиним. Потирает ушибленную коленку Клавс. Жарко спорит с судьей Крылов, которого судья... удаляет с поля! Ба! Да это же команды судей все-союзного календаря. Они проходят здесь, в Сочи, учебные сборы. И эта игра — одно из практических занятий их учебной программы.

Зрители-футболисты злорадствуют: побыли и вы в нашей шкуре!

Но игроки-судьи не обижаются. Им не меньше, чем футболистам, нужно заботиться о физической подготовке. Для того чтобы хорошо судить, нужно, кроме всего, и хорошо бегать. Судья — главная фигура в матчах. Он воспитатель, организатор, он задает тон игре, обеспечивает нормальные условия состязаний. Он большой труженик футбола. Много лет подряд проводит сборы судей, следит за учебой и возглавляет ее один из старейших членов коллегии — судья всесоюзной категории Николай Васильевич Кауров. Он укоризненно смотрит на меня, когда я вместе с футболистами-болельщиками кричу игрокам:

— А судьи кто?!

— Некультурно, Андрей Петрович, игроков смущать! Ведь так они могут потерять веру в себя.

Мы потихоньку смеемся с ним и уходим с поля. Пусть их тренируются!

Наблюдая за всей многосложной предсезонной подготовкой, невольно сравниваешь ее с подготовкой в далекие времена первых лет футбола. Как много сделано за это время! Хорошо продуманный единый технологический процесс, выезды на юг, раннее начало сезона, опытные тренеры, строгий режим, дисциплина. Нет, раньше футболисты об этом только могли

мечтать. А теперь это явь, обычный распорядок советского спорта.

В хорошем настроении я уезжал со сбора. Сезон обещал удачу. Да он и оказался удачным. Все мы с благодарностью вспоминаем жаркие схватки на стадионах Москвы и других городов. Многие из них видели, о многих читали. Сорок восемь команд мастеров сражались за первенство Союза, из них двенадцать по классу «А» и тридцать шесть по классу «Б». Впервые в группе «А» участвовали Свердловский дом офицеров и кишиневский «Буревестник». Разная судьба постигла эти две молодые команды. Не выдержав напряжения в группе сильнейших и не набрав необходимого количества очков, оказался в конце футбольной таблицы свердловский ОДО. Были у свердловских футболистов отдельные успехи — победы над московскими «Спартак» и «Динамо», над «Шахтером» и ленинградскими «Трудовыми резервами». Но этого оказалось мало. Вместе с «Трудовыми резервами» уральцы вернулись в группу «Б». Нужно надеяться, что этот способный молодой коллектив завоюет право снова занять почетное место в турнирной таблице и перейдет в высшую группу.

Кишиневский «Буревестник» порадовал любителей спорта. Пожалуй, это было самым ярким в сезоне проявлением сочтения мастерства, молодости, энтузиазма. Кишиневцы упорно лидировали, возглавляли турнирную таблицу. Достойны восхищения упорство и трудолюбие «Буревестника» в каждом матче. Заняв шестое место розыгрыша, они укрепились в группе «А» и в новом сезоне выступают среди сильнейших. Первые три места чемпионата заняли московские команды «Спартак», «Динамо» и ЦДСА.

Преимущество московского футбола сказалось и на футбольном турнире Спартакиады народов СССР. Звание чемпиона завоевала сборная Москвы.

В августе был открыт стадион в Лужниках. Среди чудес столицы это одно из наиболее ярких. Кто был на Центральном имени В. И. Ленина стадионе, никогда его не забудет. Белые дворцы, бассейны, площадки для всех видов спорта, зеленые лужайки, цветочные

поля, вид на Ленинские горы, Москва-река у подножья, широкие дорожки, толпы нарядных, счастливых людей. И, наконец, вмещающая сто три тысячи зрителей главная арена стадиона. Не менее великолепны помещения, которых не видит зритель, — тренировочный манеж под трибунами, залы, гостиница, поликлиника, лечебные кабинеты, просторные раздевалки, душевые.

Мне довелось бывать на европейских стадионах: и на Грюневальдском — под Берлином, и в «Парк де Пренс» в Париже, и на Королевском в Стокгольме, и на Олимпийском в Антверпене, и еще на многих и многих. Это хорошие, удобные, вместительные стадионы. Но такой роскоши и заботы о всех видах спорта я не видел нигде. Да, на таком стадионе плохо выступать нельзя. Это сооружение ко многому обязывает.

Спортсмены страны достойно ответили на подарок. Мощный парад лучших физкультурников страны продемонстрировал глубокую благодарность молодежи своему правительству.

На новом стадионе происходили осенние футбольные соревнования. Не все они были равноценны. Были успехи. Были поражения. Были и успехи, таившие в себе тенденции поражений. Были и поражения, стоившие иных побед.

После победы ЦДСА над венской «Аустрией» предстояла встреча с венграми. Но сперва об «Аустрии».

Внешне нарядная, легкая и непринужденная, игра венцев, многоходовые комбинации поначалу вызвали восторг у зрителей.

Но по мере того как рос счет в пользу ЦДСА, восторг угасал. А когда счет стал 5:0 в пользу армейцев — бесплодная красота австрийской игры стала вызывать чувство недоумения.

— Почему они только пасуют, и к тому же так мелко?

— Почему они так неагрессивны у ворот?

— Почему они так мало играют индивидуально?

— Почему они не бьют по воротам?

Почему, почему, почему... Это слово все чаще и чаще слышалось на трибунах к концу игры. Несмотря на

то, что счет был очень крупным, мячом по-прежнему больше владели австрийцы. Мяч у них, а они проигрывают.

— На вид блюдо вкусное, а есть его нельзя. Не соленое! — сказал мне сосед на трибуне. — Нет, не нравятся эти венские кружева.

И мне не нравятся. Никогда я не был поклонником такого стиля. «Не знаем, выиграем мы или проиграем, — заявил на аэродроме тренер австрийцев, — но мы вам покажем красивый футбол». Да, красивый футбол они показали. Но позвольте, какая же может быть красота без победы? Красота ради красоты — это плавание без цели, без берегов, неизвестно куда и откуда. Так и утонуть недолго.

И вот перед нами прославленная команда, сочетающая в игре красоту и целеустремленность, атлетику и разумную тактику. На традиционную встречу приехала первая сборная Венгрии. Она в Москву привезла все, что есть лучшего в венгерском футболе. Венгры были в хорошей форме, на тренировке работали легко, непринужденно. Особенно выделялись быстротой два крайних форварда: плотный, среднего роста правый край Шандор и легкий сухощавый светловолосый левый край Цибор. На тренировке венгерские футболисты отрабатывали рывки с мячом. Из глубины поля поочередно они в стремительном темпе вели мяч и заканчивали рывок сильным ударом в ворота.

Шандор и Цибор в этом упражнении превосходили быстротой и Хидегкутти, и Пушкаша, и даже Кочиша.

Очень не хотелось проигрывать эту встречу перед олимпиадой, куда, как было уже известно, венгры не поедут.

Две наши последние встречи с венграми — в 1954 году в Москве и в Будапеште, — обе закончились с одинаковым результатом 1 : 1.

«Нет, на этот раз наши выиграют, — думал я, глядя на тренировку. — Во всяком случае, уж не проигрывают».

Я ошибся. Наши проиграли. Один гол, забитый Цибором, решил исход состязания.

Ну проиграли и проиграли. Мало ли что бывает! Но почему от этого поражения остался какой-то особо горький осадок? Да не у меня одного. И снова я слышал десятки недоуменных «почему». Но почему эти «почему», которые недавно адресовались к «Аустрии», теперь были обращены к нашей команде?

Да потому, что советские футболисты повторили ошибки «Аустрии». Не показали нам мастера первой сборной ни мужественной стойкости в обороне, ни неудержимого порыва в атаках. А тактический план, который тем и хорош, что требует всегда развития, улучшения, гибкости, не был одухотворен творчеством игроков и поэтому стал мертвой схемой. Не такова ли причина и поражения в Париже от французской сборной? 2 : 1. Вряд ли стоит тут сваливать на усталость наших игроков от самолета, от предыдущих игр... Проиграли, потому что оказались слабее. Оказались слабее, потому что... Ну да я уже так много и подробно об этом писал...

Сборная СССР полетела в Мельбурн.

Весь мир говорил о рекордном количестве чемпионских медалей, полученных советскими рекордсменами. И футболисты наши на этот раз тоже оказались на высоте. Они обладатели золотой медали XVI Олимпийских игр.

Просторная квартира в большом доме на Смоленском бульваре. Мы в гостях у Сергея Сергеевича Сальникова, на дне рождения его жены — легкоатлетки Нины Сальниковой. Я знакомлюсь с дочерьми Сергея — двумя шестилетними девочками-близнецами. Они показывают мне привезенные отцом из Австралии сувениры — футбольные значки различных стран. Их много, этих значков: болгарские, английские, югославские, индонезийские...

За столом людно. Кроме меня, сегодня в гостях моя сестра Клавдия, ее муж — заслуженный мастер спорта Виктор Дубинин. Наш друг детства Сергей Ламакин, он теперь заместитель директора техникума, общественный деятель по спорту в «Крыльях Советов». Никита Симонян и Игорь Нетто... Хозяин дома подает на стол приготовленное им собственно-

ручно «фирменное блюдо Сальникова» — наштигованное мясо с тертой редькой. Мы пробуем. Да, на зеленом поле искусство Сальникова сильнее, чем на кухонной плите. Но все же, чтоб не обидеть хозяев, едим. И беседуем. О чем же?

Конечно, о футболе. Бедные наши жены! Они знают, что когда собираются вместе три футболиста, вечер обречен. Не будет ни танцев, ни игр, ничего, кроме футбольных разговоров. Они привыкли к этому и терпят. А Сергей, Игорь и Никита, перебивая друг друга, рассказывают нам о мельбурнских бурях. Девочки-близнецы давно уже спят. А за столом громкая беседа, хохот, описание в лицах недавно пережитых сражений.

— Как же вы чуть было индонезийцам не проиграли? — спрашивает Дубинин. — Ведь когда они гостили у нас, их обыгрывали даже второклассные команды. А вы...

— Бетон! — кричит Сальников. — Сверхбетон! Встали всей командой на штрафной площадке — и ни шагу вперед. Мы отойдем назад к центру поля, желая их оттянуть от ворот, а они не идут. Между нами нейтральное пространство. Улыбаются, смотрят на нас, как бы говоря: «Пожалуйста, забирайте без боя!» А как только мы входим в опасную для ворот зону, они так в ноги под удар и валятся. Никак по воротам не пробьешь! Нулями и окончился первый матч. Два дня подряд взрывали мы этот сверхбетон. Но уж как забили один гол — второй, третий и четвертый влетели к ним в ворота уже легко.

Стратегия индонезийского тренера понятна. По правилам олимпиады, если два матча заканчиваются вничью, третьего не бывает. Судьба выигрыша решается жеребьевкой. Кто вытянул жребий, тот и победитель. А в жеребьевке шансы равные — пятьдесят на пятьдесят.

— А Болгария?

— Болгария оказалась потруднее. Болгария сейчас высококласная команда, — говорит Никита, который в этой игре не участвовал. — Эдик Стрельцов играл центрфорварда. Я на трибунах сидел и обли-

вался сорокаградусным потом. Полуфинал складывался, ну, прямо надо сказать, в высшей степени драматично. Ведь наши-то играли, по сути дела, вдевятером: на правом краю с поврежденным коленом Иванов, слева со сломанной ключицей Тищенко. Менять по олимпийским правилам, как вы знаете, никого нельзя. Фланги парализованы. Когда до конца оставалось семь минут, положение казалось безнадежным...

— Всё! — перебил его Игорь Нетто. — Шансов не было. В наши ворота забит гол. До конца семь минут. Впереди никакого просвета. Эдик пытается прорваться, но «часовые» со всех сторон стерегут каждый его шаг.

— Ужасное самочувствие! — вмешался Сергей. — Все перекрыто, не знаешь, кому мяч отдать. А мяч у меня. Один Коля Тищенко открыт. Рука на привязи, двигаться не может, инвалид! Его уж и не опекают. Я и решил отыграть ему. А он — в одно касание в центр, а там уж Эдик подхватил, рванул к воротам. И в темпе в последний момент двинул по голу. И удар-то получился какой-то придавленный. Мяч поскакал, поскакал... В сетке! Да, теперь легче. Мы ринулись в атаку. Одна минута до конца игры. И опять Тищенко. Игра на центре. Потом на правом краю. Продольный пас вдоль ворот. Болгарский вратарь бросается наперерез, кажется, перехватил. Как тут успел Боря Татушин — трудно представить себе. На сантиметр опередил вратаря и забил мяч в ворота. Вратарь лежит на земле, охватил руками голову. Даже жалко его стало. Мяч на центр. Конец игры.

— Капитан болгарской команды всю ночь плакал, — замечает Игорь.

— А ты, ежели бы ты проиграл?

— Ежели проиграл, плакал бы.

— А финал у Югославии мы выиграли легче, — сказал Никита.

А нам было жалко, что мы не видели этих волнующих игр. Мы дружно подняли тост за победителей. Потом выпили за побежденных и опять, опять,

опять говорили об энтузиазме, о воле к победе, о новых схватках.

А новые схватки, да еще какие, совсем скоро предстоят советским футболистам и в календарных и кубковых встречах и на первенство мира по футболу в 1958 году в Швеции. А затем новые, новые, новые состязания.

В 1957 году исполняется шестьдесят лет русского футбола. Началась эта книга описанием большого поражения в Стокгольме, кончается большой победой в Мельбурне. Эстафету первых русских футболистов подхватили мы, первые советские футболисты, затем передали ее новому поколению, те — следующему. И эстафета живет, будет жить всегда, пока живет молодость. А молодость, как известно, бессмертна.

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. Перед началом матча	3
II. Домик на Камер-Коллежском валу	8
III. Горючка	16
IV. Воспитание чувств	25
V. Москва моя...	38
VI. Юность футболиста	50
VII. Рубеж	61
VIII. Турки	70
IX. Судья	79
X. Дебютант	86
XI. Любители	96
XII. Опять турки	110
XIII. Профессионалы	122
XIV. Учитесь властвовать собою	136
XV. За тех, кто в море!	143
XVI. Поражение	154
XVII. Проклятые шипы	167
XVIII. Баски	176
XIX. Болельщики	187
XX. Болгары	197
XXI. Север	206
XXII. Футбол за семидесятой параллелью	216
XXIII. Много лет спустя	231
XXIV. Центральный имени В. И. Ленина...	245

3 р. 75 к.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ